

31 июля (13 августа)

Священномученик
Вениамин (Казанский),
митрополит Петроградский и Гдовский,
преподобномученик
Сергий (Шеин),
мученики
Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров

Священномученик Вениамин родился 17 апреля 1873 года в Нименском погосте Андреевской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии¹ и в крещении был наречен Василием. Его отец Павел Иванович Казанский был женат на дочери священника Нименского прихода Александра Смирнова Марии и в течение сорока лет был священником в этом приходе, включавшем в себя тогда двадцать пять деревень; последние пятнадцать лет жизни он был благочинным.

Впоследствии, вспоминая о своем отце, архимандрит Вениамин писал: «Покойный все свои силы отдал приходу, который при разбросанности населения лишен удобных путей сообщения. В деревни за двадцать и тридцать верст на требы приходилось ездить верхом, имея при себе в сумке все нужное для совершения того или другого требоисполнения. Лесная тропа, которая вела в них, шла по болотам и через речки, на которых мостики каждую весну и осень уносило водой, и лошади переправлялись вплавь.

Сколько бывало всяких приключений: то увязнет лошадь в болоте, то испуганная в чаще леса птичкой или зверьком сбросит своего всадника. Господь только хранил от всевозможных опасностей своего служителя, который, не желая утруждать крестьянина и псаломщика, пускался один в опасные путешествия. Не умея ездить верхом, поступил отец Павел в Нименское, но нужды прихода заставили его научиться и превратиться в наездника. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, то он очень стал чувствовать последствия верховой езды и тех многочисленных ушибов, которые были получены во время падений. Для многих священников, слышавших рассказы о таких путешествиях, жизнь в таком приходе казалась невозможной. А он жил и жил, не год и не два, а целых сорок лет, да еще и о нуждах прихода пекся».

«Забываясь о духовных нуждах пасомых, отец Павел немало понес хлопот, трудов и огорчений ради того, чтобы устроить в бедном раскольническом приходе четыре достаточно благолепных храма, почти исключительно на доброхотные пожертвования прихожан. Один храм устроен на окраине прихода в центре местного раскола. <...> Заветным желанием его было устроить при нем церковно-приходскую школу. Очень он горевал, что старания его превратить в таковую школу грамоты не увенчались успехом», – писал архимандрит Вениамин, невольно свидетельствуя об отсутствии заботы и попечения предрежущих властей о благосостоянии народа, о том, что строилась и создавалась Россия не бестолковыми реформами, проводимыми властью, зачастую народу ненужными и разорительными, истощавшими его творческие и физические силы, а усилиями подвижников, самоотверженно трудившихся на поприще народного

просвещения и укрепления благосостояния народа.

«Кроме храмов, рассадниками духовного просвещения являются школы. В Нименском приходе для удовлетворения просветительных нужд его необходимо чуть не в каждой деревне открывать школу. Поэтому в нем, кроме министерского и двух земских училищ, было открыто заботами батюшки пять церковных школ. Первое время учителями в них были воспитанники отца Павла, которые и трудились под его руководством. <...>

По воскресным и праздничным дням между утреней и литургией прихожане собирались в доме священника. Здесь пастырь, сидя в кругу пасомых, беседовал с ними. Они предлагали ему вопросы, высказывали свои недоумения, свое понимание тех или других вещей и т.д. Предмет этих бесед, в собственном смысле, был самый разнообразный и определялся насущными нуждами прихожан. Они знакомили пастыря с духовным состоянием их. <...>

Отец Павел обращал большое внимание и на свою жизнь, чтобы не податься повода к соблазну и быть образцом для верующих и житием. <...> Последние двадцать пять лет он совсем не употреблял вина. В нуждах прихожанам помогал когда и чем мог. Он, бывало, растолкует им и закон, посоветует, куда и как писать прошение по тому или другому делу, конечно правому, прочтает и напишет письмо какой-нибудь старушке ее сыну, поможет сложный расчет произвести неграмотным крестьянам, заступится за них перед начальством, выясняя истинное значение того или другого действия и т.п.

Помогал немало и материально, ссужая в нужное время хлебом и деньгами. <...> Не только свои, но и из чужих приходов обращались к нему за хлебом; он и им не отказывал. Дом его был открыт для всех. Проезжающие, проходящие, особенно духовного звания, находили себе ласковый, даже родственник прием.

Так жил и трудился добрый пастырь целых сорок лет. С годами телесные силы стали слабеть, но дух был бодр.

Исполняется ему шестьдесят лет; по этому поводу он пишет сыну: „Вот мне и шестьдесят лет исполнилось! Беру себе во внимание и обязанность проводить дальнейшую жизнь свою с большей осторожностью и ограничениями. Да подаст мне Господь крепость и силу к выполнению моих добрых предначертаний“. А предначертания были широкие. Он, например, поставил себе целью поднять экономический быт крестьян одной деревни, которые перестали обрабатывать свою землю и стали нищенствовать. Слыша о домах трудолюбия, он стал наводить о них справки. А пока обратил внимание на подрастающее поколение, открыл для них школу и подыскал умного и трудолюбивого крестьянина-учителя, который мог и с крестьянами побеседовать, и службу, какую можно, в воскресный день отправить (до церкви двадцать девять верст). До сих пор во всей деревне ни одного грамотного не было. Открыли школу, а ребята не ходят, так как надо милостыню просить. Отец Павел берет их под свое попечение, кормит их обедом, даже ужином, шьет одежду и т.д. <...>

В октябре месяце он стал замечать, что с ним творится что-то неладное: желудок отказывается работать. Почти не принимая пищи, отец Павел исполнял свои обязанности по приходу, училищу и благочинию. 2 ноября с трудом он пришел в церковь к утрени, но из церкви его уже вывели. <...> Наблюдая за собою, сведущий по медицинской части, отец Павел заметил, что надежды на выздоровление мало. Тогда он пишет записку другому священнику, чтобы он пришел его напутствовать, а сыну и дочери шлет телеграммы, что медицина бессильна: он очень слаб. К постели умирающего из Самары и Петербурга

собираются дети. 27 ноября совершается над больным таинство Елеопомазания. Трогательная была картина! Сын-архимандрит, ректор семинарии, председательствует, сын-диакон поет, сын-семинарист прислуживает. Больной внимательно следит за совершаемым таинством, указывает, когда и что нужно делать, где и как помазывать. На другой день он ведет <...> беседу со своею женой и детьми, которые сидят вокруг постели: „Господь тянет дни мои. После меня, я думаю, вы будете жить хорошо. Я теперь уже ко всему равнодушен. Ничто земное меня не занимает, так как к земле меня теперь привязывает только вода, которую пью, да ваши ласки. Теперь мне остается решить последнюю трудную задачу – умереть...“ Наступило 5 число, канун храмового праздника. <...> К вечеру он все слабеет. Сын-архимандрит надевает епитрахиль, читает акафист Спасителю и канон на исход души. Больной слушает и заставляет себя приподнять. По прочтении молитвы он трижды целует медный крест, употребляемый им при требоисправлениях, и шепчет: „Хорошо“. <...> Прилегал и минуты через три уснул, закрыл глаза, и дыхание прекратилось <...>, он умер легко, спокойно, с молитвой на устах. Сами дети отерли и одели своего родителя, отслужили литию и стали читать Евангелие».

В 1883 году Василий поступил в Каргопольское духовное училище и, окончив его в 1887 году, продолжил образование в Олонецкой духовной семинарии. Учившийся вместе с ним Николай Чуков^а из всех преподавателей семинарии, оказавших благотворное влияние на учащихся, выделил лишь одного – преподавателя гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей Александра Арсеньевича Бурцева, что свидетельствовало об искусственности системы образования, когда в каждом конкретном учебном заведении качество преподавания почти целиком зависело от эмоциональных и интеллектуальных особенностей того или иного преподавателя, то есть от более или менее случайного стечения обстоятельств.

После окончания в 1893 году Олонецкой духовной семинарии Василий как один из лучших ее студентов был направлен учиться на казенный счет в Санкт-Петербургскую духовную академию. В то время религиозно-просветительскую деятельность в Санкт-Петербурге стало успешно развивать Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, при котором был храм Святой Живоначальной Троицы^б и большой зал для духовных бесед. Уже на первом курсе Василий стал активным их участником. Первая его беседа 17 марта 1894 года была: «Житие святого Алексия, человека Божия, и нравственные уроки, в нем заключающиеся». Темами его миссионерских бесед стали: «„О важном значении в деле нашего спасения благовестия Архангела Гавриила Пресвятой Деве Марии“, „Особенности богослужения пятой седмицы Великого поста (Стояние Марии Египетской и Похвала Богородице) и рассказ об Иосифе“, „О терпеливом перенесении скорбей по примеру Иова“, „О страданиях Иисуса Христа“. На беседах присутствовало триста – триста пятьдесят человек».

Через год число бесед, которые вел Василий, и мест их проведения значительно увеличилось. Он стал посещать с беседами 1-й ночлежный дом памяти императора Александра II, где в понедельник, вторник и среду велись беседы по объяснению Евангелия. С октября 1894 года по апрель 1895-го Василий провел с ночлежниками восемнадцать бесед. 26 февраля 1895 года в

^а Впоследствии митрополит Ленинградский Григорий (1870–1955).

^б Настоятелем храма был священник Павел Николаевич Лахостский (1866–1931).

Адмиралтейском соборе он беседовал на тему: «Страдание православных». Его слушателями стали около двух тысяч человек 7-го и 13-го флотских экипажей и резервного кадрового батальона.

17 сентября 1895 года состоялось открытие подобных бесед в школе при писчебумажной фабрике братьев Варгуниных. Беседы открыл Василий Казанский словом, в котором он сказал о значении внебогослужебных собеседований. На открытии присутствовало около трехсот человек, преимущественно члены Никольского общества трезвости. Беседы здесь вели студенты Василий Казанский, Александр Рождественский и монах Сергей (Тихомир)^а.

14 октября 1895 года в храме Духовной академии при многочисленном стечении молящихся Василий был пострижен в монашество с именем Вениамин. 21 ноября того же года монах Вениамин был рукоположен во иеродиакона. Он продолжал вести беседы – по воскресеньям в четыре часа вечера при фабрике братьев Варгуниных, в тот же день в пять часов вечера – в церкви святых апостолов Петра и Павла при Обуховском заводе, в шесть часов вечера – в столовой при фабрике Штигица, в квартире на углу Мытнинской и 3-й Рождественской улиц и там же по средам в восемь часов вечера; в последнем месте он вел беседы вместе со студентом Духовной академии Романом Медведем^б. Почти ежедневно в семь часов вечера иеродиакон Вениамин вел беседы в 1-м ночлежном доме, находившемся неподалеку от Александроневской лавры.

7 января 1896 года хлопотами и усилиями настоятеля подворья Задне-Никифоровской пустыни иеромонаха Геннадия (Борисова) было положено начало беседам в храме подворья, открывшимся словом иеродиакона Вениамина «О необходимости для спасения знания Единого Истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа». Храм подворья был расположен на окраине Санкт-Петербурга, рядом с чугунным заводом, и посещался в основном рабочими. Трудями настоятеля подворья здесь был устроен дом трудолюбия для людей, прибывших в столицу на поиски работы, но еще не получивших ее: им давались кров, пища и несложное послушание. Беседы велись в воскресные и праздничные дни с четырех до пяти часов вечера. Здесь отец Вениамин провел беседы: «21 января – о притче Спасителя о блудном сыне; 2 февраля (пятница сырной недели) – „О том, как должно по-христиански, по-православному, проводить сырную седмицу“; 11 февраля – „Торжество Православия и необходимость для спасения исповедовать веру, содержащую Православной Церковью“; 14 февраля – „О сердечном покаянии и его важности“; 18 февраля – „Путь к Царству Небесному“ (по Феофану Затворнику); 22 февраля – „Не нужно пренебрегать и малыми грехами, какими бы ничтожными они ни казались“; 29 февраля – „О Божественной силе честнаго Креста и крестного знамения“; 7 марта – „Христос на суде Пилата и Ирода“; 10 марта – продолжение предшествующей беседы – „Осуждение Пилатом на смерть Богочеловека“; 31 марта – „О Воскресении Христовом и явлении воскресшего Господа женам-мироносицам и апостолам“. Слушателей здесь бывало 300–400, <...> маленькая <...> церковь наполнялась до отказа».

19 мая 1896 года иеродиакон Вениамин был рукоположен во иеромонаха. 3 октября того же года он был избран наблюдателем за беседами в церкви

^а Впоследствии митрополит Токийский и Японский (1871–1945).

^б Священноисповедник Роман Медведь, протоиерей; память 21 июля / 3 августа и 26 августа / 8 сентября.

подворья Задне-Никифоровской пустыни.

После летнего перерыва по настоятельной просьбе самих рабочих 25 августа 1896 года были возобновлены беседы на ниточной фабрике Штиглица, в которых отец Вениамин принял активное участие. «После молебна, который пели сами рабочие, – свидетельствует очевидец, – все присутствовавшие пропели „Отче наш“, и затем <...> иеромонах Вениамин <...> предложил беседу на 1-й стих 118-го псалма: „Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни “. После беседы все пропели с воодушевлением „Достойно есть“, а когда народ подходил ко святому кресту, то хор рабочих прекрасно исполнил догматик „Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево...“. Трогательно было видеть, с каким умилением подходили старые и малые ко святому кресту и принимали кропление святою водою; многие женщины были с малыми детьми, некоторые даже с грудными младенцами!»

В 1897 году иеромонах Вениамин окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия; в своей кандидатской работе «Преосвященный Аркадий, архиепископ Олонецкий, как деятель против раскола» он показал себя добросовестным и кропотливым исследователем. 4 октября 1897 года Святейший Синод назначил его преподавателем Священного Писания в Рижскую духовную семинарию.

В период его служения в Рижской епархии было установлено празднование памяти священномученика Исидора Юрьевского и семидесяти двух его прихожан, пострадавших в 1472 году. Впервые богослужение, посвященное празднованию их памяти, было совершено в храмах епархии 8 января 1898 года. Впоследствии в Санкт-Петербурге было основано Православное эстонское братство в честь священномученика Исидора Юрьевского, председателем его с 1910 по 1917 год был хиротонисанный к этому времени во епископа владыка Вениамин.

14 августа 1898 года иеромонах Вениамин был назначен инспектором Холмской духовной семинарии. Он прослужил здесь только год с небольшим, но оставил по себе самую добрую память. Прощаясь с преподавателями семинарии, отец Вениамин сказал несколько слов о своем внутреннем душевном устройении и о принципах, которых он старался придерживаться в своей церковной и общественной деятельности. «По внутреннему складу моей души, – сказал он, – я всюду ищу и жажду мира. Мир я понимаю не в том смысле, чтобы мне поступаться своими убеждениями или других заставлять делать то же. Нет. Он там, по моему мнению, где нет злобы, зависти, вражды между людьми, все согласно и единодушно, каждый по мере сил и возможности служит общему делу, к исполнению которого он призван. Все это я нашел, дорогие мои сослуживцы, в вашей семинарской семье. В наших отношениях, частных ли или общественных, всегда проявлялась любовь и солидарность. Стоит вспомнить только наши собрания педагогические, распорядительные и общие с участием всех преподавателей без всякого шума и бурных состязаний. Я со своей стороны старался поддерживать авторитет каждого из вас перед учениками, ослабляя их замечания и порицания и указывая в противовес добрые стороны и качества». «Простите, дорогой отец ректор! – сказал он, обращаясь к архимандриту Евлогию (Георгиевскому). – Я жил с Вами душа в душу. Узнал, как никто, доброту Вашего сердца, видел Ваше заботливое отеческое отношение к нуждам учеников и внимательное, сочувственное – к потребностям преподавателей. На себе я испытал снисходительное отеческое руководство в исполнении мною трудных инспекторских обязанностей. Простите и вы, добрые мои сослуживцы. С вашей

стороны я встречал всегда почтительное, приветливое отношение».

Ректор семинарии архимандрит Евлогий со своей стороны вполне определенно охарактеризовал своего помощника по руководству семинарией. «В течение этого года мы едва успели хорошо познакомиться с Вами, – сказал он. – Познакомившись, не могли не полюбить Вас искренно и сердечно. Всегда ровный и спокойный, кроткий, тихий и смиренный, отзывчивый на все доброе, Вы невольно привлекали к себе наши симпатии».

Много лет спустя, уже на закате своих дней, митрополит Евлогий вспоминал об иеромонахе Вениамине как о скромном, кротком человеке, который повел дело крепкой рукой и вскоре достиг добрых результатов.

6 октября 1898 года иеромонах Вениамин был назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии и 6 мая 1899 года награжден наперсным крестом.

В представлении к награждению ректор семинарии архимандрит Сергей (Тихомиров) писал: «Подавая своей жизнью добрый пример воспитанникам семинарии, иеромонах Вениамин старается нравственно действовать на воспитанников, беседуя с ними об их ученических обязанностях, помогая им своими советами в затруднительных обстоятельствах. Такое отношение иеромонаха Вениамина к ученикам во многих из них пробуждает сознание „долга“ и, несомненно, отражается на добром поведении учеников».

В 1900 году иеромонах Вениамин был избран членом правления Братства святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, целью которого было оказание помощи беднейшим воспитанникам семинарии; с 25 сентября 1900 года по 2 апреля 1902 года он состоял казначеем Братства, а впоследствии и возглавил его.

Переехав в Санкт-Петербург, иеромонах Вениамин снова стал принимать участие в беседах с рабочими. 10 сентября 1900 года при многочисленном стечении народа состоялось открытие бесед в столовой при ниточной фабрике Штиглица; после отслуженного молебна отец Вениамин обратился к слушателям со вступительным словом.

С 1901 года при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви стал издаваться журнал «Отдых христианина» с двухмесячными бесплатными приложениями брошюр «Трезвая жизнь», цензором которого был назначен иеромонах Вениамин.

18 февраля 1902 года отец Вениамин был возведен в сан архимандрита и 2 апреля того же года назначен ректором Самарской духовной семинарии. Получив назначение в Самару, он сразу же отправился к месту своего нового служения. После первой отслуженной им здесь литургии он обратился к своим новым воспитанникам-семинаристам со словом. «Посмотрите на меня, – сказал он. – Я являюсь к вам в черной рясе, которая показывает, что человек отрешился от мира и всего, яже в мире. Для чего? Для того, чтобы, не связанный мирскими попечениями и семейными заботами, мог... всецело отдать себя на служение другим людям. В данное время для меня такими людьми являетесь вы, дорогие питомцы. Я к вам прихожу и на служение вашим интересам посвящаю себя. Своим старанием, доверием ко мне <...> помогайте мне успешнее и полезнее служить вам».

Впоследствии отец Вениамин писал о принципах своего педагогического служения: «Во всех моих действиях по воспитательной части одна была у меня цель, одна путеводная звезда: благо воспитанников. Мои старания направлялись

к тому, чтобы не дать им как-нибудь камней под видом хлеба <...>. Мне хотелось давать им то, что питало бы организм и способствовало его укреплению, росту и развитию. В своих поступках я справлялся не с тем, нравится ли то или другое действие воспитанникам, может ли заслужить от них похвалу в данное время, а с тем, насколько оно полезно для них и как они благодарны будут за него впоследствии. Словом и делом, всегда и всюду я внушал им внимательное, добросовестное отношение к своим обязанностям. <...> Всякая специальная школа носит свой характер. Он должен обнаруживаться в поведении ее питомцев настолько, чтобы посторонние люди видели в нем оправдание назначения школы. <...> Люди, и особенно простые, смотрят на воспитанников духовной семинарии как на своих будущих духовных отцов, поэтому и предъявляют к ним особые требования. <...> Нужно держать себя так, чтобы всякий посещающий семинарию, особенно храм ее, мог сказать: да, здесь готовятся будущие пастыри Церкви Христовой. <...>

Круг моих забот не ограничивался только наблюдением за исполнением воспитанниками своих ученических обязанностей и требований дисциплины, он простирался на все бытие воспитанника. Для меня была дорога и его внутренняя личная и домашняя жизнь, поэтому воспитанник обращался ко мне не только за тем, чтобы попросить отпуск, пожаловаться на что-нибудь, но и за тем, чтобы рассказать о том горе, которое постигло его родных, поведать о затруднительном материальном положении его отца, посоветоваться, как ему удобнее написать прошение и по делам родительским, и по своим личным в правление семинарии и т.д. Все это давало мне возможность оказать посильную помощь, дать совет, а то и просто погоревать и тем облегчить горе скорбящего сердца. Бывали случаи, что некоторые мучимые совестью приходили поведать свои грехи, укрывшиеся от глаз инспекции. Грехи их отпускались и взысканию дисциплинарному ни через наказание, ни через уменьшение балла по поведению [они] не подвергались...»

5 мая 1902 года в семинарской церкви по инициативе архимандрита Вениамина, в сослужении духовника семинарии им была совершена литургия на греческом языке. Впоследствии литургии на греческом служились в Самарской семинарии каждый год во все время его ректорства, читали и пели на них сами воспитанники семинарии.

12 мая была совершена закладка нового семинарского храма. После литургии состоялся крестный ход к месту закладки, который возглавил епископ Самарский и Ставропольский Гурий (Буртасовский). «Шестьдесят пять воспитанников старших классов были одеты в стихари, собранные... из церквей всего города.

Выйдя от подъезда храма, крестный ход на момент остановился, ожидая, пока сойдет с лестницы, замыкая шествие, хор певчих, – писал очевидец, – <...> хор торжественно начал нотное „Воскресения день“. Одновременно зазвонили во все колокола в кафедральном соборе. Звуки колокола сливались с пением молодых голосов в одну общую гармонию. <...> При входе на Александровскую улицу, едва только певчие кончили петь первую песнь канона, им в ответ грянул четырехсотголосный хор воспитанников: „Христос воскрес из мертвых! Очистим чувства и узрим неприступным светом Воскресение Христа...“ – „Христос воскрес из мертвых! Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же весь и невидимый: Христос бо воста...“ <...> В промышленном городе, где доселе слышен был только стук экипажей да свистки пароходов и фабрик, это был, кажется, первый день в течение многих лет, когда

полутысячная толпа едиными усты и единым сердцем исповедовала громогласно на людной улице имя Христово <...>. Мимо проходившие люди останавливались, долго и внимательно всматривались в лица вдохновенных певцов, потом крестились и... приставали к общему хору. <...> Невольно казалось <...>, что стало ближе расстояние между землею и небом и что Сам Господь „близ“».

По окончании чинопоследования закладки храма в квартире отца Вениамина состоялся обед, во время которого он обратился к присутствующим со словом. «Храм при семинарии имеет большое значение, – сказал он, – так как в ней готовятся будущие служители Церкви. Пусть они еще на школьной скамье привыкают к благолепной обстановке храма и наблюдают за той жизнью, которая в нем имеет свое место. Обширный, благоустроенный храм всегда будет иметь в своих стенах в изобилии посторонних богомольцев.

Между тем на храмы семинарские <...> обращается мало внимания. Они помещаются в самом здании, среди жилых помещений, нередко в верхних этажах, по большей части маловместительные. Поэтому посторонние люди их почти не посещают. <...> Мне кажется необходимым, чтобы будущие пастыри, изучая в теории все, относящееся к их служению, видели бы применение теории в жизни здесь же, при школе, где они теперь проводят большую часть времени. Как при педагогических учебных заведениях существуют школы для практического приготовления деятелей на этом поприще, при медицинских – клиники, так при семинариях должны быть и действовать школы и больницы духовные – храмы. Воспитанники по мере возможности будут принимать участие в живом приходском деле. Сталкиваясь лицом к лицу с духовными потребностями народа, они поймут все значение пастырского служения, найдут удовлетворение своим юношеским стремлениям послужить на пользу человечеству. <...>

Кроме того, в храме, обильно посещаемом посторонними богомольцами, то настроение, которое будут приносить с собою люди, приходящие добровольно, по усердию помолиться Богу, будет оказывать благотворное влияние на настроение приходящих туда по звонку, в силу необходимости».

25 мая 1902 года архимандриту Вениамину было поручено наблюдение за преподаванием Закона Божия в мужских средних, а также шестиклассных и четырехклассных учебных заведениях города Самары.

7 июня состоялся выпуск окончивших курс семинарии: первыми были признаны два выпускника, шестнадцать – достойными звания студента, двадцать один – выпущены с аттестатами второго разряда. В то время остро обозначилась ставшая уже серьезной проблема – получающие духовное образование во все большем количестве уходили в светские учебные заведения и устраивали свою дальнейшую жизнь, занимая гражданские должности, отчего приходы стали испытывать недостаток в подготовленных пастырях. Высказывая свое сожаление об этом, инспектор Самарской семинарии Дмитрий Николаевич Дубакин, обращаясь к выпускникам, сказал: «Многие из вас <...> остались после смерти родителей сиротами, без всяких средств к жизни, и, однако ж, это не помешало вам окончить курс. Церковь для вас была поистине заботливой матерью: она дала вам возможность получить не только низшее, но и среднее образование, а некоторым из вас даст и высшее. Поэтому она желает и даже имеет право надеяться, что вы или непосредственно после семинарии, или после окончания высших учебных заведений вернетесь к ней заплатить свой сыновний долг – положить на служение ей свои силы».

С начала 1903 года в образцовой школе при семинарии при непосредственном участии архимандрита Вениамина стали проводиться собеседования с сектантами: об иконопочитании, о почитании святых, о святых мощах, о Кресте Христовом. Со стороны сектантов выступал очень начитанный слепец-начетчик Андрей Коновалов. Двери школы были открыты для всех, и при всевозрастающем интересе к предмету слушаний народу на них стало собираться все больше и больше, так что со временем они стали приобретать уже общественное значение. Собеседования носили характер мирной полемики, но задевали за живое глубиной затрагиваемых вопросов. 2 марта состоялось собеседование о таинстве Причащения, причем, вместе со слепцом-начетчиком оппонентом выступил некий штундист. 9 марта состоялась беседа о таинстве Священства; слепец-начетчик ничего не смог возразить против учения Священного Писания и лишь указал на недостатки православной иерархии. И потому следующая беседа, 16 марта, была посвящена возражениям сектантов против строя и порядка в современной иерархии, а 23 марта – тому, что присутствие в Церкви грешников не лишает ее святости. Собеседования стали пользоваться все большей популярностью у ищущего правду народа; иногда они продолжались до позднего вечера, уже основные собеседники кончали все свои возражения и уходили из школы, а народ оставался и продолжал горячо обсуждать спорные темы.

Во время службы в Самарской семинарии архимандрит Вениамин стал инициатором и организатором путешествий к достопримечательным историческим местам и паломничеств к святым местам Православной Руси. Он придавал этому исключительное значение и как познавательному элементу, расширяющему образовательный кругозор семинаристов, и как элементу воспитания их; здесь они на практике знакомились с жизнью верующих людей, знакомились с жизнью крестьян, приходящих к святым местам со своим горем и радостью. В первый раз отец Вениамин отправился с инспектором и духовником семинарии и тринадцатью воспитанниками 3-го и 5-го классов 9 апреля 1903 года на одни сутки в Симбирск; здесь они помолились в семинарской церкви за поздней литургией, помолились в соборе и осмотрели достопримечательные храмы города.

Через месяц, 14 мая, шестнадцать воспитанников 5-го и 6-го классов из числа наиболее ревностных, деятельно готовящихся к пастырскому служению, под руководством архимандрита Вениамина, епархиального миссионера-священника и одного из преподавателей семинарии предприняли миссионерскую поездку для собеседования с раскольниками села Преполовенского, с целью ознакомления семинаристов с приемами противораскольнической полемики. Поездка предполагалась непосредственно перед сдачей экзаменов, и семинаристы взяли с собой учебники по догматическому и основному богословию, чтобы готовиться к экзаменам в поезде. В том же поезде оказался и оппонент миссионера, известный слепец-начетчик Андрей Коновалов, который был приглашен крестьянами села Преполовенского для беседы с ним, чтобы в результате диспута еще более утвердить беспоповцев, последователей Спасова согласия, в правильности их воззрений. Священник-миссионер и семинаристы вступили в беседу с Андреем Коноваловым о главных типах сектантства в Самарской епархии, о раскольнической литературе, причем начетчик обнаружил большие познания в области литературы против раскола. Он знал все исследования профессоров

духовных академий, касающиеся этой темы, а также и духовных писателей. Семинаристы были весьма удивлены тем, что тот выписывает из лучших магазинов научные богословские сочинения, оценивая каждое по справедливости и вполне компетентно. Вместе с ним ехал его сын, воспитанник церковно-приходской школы, который заменял глаза своему отцу. Во время собеседований он зачитывал тексты из старопечатных книг.

С шести часов вечера в сельском храме началась всенощная под праздник Вознесения Господня. Храм не вмещал молящихся, и многим пришлось расположиться у храма и слушать богослужение через раскрытые окна. Служили архимандрит Вениамин, приходский священник и священник-миссионер. Семинаристы пели на левом клиросе, взяв на себя обязанности церковных чтецов и пономарей. Местный хор расположился на правом клиросе. Проведенная общими силами вдохновенная служба произвела огромное впечатление на жителей села. Сразу же после службы многие из жителей выразили желание пригласить к себе в гости семинаристов и побеседовать с ними. Крестьяне, православные и раскольники, окружив одного из воспитанников, защищавшего православие, не расходились до глубокой ночи, слушая его.

После литургии, в одиннадцать часов следующего дня, в храме был устроен помост для миссионера и начетчика. Андреем Коноваловым были извлечены из холщовых мешков старопечатные книги, и в присутствии множества людей началась беседа о Церкви. Семинаристы вели протокол, чтобы впоследствии, уже в семинарии, восстановить ход беседы, возражения Коновалова и опровержения епархиального миссионера и проанализировать места из старопечатных книг, которые сектанты приводят в свою защиту. Беседа длилась до четырех часов пополудни, после чего был устроен двухчасовой перерыв, во время которого слушатели, мужчины и женщины, составляя отдельные группы, продолжали спорить о вере; казалось, что актуальность вопросов веры снова начала занимать в жизни людей первое место. В шесть часов пополудни началась вторая часть беседы, которая продолжалась до восьми часов вечера. По окончании беседы отец Вениамин, епархиальный миссионер, преподаватель семинарии и семинаристы отправились на вокзал. Немало были удивлены приходский священник и крестьяне, что архимандрит Вениамин не потребовал для себя повозку с лошадьми, а отправился вместе с учениками пять верст пешком. В поезде отец Вениамин, стоя вместе с группкой учеников на площадке вагона, рассказывал им о себе, о своей учебе в Духовной академии, о профессоре Ключевском и о вступительных экзаменах.

Летом 1903 года это успешное начинание – паломнические поездки – было продолжено. На этот раз во время поездки с 10 июня по 10 июля планировалось посетить Москву и Троице-Сергиеву лавру, Санкт-Петербург, Коневецкий монастырь, Валаам, Сердобль, водопад Иматру, Выборг, Кронштадт, Ораниенбаум, Петергоф, Волхов, Новгород, Старую Руссу, Рыбинск, Ярославль и Нижний Новгород.

Отец Вениамин задолго готовил семинаристов к этой поездке. В течение года он «собирал желающих участвовать в путешествии воспитанников и давал им соответствующие указания относительно чтения книг, имеющих отношение к поездке, а некоторых из будущих экскурсантов даже нарочито руководил в их подготовительных занятиях». Был заблаговременно объявлен сбор денег с воспитанников, причем в самых малых суммах, было объявлено о сборе пожертвований, которые покрыли часть необходимых расходов, двух

семинаристов отец Вениамин повез за свой счет. Озабоченный приисканием ночлега, он заранее списался с ректором Московской духовной академии епископом Арсением (Стадницким), ректором Московской духовной семинарии архимандритом Анастасием (Грибановским), ректором Санкт-Петербургской духовной академии архимандритом Сергием (Страгородским), ректором Ярославской духовной семинарии протоиереем Михаилом Троицким, ректором Нижегородской духовной семинарии протоиереем Геннадием Годневым и заведующим торжествами прославления преподобного Серафима Саровского архимандритом Серафимом (Чичаговым). Все выразили большую или меньшую готовность принять путешествующих преподавателей и семинаристов. Отказом ответили архимандриты Анастасий и Серафим; отказ последнего особенно опечалил отца Вениамина, так как именно в Сарове планировалось завершить паломничество. Архимандрит Вениамин полагал, что соприкосновение после длительного путешествия с выдающимся религиозным явлением будущих пастырей, пребывание среди десятков тысяч верующего народа благочестивой Руси, пришедшего поклониться и помолиться давно любимому ими и чтимому угоднику Божию, окажет на души воспитанников большое влияние, останется в их памяти, явится благословением прославляемого угодника Божия на их дальнейшую жизнь и принесет впоследствии свои плоды.

Горько было отцу Вениамину читать ответ архимандрита Серафима: «К предстоящему торжеству прославления Саровского старца Серафима... ожидается большое стечение народа, ввиду чего имеющиеся в обители помещения не могут удовлетворить требованиям всех желающих быть на торжестве. При таких обстоятельствах прибытие к торжеству воспитанников Самарской семинарии, при полном сочувствии к благой его цели, оказывается неудобным, так как не представляется никакой возможности дать им какое-либо помещение для ночлега и склада вещей».

Этот отказ вспомнился с особенной горечью в конце путешествия, когда паломники-семинаристы приблизились к Нижнему Новгороду и увидели воочию, как сказывалась на всем окружающем «близость великого дня прославления преподобного Серафима Саровского. Болящие, слепые, хромые со всех концов потянулись к целебному источнику. Которые могут – сами идут, которые не могут – тех на руках несут. По водному пути все едут: кто имеет средства – платит за билет, но садятся на пароход и те, кто не имеет средств: сердобольный капитан не прогонит с парохода больного человека, привезет его в Нижний „Христовым именем“. Перед нами ужасная, разрывающая сердце картина, – вспоминал один из паломников, – старуха мать, с трудом переводя дыхание, несет на плечах больную дочь: держит ее за руки, а тело повисло на спине старухи. Донесла свою дорогую тяжелую ношу до лавочки и бережно опустила ее.

– Несла, несла, насилу донесла, – говорит, глотая слезы, старуха и утирается грязным платком.

Отец-духовник подошел к больной, разговорил, как мог, утешил ласковым словом. На ласку священника, как к свету солнышка, устремились другие – немощные и страждущие: ближе всех встала женщина со слабоумной дочерью.

– Благослови, батюшка.

„Отец“ благословил и выслушал горькое сетование принесшей на плечах расслабленную.

– У нее хоть ходит, а мою-то вот носить надо, сил нет, – опять плачет старуха.

<...>

В этот момент всего больнее сказался отказ в гостеприимстве Саровской обители. Не счесть и не описать никакими словами тех духовных лишений, которые получили будущие пастыри от невозможности видеть лицом к лицу великое, собравшееся у святого источника всенародное русское горе. Что такое Валаам в сравнении с этим уроком скорби и страданий?! Там – мы почти и не видали подвига, там многое казалось непривычным мирскому взору, многие труды и усилия оставались неоцененными, вызывали, быть может, недоверие, переоценку, а здесь... здесь разве можно устоять перед сильнейшим всякой логики впечатлением, которое производит иссохший, полуживой человек с язвами на лице, на руках, на всем теле, с гнойными ранами, с нестерпимым смрадным запахом распространяющегося по всему телу гниения. Разве можно устоять перед непобедимой логикой безысходной человеческой печали, которая находит себе выражение в горьких слезах и столах?!

Мы во время экскурсии посетили десятки музеев, где собраны были древние памятники и расположены в надлежащей системе. Мы ехали тысячи верст для того, чтобы побывать в этих музеях. Но Саровская обитель 19 июля 1903 года – разве это не музей тоже, и притом редкостный музей – человеческой печали, собранный с разных концов Русской земли всего на 3–4 дня и отличающийся от других тем, что он будет „разобран“ сразу же, как только минет известный момент. Спешите сюда, скорее спешите, будущий православный пастырь, учись здесь терпению, готовься к своей тяжелой крестной службе на этих примерах, на этих живых лицах.

Тебе преподали богословские науки, научили тебя логически мыслить, правильно, без ошибок переводить иностранную речь на русский язык, наполнили твой ум массой научных сведений, но... научили ли тебя страдать вместе с несчастным, плакать вместе с плачущим, находить в душе своей неподдельное слово утешения тому, кто уже не видит отрады в пределах этого мира?! Нет, не только не научили, но и ни разу тебе не показали людских страданий, ни разу не заставили твое сердце сильно биться при безысходном несчастье другого. А ведь, может быть, ты, юноша, и великодушен от природы, может быть, ты сумел бы и алчущего напитать, и жаждущего напоить, может быть, в одной палате, где на холере практикуется студент, медик пятого курса, может быть, и ты пошел бы навстречу смертельной опасности и не задумался бы положить жизнь свою за наслаждение утешить неизлечимо больного... Пожалела бы, потужила бы об этом тогда верующая твоя мать, но и она утешилась бы сознанием, что ты, Христов работник, в дому Отца Его имеешь святую обитель. Может быть, если бы показать тебе поле битвы и военный лазарет, трепетно забилось бы твое восторженное сердце, и вместе с сестрою милосердия ты бросился бы помогать несчастным „отирать кровавые раны на жестоцем теле“ и не из книги только, а из самого сердца своего сказал бы в утешение слово Евангелия. И, может быть, целую ночь, до утра не смыкая глаз, делал бы это святое дело и забыл бы обо всем: о радости и счастье мира, о больших окладах, наградах и чинах, об иерархических преимуществах.

Дала ли тебе, будущий пастырь, школа твоя испытать это святое чувство небесного восторга, когда душа твоя юная, быть может, увлекающаяся и грешная, прикасалась бы краем ризы своей мирам иным и забывала бы о богатстве, о почете и счастье? Ей! если бы нашелся когда-нибудь премудрый педагог – схимник монастыря или директор военного лазарета, который бы дал тебе изведать это святое счастье, ты не стал бы так утонченно и меркантильно

рассуждать, не пошел бы на другую дорогу, а остался на том узком и тернистом пути, по которому шли твой дед и отец. А если тебя все еще манит другой, тоже не менее тернистый светский путь, то не потому, что там лучше живется, а потому, что оскудело вдохновением твое родное гнездо, что и родные твои, и учителя твои, и воспитатели забыли показать тебе целое море страданий и слез; оттого, что, развивая твой ум, они не научили тебя проводить скучную, бессонную ночь у постели больного, оттого, что не передали тебе огня святого вдохновения, не дали тебе случая пережить общее увлечение добрым делом. Тысячи и тысячи тысяч раз не дали тебе понять той силы, которая когда-то вела святых мучеников ко Христу через кровь и огонь, через пытки и колесования, чрез многолетний отшельнический созерцательный подвиг. И до тех пор, пока не будет внесена эта струя „живой воды“, при которой незаметен голод и жажда, до тех пор не наступит время выхода из школы самоотверженных пастырей. Жертвовать за вдохновение, даже в обыденной жизни, платить плату за театр и вино согласны многие, почти все, но кто пожертвует жизнью за избавление от тоски жизни, от неумения отыскать себе иную основу, кроме скучного материального благополучия? <...>

Нет, не об „обременении обители“ тут речь, а о новом и продолжительном возжигании огня, который начинает гаснуть».

В 1904 году началась Русско-японская война. Для христианина раздумья о ней зачастую порождали тяжелые чувства. «При мысли о войне содрогается и ужасается сердце человеческое, так как слишком уж много приносит она людям всякого горя, бед, скорбей и страданий до смерти включительно, – писал отец Вениамин. – Сердце кровью обливается, на глазах невольно появляются слезы, когда представишь себе: сколько поильцев и кормильцев должны бросить свои семьи и идти на поле кровавое, чтобы там подвергнуться всем опасностям и ужасам войны. Они будут сражаться, а оставшиеся дома близкие их будут лить слезы, тужить и беспокоиться, не зная, где они и что с ними? <...>

Особенно тяжело, мучительно тяжело мысль о войне поражает сердце христианина. По заповеди Христовой он не различает своих и чужих, скорби, страдания других людей – его собственные, он должен всех благословлять, никому не вредить, никого не убивать. Но война заставляет его брать оружие и вносить в среду врагов опустошение и смерть. Иначе он и поступить не может. Вот он видит, что вера его, самое ценное сокровище, подвергается поруганию, дорогие сердцу его святыни ее оскверняются, его единоплеменники, единоверцы и соотечественники терпят всевозможные бедствия и страдания до смерти включительно. Перед его сознанием ярко выступают слова Христовы: „больши сея любви никтоже имать, да кто положит душу свою за други своя“ [Ин. 15, 13]. Эти-то слова Христовы, как некогда разъяснял святой Кирилл Философ, и заставляют христиан вести войну. Поэтому может ли кто обвинять в несоблюдении слов Христовых людей, которые, покидая свои семьи и занятия, порывая всякие дорогие их сердцу связи, идут навстречу врагам, рискуя и жертвуя своею жизнью, сражаются не за себя только и свое достояние, но за многие тысячи других людей, которые дома наслаждаются жизнью в кругу своих семей, и за их благополучие. Узкий только эгоизм и непонимание учения Христова заставляет некоторых отказываться от участия в войне оборонительной. Они боятся взять грех на себя, запятнать душу свою убийством неприятелей, а не боятся нарушить заповедь о любви к ближним, к друзьям своим до положения живота своего за них. <...>

Поистине великое бедствие война. Но мы, русские, ее не желали. <...> Мы, по апостолу, стараемся, если возможно с нашей стороны, быть в мире со всеми людьми (ср.: Рим. 12, 18). Но эта возможность у нас отнята».

В июне 1904 года состоялась последняя поездка архимандрита Вениамина с воспитанниками Самарской семинарии, это была четвертая по счету поездка, она была осуществлена исключительно на его личные средства. Это была поездка в Саров.

После посещения на пути в Саров Серафимо-Понетаевского Скорбященского монастыря², где отца ректора и семинаристов приветливо и ласково встретили, из уст описателя этого путешествия невольно вырвались слова благодарности святой обители: «Прощай, мирная обитель! Сердечное спасибо тебе за гостеприимство. Не пропадет посеянное тобою в этот раз доброе семя. О приветливом, радушном приеме твоём вспомнят юноши, когда будут взрослыми, и скажут другим доброе слово о тех, кто здесь их обласкал и приветил. Будущие священники скажут о тебе своей пастве, будущие мирские деятели вспомнят о твоём гостеприимстве в кругу своей или чужой семьи, перед родными, перед знакомыми... И сторицею вернется к тебе та материальная затрата, которая употреблена на наш прием, и сторицею также вернется к тебе доброе слово и приветливые речи, которые ты расточала перед чужими, совершенно незнакомыми юношами».

Из Понетаевского монастыря в Саров паломники отправились пешком. По пути купили себе лапти и шли в этой мягкой обуви с большим удобством. Видеть путешествующего пешком архимандрита крестьянам было столь непривычно, что между ними однажды затеялся спор: правда ли, что это архимандрит, не может, мол, архимандрит идти пешком.

Помолившись у мощей преподобного Серафима, паломники отправились в ближнюю и дальнюю пустыни, еще раз подтвердившие общее впечатление от посещения Сарова: «Здесь вся Россия с ее горем, с ее надеждами и ожиданиями. Смесь различных верований, взглядов, священных гимнов, поверий и даже суеверий. Здесь тысячи легенд о праведном старце. <...> Здесь каждый час пребывания с верующим народом равняется прочитанной книге».

Однако мятежное время брало свое. Несмотря на большой авторитет архимандрита Вениамина в семинарии, революционные беспорядки, ставшие в то время в духовных учебных заведениях повсеместными, коснулись и Самарской семинарии. 13 октября 1905 года семинаристы прекратили занятия и, собравшись в актовом зале, потребовали реформы духовной школы; к ним не примкнули из практических соображений лишь выпускники, семинаристы последнего, 6-го класса. Правление семинарии приняло решение распустить всех воспитанников по домам, за исключением 6-го класса, до тех пор, пока не представится возможность восстановить нормальный учебный процесс.

За день до этих событий, 12 октября, архимандрит Вениамин был назначен ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии. 30 октября состоялся прощальный обед преподавательской корпорации. 9 ноября после молебна об отправляющемся в путь отце Вениамине в его квартире собрались сотрудники епархиальной миссии; один из них, характеризуя деятельность архимандрита Вениамина в семинарии, сказал: «Большая педагогическая ошибка заключается в той системе воспитания, которая хочет иметь дело только с худшими сторонами души питомцев и старается воздействовать на них только страхом наказания. Внешний порядок и законоисполнительность могут торжествовать, но живая душа и юное сердце будут неизбежно калечиться и вправе апеллировать к

высшей справедливости. У духа человеческого есть свои вечные, неотъемлемые права; его нельзя ни сковать уставами, ни инструкциями, ни убаюкать мертвыми предметами и снотворными лекциями; он силится сокрушить свою темницу и порвать стесняющие его путы. Вы, отец ректор, обратили внимание на самый существенный недостаток почти всех казенных заведений, в которых всюду веет холодом, тоскливым однообразием, какой-то неестественной samozамкнутостью, отчужденностью и бездушным формализмом, где и начальствующие, и подчиненные несут какую-то тяжелую повинность по отношению друг к другу и потому всей силой души ненавидят друг друга. Вы обратились к лучшим сторонам души своих питомцев и сумели сделать их ответственными перед самими собою, перед своею совестью и нравственным долгом.

Молодое сердце нуждается в живом общении, сердечном сочувствии, отеческой ласке, и Вы сумели внести в их жизнь живительные свет и тепло. Отрадно было видеть, что где питомцы, там и Вы; где Вы, там непременно и питомцы: и в классе, и в коридоре, и в занятых комнатах, и у себя на дому, и на прогулках, и на миссионерских беседах, и в путешествиях.

Истинный аскет по призванию, Вы, однако, не были монахом напоказ. Широко и высоко понимая задачи монашества, Вы созерцательный аскетизм соединили с практической стороной его и, совершенствуясь внутренне, являли себя нам многопользным общественным деятелем, отзывчивым на все запросы текущей церковной жизни. Вы живо интересовались положением и лучшей постановкой пастырского проповедничества, задачами и успехами епархиальной миссии и религиозно-нравственных чтений и всюду вносили с собой богатую лепту усердия, знания, опыта, а главное – все обновляющую и все побеждающую любовь».

Архимандрит Вениамин прибыл в Санкт-Петербург в разгар революционных беспорядков и забастовок, коснувшихся, в частности, и семинарии. При первой же встрече с новым ректором 12 ноября 1905 года учащиеся Санкт-Петербургской духовной семинарии обратились к нему с просьбой поддержать их требования. Вечером того же дня правлению семинарии была передана петиция семинаристов. К ее обсуждению, а также к обсуждению, каковы должны быть нормальные условия существования семинарии, были привлечены родители семинаристов. 15–17 декабря в семинарии состоялись родительские собрания, с тем чтобы показать родителям, что они должны отвечать за нравственный уровень своих детей, отдавать себе отчет в том, хотят ли их дети получить духовное образование и хотят ли учиться вообще; сами родители должны были, наконец, выработать правила, которые гарантировали бы успешный учебный процесс. Родители, которые не могли поручиться за своих сыновей, что те будут подчиняться учебной дисциплине, должны были взять их домой и сами готовить к весенним экзаменам.

Кризис духовного образования со всеми его последствиями оказался настолько глубок, что занятия в семинарии удалось возобновить только после рождественских каникул, 13 января 1906 года. Правление семинарии предупредило, что в случае повторения волнений семинария или отдельные ее классы будут закрыты до августа 1906 года в соответствии с указом Святейшего Синода. Несмотря на это предупреждение, 1 мая большая часть классов вновь устроила забастовку в знак поддержки пролетариата в его борьбе с буржуазией, как заявили сами семинаристы. На следующий день все бастовавшие семинаристы были отчислены с условием приема обратно лишь после экзамена.

Все они должны были немедленно покинуть помещения семинарии и разъехаться по домам. Продолжили учиться всего лишь два отделения – из 3-го и 5-го классов. Забастовки 1905–1906 годов парализовали деятельность большинства семинарий в стране.

В августе – сентябре 1906 года состоялись приемные экзамены для уволенных; всего на первый курс было принято сто десять человек, что значительно больше, чем принималось обычно. Однако по окончании 1906–1907 учебного года было исключено за неуспеваемость тридцать шесть семинаристов, через год – еще тринадцать.

Перед молебном на начало нового учебного года архимандрит Вениамин обратился к семинаристам со словом, которое, по свидетельству слушателей, «дышало искренностью, ясностью и твердостью убеждения». «Вступая в новый учебный год, – сказал он, – мы не знаем, что ждет нас впереди: будущее закрыто от нас непроницаемой завесой.

Но, собравшись сейчас сюда, зададим себе кажущиеся на первый взгляд странными вопросы: куда мы собрались? и зачем мы собрались?

На столь простые вопросы получим простые и совершенно ясные для всякого ответы: мы собрались в учебное заведение и собрались затем, чтобы учиться.

А так как наше учебное заведение, именуемое духовной семинарией, имеет строго определенные цели и задачи, то отсюда ясно также как Божий день и то, какое будет иметь направление учение и воспитание в этом учебном заведении.

Отсюда естественный вывод: здесь не место тому, кто не хочет учиться или кто хочет учиться, но не тому и не в том направлении, чему и в каком направлении определено учиться в духовной семинарии. Здесь нет и не может быть места тем лицам, которые желают заниматься политическим и социалистическим переустройством нашего государства; таким лицам место в какой-нибудь Государственной думе или Государственном Совете, а не в скромном учебном заведении; здесь не может быть места тем, которые, горя гражданской ревностью, желали бы потрясать сердца простых смертных и верховодить толпой: их место в собраниях и на митингах. Равным образом здесь нет места и тем, которые желали бы вести образ жизни беспечный и легкомысленный: их место где угодно, но не в духовной семинарии, которая должна выпустить в свет пастырей стада Христова и учителей православного русского народа, светильников Церкви и соль земли.

Поэтому пусть тот из вас, в ком есть голос совести, твердо решит сейчас же, у входа в это духовное святилище, вопрос: оставаться ли ему здесь с нами или уйти, чтобы не вредить ни нам, ни себе?

То великое и святое дело, которое нам предстоит делать в наступающем году, – дело не новое, его делали наши предшественники. Значит, нам придется продолжать ранее нас начатое. <...> Кто не согласен или кому не позволяет его совесть подчиниться существующим здесь законным порядкам и требованиям, тот пусть уходит отсюда и ищет себе подходящих условий и порядков, подходящего режима. <...>

Таким образом, хотя будущее и сокрыто от нас, но путь, по которому нам надлежит идти, ясно определен.

Правда, он не легок, этот путь, особенно в наше растерянное время, но он – путь Христов и в результате может дать надежных, просвещенных и честных делателей, в которых так нуждается наше ослабевшее и расстроившееся дорогое

Отечество».

Как и ранее в Самаре, в Санкт-Петербурге архимандрит Вениамин деятельно заботился о расширении кругозора своих воспитанников, совершая с ними паломнические поездки. Летом в 1907 и 1909 годах они ездили в Вологду, от Вологды по рекам Сухоне и Северной Двине до Белого моря и Соловецкого монастыря, затем через Санкт-Петербург в Ярославль и Троице-Сергиеву лавру. Паломничали в Чернигов, в Полтаву и Царицын, откуда через Самару, Нижний Новгород, Владимир, Троице-Сергиеву лавру прибыли в Москву, где в Успенском соборе Кремля архимандрит Вениамин отслужил панихиду на могиле убитого годом раньше Экзарха Грузии архиепископа Никона (Софийского).

На праздник Вознесения Господня в 1908 году члены Сампсониевского общества трезвости под руководством архимандрита Вениамина совершили поездку на Валаам.

Заняв должность ректора семинарии, архимандрит Вениамин занял и пост председателя Братства святого Иоанна Богослова при семинарии, целью которого было оказание помощи неимущим студентам; деятельность Братства во время его председательства значительно оживилась.

13 октября 1908 года по благословению митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) в Санкт-Петербургской епархии был учрежден епархиальный миссионерский совет, в который среди других вошел и архимандрит Вениамин. Совет должен был «сосредотачивать у себя все сведения о состоянии и делах внутренней миссии епархии, о развитии миссионерской деятельности, обсуждать все относящиеся к внутренней миссии дела и мероприятия».

30 декабря 1909 года Святейший Синод ходатайствовал перед императором о назначении на Тамбовскую кафедру епископа Гдовского Кирилла (Смирнова)^а и чтобы епископом Гдовским был назначен или ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрит Вениамин, или ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Никодим (Кононов)^б. Император остановил свой выбор на кандидатуре архимандрита Вениамина.

24 января 1910 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры архимандрит Вениамин был хиротонисан во епископа Гдовского, четвертого vicария Санкт-Петербургской епархии. О нем писали в то время, что «среди духовенства и вообще в столице архимандрит Вениамин успел стяжать любовь и уважение и известен как выдающийся проповедник и ревностный деятель Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви».

После назначения vicарным епископом владыка Вениамин возглавил епархиальное Братство во имя Пресвятой Богородицы, которое до своего перевода на Тамбовскую кафедру возглавлял епископ Гдовский Кирилл. Совет Братства обладал правами епархиального училищного совета, и таким образом его председатель становился руководителем всех церковно-приходских школ Санкт-Петербургской епархии. Центральным храмом Братства и одновременно местом пребывания Гдовских епископов был Покровский храм на Боровой улице. Здесь епископ Вениамин старался служить как можно чаще, здесь же он ввел в практику чтение при общенародном пении акафистов по средам до отдания

^а Священномученик Кирилл (в миру Константин Илларионович Смирнов), впоследствии митрополит Казанский; память 7/20 ноября.

^б Священномученик Никодим (в миру Александр Михайлович Кононов), впоследствии епископ Белгородский; память 28 декабря / 10 января.

Пасхи; после прочтения акафиста епископ вел «беседы на тексты апостольских посланий, останавливаясь по преимуществу на местах Священного Писания, изобличающих неверие и упадок нравственности», все более распространявшиеся в то время.

Во время Великого поста епископ Вениамин молился вместе с прихожанами на всех пассиях. В 1913 году он ввел в практику службу «погребения Богоматери». С начала 1911 года в Покровском храме открылись духовные беседы по воскресным дням и был создан кружок проповедников, которым руководил епископ, сам нередко принимавший участие в этих беседах. Им было введено в обычай устраивать после Пасхальной службы трапезу для бедных, в которой он сам всегда принимал участие; в первый раз такая трапеза состоялась в 1911 году на средства, пожертвованные епископом, на следующий год на пасхальную трапезу уже пожертвовал не только он, но и состоятельные члены прихода.

С самого начала своего архипастырского служения епископ Вениамин регулярно посещал храмы Общества распространения религиозно-нравственного просвещения. Вечером 9 февраля 1910 года он читал акафист преподобному Серафиму Саровскому в храме в селе Александровском, где, несмотря на будний день, молящихся, причем исключительно рабочих, собралось до полутора тысяч человек. «После акафиста преосвященный сказал живое и действенное слово. Со вниманием и радостью предстоящие слушали поучение любимого своего епископа, который еще в сане архимандрита часто служил и проповедовал в этом храме».

Придавая большое значение борьбе с пороком пьянства, будучи сам членом обществ трезвости, епископ Вениамин возглавил 20 июня 1910 года крестный ход петербургских трезвенников, который с пением молитв прошел от Воскресенской церкви у Варшавского вокзала до Троице-Сергиевой пустыни; впервые такой крестный ход возглавил архиерей. Начавшись в шесть часов утра напутственным молебном, который совершил епископ, крестный ход с духовенством и с тысячами богомольцев, мужчин, женщин и детей, прошел пешком семнадцать верст до пустыни. Крестный ход трезвенников с участием епископа стал впоследствии традиционным, и в некоторые годы епископ сопровождал паломников и на обратном пути. Епископ Вениамин, совершая богослужения в различных храмах города, почти за всеми богослужениями усердно проповедовал. И хотя проповеди его неизменно привлекали внимание слушателей глубоким содержанием и доступной для понимания формой изложения, они, к сожалению, не записывались, и большинство их таким образом было утрачено.

Большое участие епископ Вениамин принял в жизни Покровского храма в Полюстрово, куда он приезжал служить акафисты по воскресным дням вечером. Здесь по его инициативе была организована церковно-приходская школа, открывшаяся 10 сентября 1910 года.

В качестве руководителя школьного дела владыка посещал церковно-приходские школы и курсы для учителей, присутствовал на школьных занятиях и во время сдачи учениками экзаменов. В 1910 году епископ Вениамин посетил летние курсы для учителей в городе Луге, собравшие семьдесят слушателей, на которых он беседовал с ними о задачах церковной школы. Летом в 1911 и 1913 годах в Царском Селе были устроены курсы для учителей церковно-приходских школ, на которых присутствовал епископ. В 1912 году летние педагогические курсы были организованы в городе Нарве, владыка посетил их в последний день

их работы. В июне 1914 года он принял участие в работе проходивших в Царском Селе краткосрочных церковно-певческих курсов для учительниц второклассных школ.

Епископ Вениамин был первым из викариев, кто посетил все без исключения приходы викариатства, даже самые дальние и глухие. Иногда при этих поездках возникновение новых обстоятельств диктовало изменение маршрута. При посещении в очередной раз города Гдова он на пути в него задержался в Нарве, чтобы навестить раненых воинов, затем в Дмитриевском соборе в Гдове отслужил всенощную и панихиду по убиенным воинам. Литургию владыка отслужил в Пятницкой церкви и возглавил освящение Пятницкой церковно-приходской школы, затем им была отслужена всенощная и литургия в Афанасиевской церкви на окраине города, после чего он отправился в село Лосицы в семидесяти верстах от Гдова, где ему предстояло освятить недавно выстроенное здание церковно-приходской школы. По дороге в Лосицы его встретили священник и прихожане храма села Музоверы, которые вышли, чтобы получить благословение, и епископ, узнав от священника, где находится храм, несмотря на то, что было уже около одиннадцати часов вечера, направился туда. «Сотнями огней горел небольшой музоверский храм: все богатство бедной церкви было вынесено и положено на свое место для более торжественной встречи владыки, и владыка помолился о воинах, молился о православных приходах, об учащих и учащихся, благословил архипастырским благословением, раздал крестики и образки всем присутствующим на торжестве и передал священнику подарок деньгами для школьного прихода».

Особой заботой владыки стало устройство в Санкт-Петербургской епархии паломнических крестных ходов. 7 мая 1912 года в соборе города Луги епископ отслужил напутственный молебен перед началом крестного хода, который затем направился на храмовый праздник в Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь. По пути к нему присоединились паломники из соседних приходов. «Ровно в час дня крестный ход со множеством хоругвей и св[ятых] икон подошел к деревне Раковичи, куда к 12 часам прибыли крестные ходы из сел Смерди и Городец с огромным количеством богомольцев. Здесь епископом Вениамином со всем духовенством был отслужен водосвятный молебен <...>. Всенощное бдение началось в 7 часов вечера и совершалось под открытым небом, так как в храме могла поместиться незначительная часть богомольцев, а большая часть находилась на улице. <...> Во время всенощного бдения, перед пением канона, преосвященный епископ сказал народу... слово о любви к своему ближнему, во время которого многие из богомольцев... рыдали. Только в первом часу ночи паломники разбрелись на ночлег». На следующий день была отслужена литургия. Такие же крестные ходы устраивались епископом Вениамином в 1913 и 1914 годах.

Летом 1915 года епископ Вениамин возглавил крестный ход в Феофилову пустынь в Лужском уезде. 19 июня он совершил всенощную в храме в селе Поддубье, 20-го – литургию в храме в селе Заполье, а оттуда крестный ход отправился по Двинскому шоссе в пустынь. В Феофилову пустынь пришло пять тысяч богомольцев, и всенощную и литургию служили на помосте перед храмом. Елеопомазание затянулось за полночь, и епископ только во втором часу ночи добрался до места ночлега.

После кончины 2 ноября 1912 года митрополита Антония (Вадковского) на Санкт-Петербургскую кафедру 23 ноября был назначен митрополит Владимир

(Богоявленский). К этому времени епископ Вениамин заведовал делами консистории, Санкт-Петербургским эстонским православным братством священномученика Исидора Юрьевского, Александро-Невским Антониевским училищем, единоверческими церквями епархии, председательствовал в Санкт-Петербургском братстве во имя Пресвятой Богородицы и в Санкт-Петербургском епархиальном совете, был заведующим церковно-приходскими школами в епархии, в частности всеми начальными, министерскими и земскими школами, направляя законоучителей в эти школы. С митрополитом Владимиром епископа Вениамина сблизило одинаковое отношение к пороку пьянства, стремление к отрезвлению жизни народа, организация и развитие обществ трезвости, а также единомыслие в необходимости устройства крестных ходов трезвенников. На второй день Пасхи, 15 апреля 1913 года, в Александро-Невскую лавру во главе крестных ходов трезвенников пришли викарные епископы Никандр (Феноменов) и Вениамин, которые затем служили в Троицком соборе вместе с митрополитом Владимиром.

В 1913 году 29 августа, день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, был объявлен в России днем трезвости. К началу литургии в Исаакиевском соборе прибыли соединенные крестные ходы во главе с Казанской иконой Божией Матери, в которых участвовали викарные епископы Никандр и Вениамин, множество духовенства и несколько десятков тысяч горожан. На Исаакиевской площади был отслужен митрополитом Владимиром и его викариями молебен об исцелении страждущих от недуга пьянства.

В мае 1914 года епископ Вениамин организовал и возглавил крестный ход трезвенников из Санкт-Петербурга в Сергиеву пустынь. «Любит преосвященный церковно-народные богомоления и торжества, – отмечали его современники. – 4 мая совершает он трезвеннический крестный ход из Петербурга в Сергиеву пустынь и обратно, пройдя пешком все сорок с лишним верст... 7-го мы видим его уже на пути в Черемонец, в народной массе, среди икон и хоругвей, в жаркий, знойный день, в густом облаке пыли, с обожженным лицом, но бодрым и радостным, поддерживающим личным примером неумолкаемое общенародное пение».

17 августа 1914 года в Петрограде «состоялся грандиозный крестный ход, организованный Александро-Невским обществом трезвости. Во всех церквях, находящихся в районах отделений общества трезвости, и в некоторых других были совершены литургии... В церкви Балтийского судостроительного завода литургия была совершена преосвященным Вениамином».

24 мая 1915 года после отслуженной ранней литургии в Воскресенском храме у Варшавского вокзала епископ Вениамин возглавил крестный ход в Троице-Сергиеву пустынь. Богомольцы несли с собой двести хоругвей и более ста пятидесяти образов. Литургию на монастырской площади, на которую собрались помолиться около пятидесяти тысяч человек, совершили митрополит Владимир и епископ Вениамин.

9 августа 1916 года ко всеобщей в храм Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице собралось около двух тысяч богомольцев. Сюда привезли с фронта икону святителя и чудотворца Николая, над которой надругались, пронзив ее копьями, немецкие солдаты. Прочитав акафист святителю, епископ обратился со словом к молящимся. «Святитель Христов Николай, – сказал он, – пришел сюда с полей битвы кровавой, чтобы плакать с нами и молить Господа о победе над коварным и безбожным врагом нашего Отечества, который, как вы увидите сами,

лобызая икону, не щадит даже наши христианские святыни; не щадит он наших стариков, жен и детей: распинает их на крестах, мучит голодом, издевается, разрушает он наши храмы. <...> Помолимся же горячо со святителем, состраждающим нашему горю, Господу Богу, да дарует Он, милосердый, скорую желанную победу нашему воинству и царю».

После перевода в 1916 году митрополита Владимира в Киев и назначения вместо него митрополита Питирима (Окнова) в крестных ходах трезвенников из архиереев участвовал уже только один епископ Вениамин. В 1916 году он возглавил шествие трезвенников от Путиловской церкви до Исаакиевского собора, где отслужил литургию. Молебен о желающих избавиться от прискорбного недуга был, как и в прошлые годы, совершен под открытым небом на Исаакиевской площади.

2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола за себя и за сына в пользу брата, великого князя Михаила Александровича. В тот же день, 2 марта, епископ Вениамин был назначен временно управляющим Петроградской епархией. 3 марта Михаил Александрович отказался от восприятия власти, признав всю полноту ее за Временным правительством. 4 марта новый обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов потребовал удаления с кафедр митрополитов Петроградского Питирима (Окнова) и Московского Макария (Невского). 5 марта митрополит Питирим направил прошение митрополиту Киевскому Владимиру, как первенствующему в Святейшем Синоде, прося предоставить ему «возможность поселиться в пределах Владикавказской епархии в обители, что на горе Бештау, или в подворье этого монастыря в Пятигорске, дабы иметь возможность пользоваться медицинской помощью». На следующий день, 6 марта, Святейший Синод постановил удовлетворить ходатайство митрополита.

11 марта представители петроградского духовенства посетили обер-прокурора Львова, сообщив ему о своем желании, чтобы новый епархиальный архиерей был избран церковным народом, как это делали в древности; они предложили созвать для этой цели епархиальный съезд, в котором приняли бы участие вместе с духовенством и миряне. Обер-прокурор согласился и обещал оказать свое содействие. 26 марта на собрании пастырей и мирян был сформирован комитет, должный подготовить план по организации епархиального съезда или Собора для избрания архипастыря Петроградской епархии. 16–17 апреля съезд представителей духовенства и мирян всех благочиний епархии принял разработанный комитетом проект, который затем был одобрен епископом Вениамином.

21 апреля епископ Вениамин, обратившись через благочинных к настоятелям храмов, призвал их активизировать приходскую деятельность. «В каждом приходе должна вестись организационная работа, собираться приходские собрания, устраиваться приходские советы, вырабатываться положение о приходе и т.п., – писал он. – Нельзя ждать, пока в верховных сферах решат приходский вопрос и оттуда последуют распоряжения; необходимо немедленно, сейчас же действовать, работать не покладая рук. Если во всяком деле промедление смерти подобно, то тем более в таком живом, как церковное, медлить нельзя».

Первым храмом, при котором был создан приходский совет из двадцати пяти человек, в том числе трех женщин, стала Скорбященская церковь на

Стеклянном заводе, настоятель которой протоиерей Петр Скипетров^а предложил возглавить его мирянину, сам заняв должность товарища председателя.

К этому времени не только Петроградская и Московская епархии, но и некоторые другие оказались без правящих архиереев; в связи с этим 5 мая 1917 года Святейший Синод благословил собрать «епархиальные съезды духовенства и мирян Петроградской, Харьковской, Саратовской и Черниговской епархий; произвести выборы кандидатов для замещения кафедры своего епархиального архиерея, с представлением выборного кандидата на утверждение Святейшего Синода». 11 мая во всех храмах Петроградской епархии состоялись выборы делегатов от духовенства и мирян на епархиальный съезд.

21 мая, в день Святой Троицы, состоялись общегородские трезвеннические крестные ходы, в которых приняло участие почти все духовенство столицы. Во время крестных ходов многочисленные проповедники обращались со словом к народу; раздавались листки и особые памятки. Крестные ходы закончились к шести часам вечера, в них приняло участие около трехсот тысяч человек. С особой торжественностью в половине седьмого вечера был отслужен молебен на Исаакиевской площади. Молебен совершался с трех сторон Исаакиевского собора, с каждой стороны его возглавил архиерей; с восточной стороны молебен служил епископ Вениамин. По окончании молебна архиереи обратились со словом к народу. Сотни тысяч листовок с назидательными поучениями были розданы народу, вся площадь была заполнена людьми, здесь были мужчины, женщины и дети, рабочие и солдаты. До позднего вечера процессии со святыми хоругвями и иконами двигались по улицам города. Молебны и богослужения на окраинах города затянулись до глубокого вечера.

Епископ Вениамин писал о событиях тех дней архиепископу Новгородскому Арсению (Стадницкому): «Хочется делать и теперь то, что делал, когда исполнял обязанности только викария, но это очень трудно, времени не хватает. Езжу, служу. Вчера совершал крестный трезвеннический ход. Прошел, по моему мнению, хорошо. Главное – не смалодушествовали и не сделали демонстрации, так как совершали обычный крестный ход. <...>

Поздним вечером побывал на приходском собрании у Сампсония^б. Весьма было поучительно. Посмотрел на товарищей и послушал их речей. Очень радикальные. По этому приходу выставлена моя кандидатура на прошлом собрании. Один товарищ-оратор, между прочим, говорил: не надо нам этих Вениаминов и т.п. Другой говорил: мы ничего не имеем против Вас, знаем Вас как народника и т.п. Третий: зачем нам выбирать митрополита, Вы и управляйте до Учредительного собрания и т.п. Действительно, Владыка, мы не представляем теперь настроения рабочего народа. Положение людей церковных по-старому в таких рабочих местах весьма трудное, всякое слово в защиту Церкви, духовенства – это теперь подвиг».

Епархиальный съезд в Петроградской епархии открылся 23 мая в здании Исидоровского епархиального училища. В избрании архипастыря должно было участвовать 1 587 человек. Выборы должны были состояться 24 мая после совершения литургии в Казанском соборе. Избрание архипастыря производилось подачей карточек, на которых каждый делегат писал имя кандидата в епископы столичного града. «Первые три кандидата, получившие абсолютное или относительное большинство голосов, – гласил текст порядка избрания, – каждый

^а Священномученик Петр Скипетров; память 19 января / 1 февраля

^б Собор святого преподобного Сампсона Странноприимца.

в отдельности последовательно подвергается вторичной баллотировке, и один из них, получивший абсолютное большинство, считается избранным во епископа. При равенстве полученных кандидатами голосов выбор решается жребием. Если бы избрание этим путем не состоялось, т.е. ни один из намеченных кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, весь процесс избрания тогда же производится вторично, но из кандидатов, получивших большинство голосов, в епископы баллотируются уже не три, а два».

Перед началом избрания первенствующий член Святейшего Синода архиепископ Карталинский и Кахетинский Платон (Рождественский), обратившись к выборщикам, сказал, что настоящее время требует от архиерея больших нравственных, организаторских и административных достоинств, нужен человек сильной воли, который в минуты испытаний мог бы постоять за свои мысли даже до крови.

В записках первого тура оказалось одиннадцать кандидатов, из них были определены трое, набравшие наибольшее число голосов. Первое место занял епископ Вениамин, за которого было подано 699 записок. За архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) было подано 398 записок, за епископа Уфимского Андрея (Ухтомского) – 364 записки. При вторичном голосовании за епископа Вениамина было подано 976, за архиепископа Сергия – 625, за епископа Андрея – 364 голоса.

Свидетель событий протоиерей Евгений Кондратьев после этих выборов написал: «Революция дала Церкви если не полную свободу, то все же значительную долю свободы. Вот почему на освободившуюся Петроградскую кафедру епархия сама избрала своего архипастыря. Вопрос об избрании поставлен был петроградским духовенством и мирянами еще в марте месяце, и тогда же было решено собрать для сего особый епархиальный Собор из духовенства и мирян. <...> На Соборе участвовало более 1 900 депутатов. И при таком множестве собравшихся порядок Собора был, можно сказать, образцовый. Все было предусмотрено даже в мелочах. <...> Удалось и предвыборные собрания, протекавшие в сравнительно спокойной обстановке. <...>

Главными кандидатами на Петроградскую кафедру намечались трое – епископ Гдовский Вениамин, архиепископ Финляндский Сергей и епископ Уфимский Андрей. Последний имел очень преданных ему почитателей, которые настойчиво проводили его кандидатуру.

Немало сторонников имел и архиепископ Сергей, человек большого ума, глубокий богослов, пастырь нежного сердца, человек благороднейший, много выдавший и имеющий широкий пастырский опыт. Но естественным кандидатом был епископ Вениамин. Все в Петроградской епархии его знали, любили и почитали. Человек безупречного прошлого, спокойный, ровный, преосвященный Вениамин первый из петроградских епископов изъездил и частью даже обошел всю епархию, побывав во всех ее самых далеких и глухих приходах. Для петроградского населения преосвященный Вениамин стал своим епископом. Всегда был дорог он и петроградскому духовенству. Особенно близки его сердцу были скудость и нужда и убогая обстановка беднейших сельских псаломщиков и отцов диаконов. Вот почему сельские отцы-депутаты, а их было большинство, приехали на выборы уже с готовым решением голосовать за епископа Вениамина. Напрасно говорили им о других кандидатах, давали предвыборные листки – их решение было твердо и неизменно. И при первой же баллотировке на Соборе кандидатура епископа Вениамина стала несомненной. При поименном

же голосовании епископ Вениамин получил громадное большинство голосов. Очевидно, народ хотел иметь своим епископом смиренного молитвенника, труженика, народника, который держался бы подальше от политики, стоя строго на церковной почве. Но избравшие своего пастыря народ и духовенство были уверены, что и слово, и дело их смиренного избранника в делах церковных будет всегда твердым и непреклонным.

Избрание преосвященного Вениамина было встречено общим горячим воодушевлением. Небывалую умилительную картину представлял Казанский собор, когда высокопреосвященный Платон, председатель Собора, вывел к народу и духовенству облеченного в мантию, Богом данного им через молитву и свободное избрание пастыря и когда множество присутствующих единодушно и единогласно возгласило: аксиос, аксиос, аксиос... Вновь избранный епископ тут же обратился к пастве со словом назидания, выслушанным с глубоким вниманием, по окончании которого преосвященный Вениамин благословил всех по одному присутствовавших в соборе».

По избрании во епископа Петроградского владыка обратился к присутствующим со словом: «Тяжелый подвиг выпал на меня с избранием на Петроградскую кафедру <...>, – сказал он. – Но думаю, что любовь и доверие духовенства и мирян помогут мне в предстоящей ответственной деятельности. <...> Бумажное делопроизводство, всякую формалистику я буду по возможности от себя отстранять. Мое дело – быть в живом и непосредственном общении с паствою. Тут предстоят огромные задачи и огромная работа. Переживаемое время сдвинуло прежние устои жизни. Это коснулось и церковной области. Нужно все строить по-новому, да притом так, чтобы это встречало полнейшее признание со стороны широких масс верующего люда.

Мне уже представляется необходимость особой поездки по селам и деревням епархии. Тут, быть может, на местах, придется обсуждать устройство приходских советов, благотворительных и просветительных учреждений.

Я не согласен с теми, кто утверждает, что народ теперь отшатнулся от Церкви, напротив, у меня есть самые отрадные факты. Недавно я был приглашен на открытие приходского совета на Стекланный завод. В него были избраны мужчины и женщины. На собрании было много рабочих, которые беседовали со мною сердечно и выражали радость по поводу того, что оживляется церковная жизнь. <...> Сколько раз мы с крестным ходом идем по одной стороне улицы, а большевики по другой. Мы проповедуем на одной стороне площади, а они на другой. Все мирно, без неприязни. Говорю это к тому, что искреннее отношение к делу всегда может рассчитывать на предупредительность и уважение».

25 мая Святейший Синод постановил: «Избранному свободным голосованием клира и мирян Петроградской епархии на кафедру Петроградского епархиального архиерея первому викарию Петроградской епархии епископу Гдовскому Вениамину быть архиепископом Петроградским и Ладожским».

В воскресенье, 28 мая, в Неделю празднования памяти всех святых, состоялось вступление архиепископа Вениамина на столичную кафедру. После литургии из всех соборов и церквей столицы вышли крестные ходы, которые, дойдя до Невского проспекта, двинулись к Александро-Невской лавре, где служил литургию архиепископ Вениамин. Из Казанского собора с крестным ходом, несшим Казанскую икону Божией Матери, вышел епископ Нарвский, викарий Петроградской епархии Геннадий (Туберозов). Во втором часу дня все крестные ходы собрались на площади перед лаврой, и далее гигантский крестный

ход, возглавляемый архиепископом Вениамином, двинулся по Невскому проспекту к Исаакиевскому собору. У Казанского собора архиепископ Вениамин, взойдя на возвышение, благословил молящихся Казанской иконой Божией Матери. В этот момент по Невскому проспекту под звуки игравшего «Марсельезу» оркестра шла, направляясь к Государственной думе, колонна раненых и инвалидов. Приблизившись к крестному ходу, оркестр умолк, стало слышно только церковное пение, и солдаты обнажили головы. Когда демонстрация прошла, крестный ход двинулся к Исаакиевскому собору, где состоялось возведение правящего архиерея на кафедру. В конце богослужения архиепископ Вениамин коленопреклоненно прочел особую молитву, читавшуюся по древнему чину при вступлении избранного епископа в город, с прошениями о городе, о епископе, о страждущих и находящихся в темницах.

Обратившись затем к духовенству и народу, архиепископ сказал: «Ныне я восхожу на кафедру святителей Петроградских. Вам угодно было возложить на меня тяжелое бремя, которое я принял в опасную минуту жизни Отечества. Ранее мы слышали священные слова: „Не надейтесь на князей и сынов человеческих“ [Пс. 145, 3], но как-то не придавали им значения. Надеялись и пытались устроить свое благополучие. А теперь и впрямь нам самим надо устраивать свою судьбу. Мы видим, что корабль Родины несется по опасным путям, и сердце наше неспокойно».

30 мая 1917 года протоиерей Философ Орнатский^а как председатель Чрезвычайного Петроградского Собора обратился к первоприсутствующему в Святейшем Синоде архиепископу Платону с письмом, в котором писал: «Чрезвычайный Церковный Собор в заседании своем от 29 мая сего года постановил почтительнейше довести до сведения Вашего Высокопреосвященства <...> о настойчивом желании духовенства и церковного народа видеть в возможно скором времени избранного своего архиепископа Вениамина возведенным в сан митрополита и включенным в число членов Святейшего Правительствующего Синода.

Просить об этом Церковный Собор побуждается той любовью и воодушевлением православного народа, которые проявились как в день избрания, так особенно и в день торжественной интронизации высокопреосвященного архиепископа Вениамина».

Архиепископ Платон ему в ответ написал, что «такое желание совпадает с общею мыслью суждений, которые были высказываемы в Святейшем Синоде, однако мысль эта по обстоятельствам не могла до времени получить осуществления».

Епархиальный Собор проработал до 2 июня, обсудив широкий круг вопросов; при Петроградском архиерее был организован совет в составе шестидесяти шести человек и был избран на кафедру четвертым викарием Петроградской епархии ректор Уфимской духовной семинарии архимандрит Артемий (Ильинский). Депутаты из Гдова выступили с ходатайством, чтобы название города Гдова, в котором владыка Вениамин был в течение многих лет викарием, было внесено в его титул. 14–17 июня 1917 года Святейший Синод постановил именовать Петроградского архипастыря вместо «Петроградского и Ладожского» – «Петроградского и Гдовского». Чрезвычайный Церковный Собор Петроградской епархии обратился к населению с особым воззванием, в котором

^а Священномученик Философ Орнатский; память 31 мая / 13 июня

знакомил его со своим пониманием происходящего в стране³.

Свою позицию относительно происходящего архиепископ Вениамин обозначил в беседе с журналистом петроградской газеты: «Я стою за свободу Церкви, – сказал он. – Она должна быть чужда политики, ибо в прошлом она много от нее пострадала. <...> Самая главная задача Церкви сейчас – это устроить и наладить нашу приходскую жизнь. Еще в качестве управляющего Петроградской епархией я обращался с воззваниями к приходскому духовенству об организации приходских советов и собраний для оживления церковной жизни и встретил самое живейшее содействие как со стороны духовенства, так и мирян».

12 августа 1917 года архиепископ Вениамин отправился в Москву для участия в Священном Соборе Православной Российской Церкви. 13 августа Святейший Синод постановил возвести архиепископов Московского Тихона (Белавина), Тифлисского Платона (Рождественского) и Петроградского Вениамина в сан митрополитов, но, поскольку Церковь в это время по-прежнему по законодательству зависела от государства, постановление Синода было представлено министру исповеданий на утверждение Временного правительства. 14 августа Временное правительство утвердило Указ Святейшего Синода.

15 августа состоялось открытие Священного Собора; накануне вечером, 14 августа, в Успенском соборе Московского Кремля было совершено всенощное бдение, в котором участвовали митрополиты – Московский Тихон, Тифлиссский Платон и Петроградский Вениамин. На следующий день в Успенском соборе служили митрополиты Киевский Владимир, Тифлиссский Платон и Петроградский Вениамин. 17 августа начались рабочие заседания Собора, 18 августа председателем Собора был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон, секретарем 19 августа был избран бывший депутат IV Государственной думы Василий Павлович Шеин, впоследствии принявший монашество и священство – архимандрит Сергей.

Первая сессия Собора проходила с 15 августа по 9 декабря. Митрополит Вениамин, чрезвычайно беспокоившийся о судьбе епархии и паствы, при любой возможности старался выехать в город и уже 25 августа был в Петрограде. Прямо с вокзала он направился в Казанский собор и отслужил молебен Божией Матери, призвав «к единению всех русских людей в нынешние трагические дни». В день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, 29 августа, митрополит Вениамин служил литургию в Исаакиевском соборе, куда были приглашены крестные ходы из многих петроградских храмов. 30 августа была торжественно отпразднована память святого благоверного князя Александра Невского. Во многотысячном крестном ходе приняли участие почти все городские приходы. В своей проповеди за богослужением митрополит Вениамин подчеркнул, что «Родина ныне подлинно на краю гибели, надежда должна быть только на милосердие Божие».

Расквартированные в Петрограде казачьи части выразили желание принять участие в крестном ходе в день празднования Казанской иконы Божией Матери и испросили благословение на это митрополита Вениамина. За три дня до совершившегося, как выяснилось впоследствии, государственного переворота, 22 октября в 9 часов утра 1-й и 4-й полки после краткого молебна должны были выступить из своих казарм в конном строю со святыми иконами и хоругвями, полковыми священниками и полковыми певчими; впереди полков должны были идти юнкера Николаевского кавалерийского училища. После панихиды в лавре на могиле полководца Суворова крестный ход к 10 часам утра должен был прибыть к Знаменской церкви, куда в конном строю должны были прибыть члены Совета

союза казачьих войск. Далее крестный ход в конном строю должен был двигаться к Исаакиевскому собору, на площади перед которым митрополит Вениамин должен был совершить молебен о даровании победы над врагом земли Русской и окропить святой водой оружие воинов, благословив их на защиту Родины.

Временное правительство, однако, воспротивилось участию казачьих частей в крестном ходе; министр исповеданий А.В. Карташев и товарищ министра С.А. Котляревский, предполагая, что организация крестного хода является инициативой митрополита Вениамина, посетили его, чтобы уговорить его отказаться от осуществления этой идеи. Но выяснилось, что инициаторами были сами казачьи полки; тогда правительство предложило военному руководству отказаться от участия армии в общей молитве. Приближались дни государственного переворота, и Ленин с удовлетворением отметил это решение Временного правительства. «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа <...>, – писал он. – Наступать из всех сил, и мы победим вполне в несколько дней!»

В октябре жители Петрограда подали митрополиту Вениамину прошение, под которым стояли подписи тысяч людей. Они писали: «Веруя твердо в силу молитв пред Божиим Престолом покровителя нашего святого благоверного великого князя Александра Невского, мы, петроградские жители, во дни великого испытания, ниспосланного на землю нашу и на нашу столицу, особенно чувствуем потребность в молитвенном ходатайстве заступника нашего и всей Русской земли святого Александра Невского... Мы... обращаемся к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшей просьбой: благоволите, Владыко, исходатайствовать пред Святейшим Синодом разрешение на подъятие святых мощей Александра Невского и на изнесение их на стогны^а Петрограда».

25 октября митрополит направил в Святейший Синод прошение с просьбой: разрешить крестный ход с мощами святого благоверного князя Александра Невского. «С таким же прошением обратился ко мне войсковой атаман и председатель войскового правительства Оренбургского казачьего войска генерал А.И. Дутов с подведомыми ему войсками», – писал митрополит.

В ночь с 25 на 26 октября власть в Петрограде перешла к большевикам, возглавляемым Лениным, и 27 октября начались бои в Москве, сосредоточившиеся в основном вокруг Кремля. Здесь, в покоях Чудова монастыря, нашли себе приют многие члены Собора, в том числе и митрополит Вениамин.

Впоследствии владыка писал об этих событиях протоиерею Философу Орнатскому: «Усердно прошу Вас, по получении настоящего письма, отслужить благодарственный молебен перед чудотворным образом Заступницы христиан за спасение меня грешного от смертельной опасности. Заступлением Матери Божией да чьими-то усердными молитвами я остался жив. Целую неделю я провел в осажденном Кремле. Последние двое суток насельники Чудова монастыря спасались в подвале и подземной церкви святителя Ермогена, куда были перенесены и мощи святителя Алексия из соборного храма. Стену занимаемого мною помещения пробил два снаряда тяжелой артиллерии, разорвались и произвели большое разрушение. Из своей комнаты я вышел за несколько минут перед этим. Когда был в соседних комнатах, все это произошло, и войти за клобуком и рясой я не мог, так как по коридору двигалось целое

^а Стогна (*ц. -слав.*) – широкая улица, площадь.

облако пыли и мелкого щебня, и дыма. <...> Это было в среду (2 ноября), петроградски около двух часов дня. Две ночи и день прожили мы в келье одного иеромонаха. Спали не раздеваясь. Ко всенощной и литургии под выстрелами через двор ходами – в подземную церковь. Шла постоянная служба. Братия исповедалась, причащалась Св[ятых] Таин; служащие и не служащие – готовились к смерти. Пережили незабываемые часы и минуты. Рвутся снаряды, грохот пулеметов, ружей, падающих зданий. А в подземелье возносится молитва у мощей строителя обители святителя Алексия, которые опять перенесены туда, где они несколько сот лет назад и похоронены – в подземелье, где страдал и скончался святитель Ермоген, – возносится молитва о примирении враждующих между собою братьев, об упокоении всех во дни и ночи во время междоусобной брани убиенных. В смятенных сердцах скрывающихся в подземелье успокоительно отдаются слова евангельского чтения „мир вам! И паки реку: мир вам!“ [ср.: Ин. 20, 19, 21], сказанные апостолам, страха ради собранным в комнате дверем заключенным. Меня особенно трогало, что на молебне по „Отче наш“ пели тропарь „Заступница Усердная“. Я невольно падал на колени и со слезами молился. Многие день и ночь проводили то в подвале, то в подземной церкви безвыходно. В пятницу осада церкви кончилась.

Когда я служил литургию в подземной церкви, вошли солдаты в монастырь. Боялись ужасов. Один заглянул в подземелье, услышал пение, перекрестился и ушел. В пятницу я оставил Кремль и переселился в семинарию. Остался цел среди всех ужасов, ни от кого не встретил обиды и оскорбления, даже тогда, когда среди солдат и рабочих выходил в клобуке из Кремля, шел по Красной площади и улицам среди возбужденного народа».

5 ноября 1917 года в Храме Христа Спасителя была отслужена Божественная литургия и после молебна был вынут жребий с именем митрополита Тихона, которому предстояло стать после более чем 200-летнего перерыва Патриархом Московским и всея России. Литургию служили митрополиты Киевский Владимир и Петроградский Вениамин, девять архиепископов и множество духовенства. 7 декабря заседание Собора было посвящено формированию органов Высшего церковного управления. Священный Синод избирался из всех правящих архиереев, и в голосовании участвовали все члены Собора, включая мирян. Митрополит Вениамин занял девятое место: 177 голосов проголосовало «за» и 116 «против», и таким образом митрополит Вениамин вошел в число заместителей членов Синода. После окончания 9 декабря первой сессии работы Священного Собора митрополит дал свою оценку его работе, сказав одному из петроградских корреспондентов: «...здесь царит истинный дух демократизма и свободы. Совершенно спокойно и внимательно Собором выслушиваются самые противоположные мнения <...> и почти всегда удается принимать общее решение».

26 ноября митрополит Вениамин отслужил литургию в Екатерининском соборе в Царском Селе, где ранее служил протоиерей Иоанн Кочуров^а, расстрелянный большевиками 31 октября 1917 года. По окончании литургии владыка заметил собравшимся, что в то время, когда другие народы, чуждые православия, населяющие Россию, образовали внутри себя крепкие союзы, среди православных нет единения, но, наоборот, разъединение. «Страх нападает при мысли о том, – сказал митрополит, – что будет с нашей Родиной при таком

^а Священномученик Иоанн Кочуров; память 31 октября / 13 ноября.

разъединении. Но есть средство избавиться от страха, средство к спасению нашего дорогого Отечества, это – объединяющая, святая православная вера».

18 декабря 1917 года Патриарх Тихон и Священный Синод назначили настоятеля храма священномученика Исидора Юрьевского в Петрограде протоиерея Павла Кульбуша^а, окормлявшего православных эстонцев, епископом Ревельским, викарием Рижской епархии. 23 декабря в Крестовой церкви Александро-Невской лавры митрополит Вениамин постриг его в монашество с наречением ему имени Платон. Саму хиротонию предполагалось совершить в городе Ревеле⁴, и за получением разрешения на проезд обратились в штаб Петроградского военного округа. Разрешение было получено. В это время в Ревеле уже были большевиками закрыты все не сочувствующие им газеты и, казалось, не осталось никакой возможности оповестить население об архиерейской хиротонии; только уже в последний момент местная большевистская газета согласилась напечатать сообщение о предстоящем событии. 31 декабря митрополит Вениамин и епископ Лужский Артемий (Ильинский) в Александро-Невском соборе города Ревеля хиротонисали архимандрита Платона во епископа. Некоторые песнопения во время богослужения пелись на эстонском языке. После торжественного богослужения представители эстонского населения намеревались устроить трапезу в помещении морского собрания, но в этом им было большевиками отказано, и трапеза была устроена в одной из эстонских школ.

11 января 1918 года под председательством митрополита Вениамина, в присутствии викариев Геннадия и Артемия состоялось собрание Братства приходских советов Петроградской епархии, на котором владыка Вениамин ознакомил присутствующих с проектом декрета государственной власти об отделении Церкви от государства, в соответствии с которым предполагалось закрыть духовные семинарии и академии; он сообщил, что уже закрыты и некоторые храмы. Реакцией на действия властей против Церкви было направленное митрополитом в Совет народных комиссаров письмо.

«В газете „Дело народа“ за 31 декабря минувшего 1917 года и в других был напечатан рассмотренный Советом народных комиссаров проект по вопросу об отделении Церкви от государства, – писал митрополит. – Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу.

Вполне естественно, как только православные жители г. Петрограда узнали об этом, стали сильно волноваться. Волнения могут принять силу стихийных движений. Вера, горячее настроение искреннего сердца, затронутое в самых святых переживаниях, не может замкнуться только во внутреннем страдании. Оно рвется наружу и может вылиться в бурных движениях и привести к очень тяжелым последствиям. Никакая власть не сможет удержать его.

Я, конечно, уверен, что всякая власть в России печется только о благе русского народа и не желает ничего делать такого, что бы вело к горю и бедам громадную часть его^б.

^а Священномученик Платон (в миру Павел Петрович Кульбуш); память 1/14 января

^б Для митрополита Вениамина это не было красивой фразой или дипломатическим приемом, должным свидетельствовать о лояльном отношении и желании вести переговоры. То, что всякая власть в России должна печется о благе русского народа, было его искренним убеждением. Исходя из такого представления о власти, он в 1918 г. и стал устраивать в Петрограде многотысячные крестные ходы, преследуя при этом исключительно религиозные и нравственные цели. Именно

Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых.

Думаю, что этот мой голос будет услышан и православные останутся со всеми их правами – чадами Церкви Христовой».

На этом письме председатель Совнаркома Ленин, придерживаясь иной точки зрения на взаимоотношения православного народа и власти, наложил резолюцию: «Очень прошу Коллегию при Комиссариате юстиции поспешить [с] разработкой декрета об отделении Церкви от государства».

Предваряя издание декрета, советские власти через несколько дней продемонстрировали митрополиту Вениамину и православным Петрограда, каково будет применение декрета на практике. В субботу 13 января 1918 года, в первом часу дня, в Александро-Невскую лавру явился представитель Министерства государственного призрения комиссар Адов, сопровождаемый Ревельским сводным отрядом моряков под предводительством комиссара Окунева. Пришедшие вручили настоятелю лавры епископу Прокопию (Титову)^а письмо, подписанное комиссаром Александрой Коллонтай; в нем предписывалось «сдать все имеющиеся... дела по управлению домами, имуществом и капиталами лавры уполномоченному лицу от Министерства государственного призрения». Комиссар Окунев заявил, что они явились «для получения надлежащих сведений о имеющихся свободных помещениях в здании Александро-Невской лавры, а также для собирания сведений о количестве проживающих в лавре лиц духовного звания». Монахи отреагировали на пришедших как на грабителей и сообщили о них в ближайшее отделение милиции, откуда прибыл наряд милиции, после чего посланцы Коллонтай удалились.

На следующий день, 14 января, вечером в Троицкий собор Александро-Невской лавры собралось множество людей. В богослужении участвовали митрополит Вениамин, викарные епископы, монашествующие и духовенство Петроградской епархии. В связи с нападением 13 января на лавру собор был переполнен, и настроение богомольцев было крайне встревоженное. Некоторые богомольцы обратились к митрополиту с предложением – в случае вторичного прибытия незваных гостей собраться всем в лавру. Выслушав их, он распорядился звонить в этом случае в большой колокол – это будет сигналом, по которому все дорожащие своей верой и святынями явятся в лавру.

Обращаясь к собравшимся, митрополит сказал: «Это – ответ на мое обращение к народным комиссарам оставить церкви в покое, – теперь дальше дело самого народа войти в переговоры с народными комиссарами, которые, не услышав моего голоса, быть может, услышат голос народа. Странное обстоятельство. Ведь посягательства происходят исключительно на православные

эти его религиозные и духовные начинания и стали причиной того, что большевики при первом же удобном случае приговорили его к смерти – их и не устраивало как раз именно то, что он выше всех земных ценностей ставил служение Богу и Его Святой Церкви, рассматривая это как свой святой долг и Божие призвание, от которых он ни при каких обстоятельствах не смог бы отказаться. И в этом смысле митрополит Вениамин пример для христиан, ясно свидетельствующий, каким путем достигается Царствие Божие во времена гонений на Церковь.

^а Священномученик Прокопий (в миру Петр Семенович Титов), впоследствии архиепископ Херсонский; память 10/23 ноября.

церкви. Ведь не только католические и протестантские, но даже церкви нехристианского исповедания пока неприкосновенны. Православный народ должен выступить немедленно с протестом, и я уверен, что по милости Божией разрушение церковного строя будет предотвращено».

В тот же день вечером в зале Общества религиозно-нравственного просвещения состоялось многолюдное собрание духовенства и мирян для обсуждения вопросов, связанных с гонениями на Церковь, которое приняло следующую резолюцию: «Многолюднейшее пастырско-мирянское собрание, заслушав доклад о попытке захватить 13 января, по приказанию комиссара по призрению г-жи Коллонтай, Александро-Невскую лавру и отобрать ее помещения и имущество, даже с угрозами выселить оттуда владыку – митрополита Вениамина, народного избранника, и его викариев, постановило: всячески противиться этому и вообще твердо заявить народным комиссарам, что православный русский народ не допустит отобрания имущества у монастырей и храмов, которые он своею любовью и усердием украсил, принося свои лепты в обители за тысячи верст, не допустит поругания его заветных святынь, встанет на их защиту от поношения со стороны тех, кои, будучи нерусскими и неправославными, этих святынь не могут понимать и ценить.

Практические меры приняты следующие: 1) разъяснять всем православным не только в храмах, но и на рынках, площадях и везде, где можно, что Церковь Православная терпит открытое гонение; 2) проводить эту же мысль между матросами и солдатами, среди которых есть еще любящие и чтущие Церковь; 3) составить и напечатать несколько тысяч протестов против отобрания церковного имущества и раздать их по приходам для подписи, сколько возможно, большим количеством лиц, расклеить их снаружи храмов и на других местах; 4) собраться в предстоящее воскресенье 21 января в лавру во все храмы ее к литургии, чтобы показать, как православные петроградцы чтут эту святыню».

В понедельник 15 января на имя наместника лавры епископа Прокопия поступило распоряжение комиссара наркомата призрения Коллонтай о реквизиции всех помещений и капиталов лавры. Представители монастыря попытались попасть к ней на прием, но она сказалась больной и отказала в приеме. 16 января назначенный комиссаром лавры Иловайский потребовал от епископа Прокопия сдать все монастырское имущество. Епископ отказался, после чего Иловайский покинул лавру, о чем епископ сообщил митрополиту Вениамину, у которого в тот момент находились митрополит Новгородский Арсений и викарии Петроградской епархии. За вечерней службой епископ Прокопий призывал молящихся к самоотверженной защите веры и православных святынь.

В среду 17 января представители лавры начали переговоры с комиссаром Коллонтай, которая им заявила, что отменять реквизицию имущества лавры она не будет. Вечером того же дня в зале Общества религиозно-нравственного просвещения под председательством митрополита Вениамина состоялось многолюдное собрание духовенства и представителей приходов. Митрополит сообщил, что его посетил комиссар Иловайский, который ему заявил, что лавра переходит в ведение народа. «Я сказал, что если мне прикажут оставить лавру, то готов с посохом в руках оставить ее. Надеюсь, верующие люди приютят меня...» В ответ «раздался гром голосов: „Не оставляй, владыко, помещения, которое дано тебе народом. Мы не допустим, чтобы наш избранник скитался, как нищий“».

Собрание приняло постановление: «Признавая настоящее положение Петроградского митрополита в Александро-Невской лавре в качестве стороннего

и даже зависимого лица не соответствующим ни достоинству первого выборного митрополита, ни интересам самой епархии, возбудить ходатайство через особую депутацию перед Его Святейшеством Патриархом Всероссийским или даже перед Священным Всероссийским Собором о возвращении Александро-Невской лавры из ведения Синода в ведение Петроградского митрополита и епархии». Собрание поддержало предложение протоиерея Философа Орнатского провести 21 января крестные ходы всем городским церквям; собравшись на площади Александро-Невской лавры, они прошли бы затем к Казанскому собору. 19 января в начале второго часа дня в Александро-Невскую лавру прибыл отряд из двенадцати солдат и пяти кронштадтских матросов во главе с комиссаром Иловайским, который, пройдя в покои митрополита Вениамина, потребовал немедленно очистить помещение, нагло заявив, что он комиссар и потому имеет право распоряжаться лаврским имуществом и выселять, кого найдет нужным. Митрополит ответил, что он может протестовать против посягательств на права Православной Церкви христианскими мерами. «Во всяком случае он, будучи избран на митрополичью кафедру, считает долгом охранять лаврское имущество, которое принадлежит обществу православных людей, являющихся живыми членами Церкви. Если нужны для благотворительных целей лаврские помещения, то это... не является достаточным основанием для реквизиции всего лаврского имущества. Иловайский в ответ повторил свое требование и заявил, что, если оно не будет выполнено, он вынужден будет применить силу. Затем комиссар в сопровождении красногвардейцев направился в собрание духовного собора лавры, где в то время находился наместник лавры преосвященный Прокопий, и потребовал от епископа сдать ему все лаврское имущество: вещи, капиталы и помещения. Преосвященный Прокопий категорически отказался исполнить это требование. Тогда его объявили арестованным и отвели в келью. Духовный собор лавры также был объявлен арестованным, и к нему был приставлен караул из красногвардейцев.

В это время с лаврской колокольни раздался набат. <...> К лавре стали быстро стекаться толпы народа <...>. Слышались крики: „Православные, спасайте церкви“. К толпе вышел Иловайский, возле которого находилось несколько матросов. Матросы были вооружены винтовками, а сам комиссар все время угрожал толпе револьвером <...>. По адресу комиссара... слышались угрожающие крики. Его окружили со всех сторон. Затем толпа окружила матросов, а комиссара сбила с ног <...>. Дело... окончилось бы самосудом, если бы находившиеся около Иловайского монахи не стали успокаивать толпу. Один из них, прикрывая Иловайского, быстро повлек его к Тихвинскому кладбищу, провел... через кладбище окольными тропинками и сдал на руки солдатам прожекторной команды <...>. Красногвардейцы побросали оружие и разбежались. Толпа, состоящая из женщин и солдат, направилась в келью преосвященного Прокопия и объявила его освобожденным...

К красногвардейцам тем временем прибыла помощь в виде вооруженных матросов и красногвардейцев, привезших на грузовиках два пулемета. Пулеметы были поставлены на лаврском дворе, возле церкви Святого Духа. По звонарям было дано несколько залпов. Однако набат продолжался. Один из красногвардейцев вошел в церковь, наполненную богомольцами, и потребовал, чтобы ему указали ход на колокольню. Взобравшись туда, он с револьвером в руке согнал оттуда звонарей. Внизу красногвардейцы и солдаты энергично изгоняли богомольцев из лаврского двора. Было произведено несколько

выстрелов».

Женщины стали увещевать красногвардейцев. Один из монахов крикнул, что производятся безобразия. Протоиерей Петр Скипетров, шедший к назначенному ему часу на прием к митрополиту, услышав крики, бегом устремился к месту происшествия и, увидев, что красногвардеец наставил на женщину дуло ружья, закричал: «Братья, что вы делаете? Ведь вы в святом месте!» Красногвардеец перевел ружье на него и выстрелил, пуля попала священнику в лицо, раздробив нижнюю челюсть.

В это время в Троицком соборе епископ Прокопий в сослужении братии совершал молебен у мощей святого благоверного князя Александра Невского, а затем у митрополита Вениамина собрался духовный собор лавры. Вечером епископу Прокопию позвонил из Смольного управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич и попросил успокоить богомольцев, заявив, что братия лавры неправильно поняла декрет, что в данном случае Совнарком имел в виду всего лишь распределение инвалидов в зданиях лавры. Епископ Прокопий ответил, что «действия комиссара Иловайского способны не успокоить богомольцев, а, наоборот, вызвать дальнейшие эксцессы. Что же касается размещения инвалидов в зданиях лавры, то на это мы с самого начала возникновения инцидента готовы были пойти и предоставить свободные помещения в распоряжение комиссара призрения Коллонтай».

Вечером того же дня митрополит Вениамин посетил перевезенного в больницу на Невском проспекте смертельно раненного протоиерея Петра Скипетрова. Священник открыл глаза, узнал митрополита, но сказать что-либо уже не смог. Протоиерей Петр скончался в больнице в тот же день без четверти двенадцать ночи. В двенадцать часов следующего дня митрополит Вениамин отслужил первую панихиду по мученически скончавшемуся пастырю.

20 января началась очередная сессия Священного Собора в Москве. Работа Собора открылась чтением послания Святейшего Патриарха Тихона⁵, которое им было подписано 19 января, еще до начала заседаний Собора, и таким образом Патриарх всю ответственность за послание и все могущие быть последствия в виде преследований от враждебных Церкви властей брал на себя; не перелагая ее на членов Собора, он лишь приглашал их разделить с ним подвиг исповедничества. Впервые за двести с лишним лет Предстоятелем Церкви была дана независимая оценка происходящему в стране и поступкам действующей власти с религиозной точки зрения, вносился свет во тьму, которая желает выглядеть светом. В лице своего Предстоятеля Русская Православная Церковь тогда обрела свой голос и продемонстрировала свою независимость от государственной власти, до сей поры почти всегда поднимая голос только в ее поддержку и на этом пути в течение двух столетий лишь теряя в глазах народа свой авторитет.

В субботу, 20 января, митрополит Вениамин подтвердил, что крестные ходы, назначенные на воскресенье, 21 января, состоятся. «И только в случае, если будут поставлены заставы, решили не брать народ в крестный ход и помолиться в соборе, – рассказал впоследствии о крестном ходе протоиерей Философ Орнатский членам Священного Собора. – Когда в субботу об этом говорил народу, народ говорил: „пойдем!“ В некоторых храмах исповедовались и приобщались Святых Таин. Говорили: „пойдем, хотя бы и на расстрел“. В „Вечернем голосе“ было напечатано, что крестный ход будет запрещен». Но, вероятно, власть учла настроение народа, и Бонч-Бруевич не только не запретил крестного хода, но

даже заявил, что они не противники веры, и сделал распоряжение об аресте нарушающих порядок во время крестного хода, если таковые будут. В храмах после литургии было прочитано послание Святейшего Патриарха Тихона, после чего сразу же начались крестные ходы. Гигантское число богомольцев образовало крестный ход из Казанского собора и ближайших церквей. Соединенные крестные ходы шли с Петроградской стороны и Васильевского острова.

Один из корреспондентов писал, что народа участвует в крестном ходе до полумиллиона: «Идут отдельными приходскими, идут, соединившись по нескольку приходских вместе. Отдельными процессиями подходят крестные ходы от мужских и женских монастырей Петрограда. Масса богомольцев движется вместе с трезвенными братствами, которые собрались у Варшавского вокзала.

Подходит крестный ход единоверческих церквей Петрограда. Около некоторых процессий – движущиеся цепи из школьничков приходских училищ.

Во втором часу дня подходят крестные ходы из рабочих районов: Выборгского, Нарвского, Коломенского и других. Меняя друг друга, богомольцы несут высокочтимые приходские иконы, всероссийские святыни, в том числе иконы Христа Спасителя из домика Петра Великого, Казанской Божией Матери из Казанского собора, Владимирской Божией Матери из Владимирской церкви.

Около двухсот отдельных процессий сливаются в один грандиозный крестный ход. Духовенство и богомольцы все время поют священные песнопения. В церквях раздаются колокольный звон.

Лаврская площадь уже не вмещает потока богомольцев, который разливается по прилегающим улицам. <...> Духовенство, хоругвеносцы, крестonosцы вливаются из отдельных процессий и размещаются вокруг помоста. Богомольцы взбираются на сугробы снега, на вагоны проходящей мимо паровой конки и даже на крыши лаврских зданий.

Никаких вооруженных патрулей нигде не видно. <...> В ожидании окончания богослужения в лавре духовенство и богомольцы поют священные песнопения».

В половине второго митрополит Вениамин взошел на помост, сооруженный для этого дня на лаврской площади; здесь был отслужен молебен и прочитано патриаршее послание, в котором вновь вслух зазвучали слова грозного обличения современных властителей и предупреждение верных чад Церкви Христовой: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властию, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: „измите зло от вас самех“ (1 Кор. 5, 13)». «Весь народ пел молитвы Спасителю, Божией Матери и святым Ангелам. Масса народа была на крыше и на ограде Александрo-Невской лавры».

«В начале третьего часа крестный ход во главе с митрополитом начинает двигаться от лавры по Старо-Невскому проспекту, – писали его участники, – минует Николаевский вокзал, захватывает Невский проспект до Казанского собора. Впереди идут свеченосцы, затем несут кресты, за которыми движутся

бесконечные золотые хоругви.

Духовенство идет во главе своих приходов. Все время продолжается общее пение. <...> Крестный ход растягивается на несколько верст.

У Казанского собора был момент наивысшего напряжения <...>. Когда голова процессии заворачивала на Казанскую улицу, а конец ее еще находился у Литейного проспекта, кто-то из толпы крикнул:

– Христос воскрес!

Митрополит Вениамин ответил:

– Воистину воскрес!

Вся площадь Казанского собора огласилась возгласами толпы:

– Воистину воскрес!»

Когда вошли на портик Казанского собора, митрополит обратился к молящимся со словом. «То, что Христос воскрес, – сказал он, – <...> является основой нашей веры. С ней мы не погибнем! В самом этом крестном ходе не помогла ли нам вера? <...> Многие сомневались, как они будут участвовать в крестном ходе с непокрытыми головами, когда стоят холода, – и Бог послал весеннее солнышко, под лучами которого совершить крестный ход оказалось необременительно. Несмотря на тяжелые, очень тяжелые обстоятельства, мы не должны падать духом. Вспомним прот[оиерея] о[тца] П[етра] Скипетрова, павшего у дверей дома своего архипастыря. Вот пример для всех, как надо защищать веру православную, храмы святые, своих архипастырей и пастырей». «Все пропели почившему „Вечная память“, и владыка продолжил: „Почивший пастырь был убит у порога своего архипастыря, и вы должны объединиться около своего архипастыря, в этом наша сила и победа“. В ответ послышалось пение: „Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его“; с этим песнопением народ стал расходиться».

В тот же день тело протоиерея Петра было перенесено из больницы в Скорбященскую церковь, настоятелем которой он был. Заупокойную всенощную совершил митрополит Вениамин с викариями и многочисленным духовенством. Тело убитого священника предполагали похоронить рядом со Скорбященской церковью, но власти воспрепятствовали этому, и митрополит распорядился совершить погребение на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Пока гроб с телом священномученика стоял в храме, здесь побывало множество людей и непрерывно служились панихиды «об убиенном за веру православную рабе Божиим протоиереем Петре».

На следующий день в Скорбященской церкви была совершена заупокойная литургия, которую возглавил митрополит Вениамин. С ним служили епископы Прокопий и Артемий и двадцать пять священнослужителей петроградских храмов. Перед началом отпевания митрополит Вениамин обратился с кратким словом к молящимся.

«Святители, сопастыри, родные и духовные дети покойного досточтимого отца протоиерея Петра! – сказал он. – Мы собрались здесь, вокруг его гроба, чтобы воздать наш последний долг почившему, по православному церковному обычаю проститься с ним и проводить его до могилы. При прощании обычно много бывает речей. В них выражают те чувства, которыми полна наша душа к тому, кто нас покидает. Но у этого гроба не место речам. Вокруг него должно быть благоговейное молчание. Не речам здесь место, а место плачу и молитве. Будем же, возлюбленные, плакать и молиться, чтобы Господь душу убиенного протоиерея Петра упокоил там, где нет печали и воздыханий, а нас, пока

оставшихся в живых, спас и помиловал по великой Своей милости».

После отпевания гроб с телом протоиерея Петра по благословению митрополита был пронесен крестным ходом по тому пути, по которому в последний час перед смертельным ранением прошел священномученик. В Троицком соборе была отслужена панихида, а на месте перед входом в дом митрополита, где священник был ранен, – лития.

Непростые отношения сложились у митрополита Вениамина с епископом Прокопием (Титовым). После того как митрополит был назначен настоятелем лавры, епископ Прокопий остался не у дел, но митрополит просил его по-прежнему исполнять обязанности заместителя, предполагая, однако, в ближайшее время управление лаврой взять целиком в свои руки; он полагал, что административно централизованное управление, проводимое им как основополагающий принцип, само по себе должно устроить дело. Будучи, как он сам говорил, учеником митрополита Антония (Вадковского), он полагался во многом на правильно выстроенную административную систему. Как настоятель лавры он возглавлял все богослужения на первой неделе Великого поста 1918 года, сам читал канон Андрея Критского и совершал литургии Преждеосвященных Даров. По его собственному, высказанному им в письме к Патриарху Тихону мнению, это не должно было быть приятно епископу Прокопию, так как тот принадлежал к школе митрополита Харьковского Антония (Храповицкого), а митрополит Вениамин – к петроградской школе, ставившей на первое место дисциплину и строгое иерархическое подчинение, не предполагавшее, что вопросы могут быть обсуждаемы. Он, например, благословил епископу Прокопию являться к нему с докладом по делам лавры почти каждый день, однако не указал точное время и в результате, как сам жаловался Патриарху Тихону, был почти не в курсе жизни монастыря. В конце концов митрополит Вениамин вызвал епископа Прокопия для объяснений, сказав ему, что «так дело идти не может. Должна быть одна воля. Лаврские относятся к нему то как к заместителю, то как к настоятелю, что для них выгоднее». Епископ Прокопий в ответ выразил пожелание уехать в Москву. Митрополит Вениамин благословил это намерение, и они с миром расстались. Впоследствии заместителем Александро-Невской лавры по ходатайству митрополита Вениамина Патриарх Тихон назначил архимандрита Виктора (Островидова)^а.

Вопрос о положении настоятеля Александро-Невской лавры разбирался отдельно на заседании Священного Собора 24 января (6 февраля) 1918 года. Докладчик по этому вопросу архиепископ Тверской Серафим (Чичагов) сказал: «Митрополит Вениамин в бытность свою на Соборе заявлял о своем тяжелом положении. Говорят, что настоятель не может стеснять митрополита и будет всегда в каноническом ему подчинении, так как митрополит хотя и не настоятель, но он является начальником монастыря, будучи епархиальным архиереем. Теоретически это хорошо. Когда начальник временно приезжает в монастырь для ревизии и распоряжений – это одно дело, но если он живет там постоянно, то он стесняет настоятеля, естественно затрудняет для него отправление своих обязанностей, что и случилось с уважаемым преосвященным Прокопием, который вынужден был просить об увольнении его от настоятельства в лавре. С другой стороны, неудобно и положение начальника, который может наблюдать из окна своего помещения беспорядки в монастыре и стесняется делать нужные

^а Священноисповедник Виктор (в миру Константин Александрович Островидов), впоследствии епископ Глазовский, викарий Вятской епархии; память 19 апреля / 2 мая.

указания». В этот же день Собор принял постановление о передаче Александро-Невской лавры в ведение митрополита Петроградского Вениамина с присвоением ему титула священноархимандрита.

5/18 февраля 1918 года в трапезной Александро-Невской лавры под председательством митрополита Вениамина состоялось торжественное заседание, посвященное памяти убитого большевиками митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского). Митрополит Вениамин благословил 10/23 февраля совершить заупокойные литургии и панихиды по мученически скончавшемуся архипастырю во всех храмах Петроградской епархии.

Первая мировая война, несмотря на обещания большевиков заключить мир, продолжалась. 23 февраля германские войска достигли Пскова и Нарвы, и, как многие тогда полагали, нависла угроза над Петроградом. 26 февраля дипломатический корпус иностранных государств из-за угрозы оккупации столицы германскими войсками выехал в Вологду. 3 марта советское правительство подписало в Брест-Литовске мирный договор с державами австро-германского блока, по которому Германии отдавалась территория в один миллион квадратных километров, включая Украину и Белоруссию, и оплачивались все ее затраты на ведение войны. 11 марта советское правительство объявило о своем переезде в Москву. Митрополит Вениамин ввиду тяжелого положения в городе отложил свою поездку в Москву на заседания Священного Собора и сделал распоряжение, чтобы «все подведомственное ему духовенство оставалось на своих местах в приходах», заявив, что «церкви эвакуироваться не будут. Не будут также вывезены чудотворные иконы и другие чтимые святыни, так как, по заключению высшей духовной власти, эти святыни должны оставаться с народом в дни народных бедствий и испытаний для духовного утешения и укрепления».

С 11 по 15 марта в Исидоровском епархиальном училище прошел чрезвычайный съезд духовенства и мирян Петроградской епархии, на который вместо двухсот семидесяти делегатов прибыло сто восемьдесят, но ввиду важности обсуждаемых вопросов съехавшиеся делегаты постановили съезд провести; такого же мнения придерживался и митрополит, заявивший, что «при таких тяжелых условиях, в которых находится в настоящее время Церковь, съезд откладывать нельзя. На все назревшие вопросы необходимо дать исчерпывающие ответы в духе христианской любви и кротости. Необходимо учитывать также и то, что среди русского народа в связи с переживаемыми событиями наблюдается огромный подъем религиозного чувства, который спасает людей от мрачного отчаяния».

12 марта председатель съезда протоиерей Философ Орнатский огласил постановления Собора относительно принятого Совнаркомом декрета «Об отделении Церкви от государства», который расценивался Собором как документ об объявлении властями начала гонения на Церковь. На следующий день делегаты съезда в присутствии митрополита Вениамина и епископов Геннадия (Туберозова) и Артемия (Ильинского) выслушали стоя послание Патриарха Тихона, написанное им после подписания советским правительством Брестского мира; в нем делалась оценка происходящего в стране и деятельности государственной власти и с позиции религиозной, и с позиции государственной, с точки зрения исторических чаяний русского народа, и в то же время предлагался религиозный выход из создавшегося положения – общее покаяние и возвращение ко Христу и Его Святой Церкви.

«Заклученный ныне мир, – писал Патриарх, – по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чужого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони Православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и Русскую землю в тяжкую кабалу, такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения. Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству неисчислимы потери. <...>

Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения.

По воле Пастыреначальника, Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, поставленные на великое и ответственное служение Первосвятителя Церкви Российской, по долгу преемника древних собирателей и строителей земли Русской, святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, мы призываемся совестью своею возвысить голос свой в эти ужасные дни и громко объявить пред всем миром, что Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир. Этот мир, принужденно подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества. Может ли примириться русский народ со своим унижением? Может ли он забыть разлученных от него по крови и вере братьев? И Православная Церковь, которая не могла бы не радоваться и не возносить благодарственного моления ко Господу Богу за прекращение кровопролития, не может теперь иначе, как с глубокой скорбью, взирать на эту видимость мира, который не лучше войны».

При обсуждении различных вопросов съезд выяснил, что еще около сорока церковно-приходских школ продолжают оставаться в распоряжении епархиальной власти, причем они содержатся исключительно на церковные средства, не получая ниоткуда субсидий. Съезд признал необходимым содержать эти школы на епархиальные средства и в дальнейшем, а также оказать материальную помощь Духовной академии и студентам, оказавшимся в бедственном положении.

Съезд принял решение об издании самостоятельного епархиального печатного органа; митрополит Вениамин, придавая большое значение церковной прессе, обратился к духовенству и приходским советам со специальным воззванием.

«Современные условия церковной жизни, – писал он, – настойчиво требуют, чтобы все православные люди крепко объединялись друг с другом на почве своих церковных интересов. Для этого они, прежде всего, должны быть хорошо осведомлены о всех сторонах и явлениях церковной жизни в новых условиях ее существования, должны знать, как эта жизнь развивается и крепнет на местах, какими способами происходит ее организация и устройство.

Могучим средством в деле такого сплочения православных людей является наш собственный церковный орган „Петроградский церковно-епархиальный вестник“, издание которого встретило живое сочувствие со стороны пленарного состава Церковного епархиального совета и было признано необходимым

съездом духовенства и мирян епархии.

Ввиду сего я настоятельно предлагаю духовенству и приходским советам епархии принять незамедлительные и все зависящие от них меры к самому широкому распространению „Вестника среди православного населения епархии“.

Закрывая съезд, митрополит Вениамин «призвал к бодрости и дружной работе на местах на благо Церкви. Никакие испытания, никакие гонения не страшны Церкви – она неодолима. Когда мы вместе собираемся, мы взаимно поддерживаем воодушевлением друг друга и с этой приобретенной на съезде бодростью духа нужно разъезжаться по домам».

В понедельник 26 марта (8 апреля) митрополит служил пессию в просторном храме Старо-Афонского подворья, где собралось около двух тысяч молящихся. В проповеди, в которой выразилось существо его личности, прощающей и любящей врагов, митрополит Вениамин сказал: «Мы потеряли все, <...> потеряли Родину, и если потеряем веру, то нам нечем будет жить. Берегите же веру, объединяйтесь в ней, в заповеданной Христом взаимной любви, и у нас будет опять надежда верная на новую, добрую, прекрасную жизнь.

Сейчас молитва пред Крестом Господним умягчила ваши сердца, вам легче, на глазах ваших слезы умиления... Придете домой, вернетесь в обычную обстановку, наполненную тяжелыми заботами, почувствуете опять все мучительные испытания, какие приходится вам переживать теперь. И, может быть, в сердце ваше начнет прокрадываться ненависть к тем, кого вы считаете виновниками нынешних мучительных переживаний ваших. Вспомните тогда нашу молитву пред Крестом Господа нашего, вспомните все Его безмерные страдания, кротко и беззаветно принятые Им на Себя для спасения грешного рода человеческого. Вспомните все это – и вы почувствуете и в себе силу сказать о ваших недругах, о причиняющих вам страдания те слова, которыми молился Спаситель среди Своих мук на Кресте: „Отче, прости им, не ведают бо, что творят“ [Лк. 23, 34]. Вы имеете молитву, в молитве для вас великое незаменимое утешение. А те несчастные, которые устроили горе вашей жизни, – они этого утешения не имеют. Они несчастнее вас».

Во время Великого поста 1918 года, зная, что государство наложило запрет на религиозное образование детей, митрополит Вениамин благословил учредить союз детей и молодежи с целью их религиозного и физического воспитания. В Александро-Невской лавре стали устраиваться специальные богослужения для детей.

В 1918 году советское правительство собиралось широко отметить праздник 1 Мая, который совпал в тот год с Великой средой, и митрополит Вениамин «предложил духовенству <...> произносить в церквях проповеди с призывом воздержаться от участия в празднике 1 Мая, так как на Страстной неделе никакие ликования не дозволительны», и обратился к пастве со специальным посланием.

«Тяжелые испытания послал нам Господь, – писал он. – Скорби великие переживает Церковь Святая, Родина наша, народ русский и все мы.

Внимая призыву своего архипастыря в минувшие дни Великого поста, во множестве собирались вы, православные люди, в храмы Божии на пессии, богослужения, посвященные воспоминанию спасительных Страстей Христовых. <...> Но эти службы, на которых как бы по частям воспоминались страдания Христовы, были только подготовлением к должному, спасительному, утешительному проведению Страстной седмицы.

Наступает и сия святая седмица. <...> В храмах Божиих совершаются

умилительные богослужения. Верующие приглашаются принять участие в Тайной Вечере Господней и, подобно ученикам Христовым, просветиться. <...>

С каким вниманием, благоговением, трепетом сердечным должна проводиться Страстная неделя!

Между тем, эти дни святой скорби, великого умиления, дни дорогие для христиан, хотят сделать и делают днями шумных празднеств, собраний, зрелищ, всевозможных развлечений, все для того, чтобы люди были не в храмах Божиих, а на площадях, на улицах и во всевозможных, но только не в христианских, собраниях.

Христианин, да еще православный, где твое место?

Около ли Христа, Который не только по воспоминаниям, но в лице Своей Церкви и на самом деле теперь тяжко страдает от всевозможных хулений, издевательств, поношений?

Или твое место среди предводительствуемых Иудой-предтеlem врагов Его, желающих взять и погубить Его, среди людей, некогда кричавших „распни, распни Его“, а теперь подтверждающих и приветствующих всякое издевательство, кощунство, глумление над верой в Него криками „правильно, правильно!“

Или твое место среди той мимоходящей праздной толпы, которая то глумилась и издевалась над страждущим и умирающим Спасителем, то любовалась из интереса этим зрелищем позора и страданий Невинного.

Где твое место, христианин? Там или здесь? Огненными буквами да напишется этот вопрос в сердце твоем и встанет перед совестью твоею. Дай на него ответ решительный и определенный. <...> Ответ один: со Христом, у Креста Его вместе с Материю Его и другими любящими Его.

Для христианина, если он желает быть таковым не по имени только, нет места на увеселениях, зрелищах, собраниях и всевозможных празднествах и торжествах мирских в дни Страстной, или, как говорит народ, „страшной недели“.

Пастыри православные, отцы духовные, за службами Вербного воскресенья разъясняйте это своим чадам духовным, своим пасомым и всем православным.

Просите, увещивайте, молитесь, заклинайте их именем Христовым не омрачать душ своих оставлением Христа страждущего отступничеством от Него в эти великие дни и чрез это не лишать себя участия и в радости Воскресения Христова. Кто не участвует в страданиях Христовых, тот не имеет части и в Воскресении Его. <...>

Ко всем, всем, всем чадам Церкви Православной обращаюсь архипастырски с мольбой, просьбой, увещанием: побудьте, хотя эту неделю, со Христом и около Него. Вы знаете, как велики страдания Христа и теперь. Вы болите душой вашей, слыша и видя все это восстание на Бога и на Христа Его, на Церковь, на веру и на все святое. <...>

Ограждая себя крестом Христовым, мужественно противляйтесь соблазнам врагов Христовых, не боясь их козней и лаяния.

Поклонимся Страстям Христовым!

Поклонимся Страстям Христовым и святому Воскресению Его, да плач наш в радость воскресения Господь преложит».

По благословию митрополита Пасхальные заутрени там, где это было возможно, были отслужены на площадях перед храмами на специально устроенных помостах, так как храмы не вмещали всех желавших помолиться в этот святой день. А в самый день праздника он обратился к петроградской пастве с пасхальным приветствием:

«Христос воскрес!»

Два простых слова, но какой в них источник радости неиссякаемый...

Пусть миродержатели тьмы века сего не слагают оружия, но усиленно и дерзко борются с жизнью и светом, пусть пытаются расставлять свои сети и ловить в них новые жертвы, пусть много, много людей работает греху, пусть даже может показаться в иные минуты, что мрак снова облегает землю и князь мира сего готов торжествовать победу.

Но... вот среди мрака пасхальной полуночи раздается удар церковного колокола, звук его торжественно пронесся в воздухе и глубоко проник в сердца христианские.

Давящей тьмы ночи как будто не бывало. Все исчезло в одном бесконечно радостном возгласии: Христос воскрес! Все заглушил собою радостный, велегласный, неумолкающий клич: Христос воскрес!».

В четверг на Пасхальной неделе митрополит Вениамин предложил организовать детские крестные ходы из Казанского собора в лавру, в которых могли бы принять участие мальчики и девочки от семи до пятнадцати лет. Накануне в приходах «были произведены репетиции шествий из детей. В крестных ходах, шедших при пении „Христос воскрес“ и пасхальных ирмосов, участвовали тысячи детей. После молебствия в Казанском соборе и в Знаменской церкви соединенные крестные ходы во главе с архиереем пошли к Александро-Невской лавре», где митрополит Вениамин отслужил молебен и благословил детей.

На следующий день, в пятницу, митрополит возглавил общегородское празднование в честь иконы Божией Матери «Животворящий Источник». Крестный ход начался в двенадцать часов ночи. Тысячи людей шли по улицам ночного потрясенного революцией Петрограда с зажженными свечами, с пением «Христос воскрес» и пасхальных ирмосов. К утру закончилась всенощная и началась литургия, служение которой в Покровской церкви возглавил митрополит. После литургии крестный ход направился к Исаакиевскому собору, из которого навстречу ему вышло духовенство с хоругвями и крестами. По пути к нему присоединялись крестные ходы других приходов, которые затем все направились на берег Невы для водосвятия. Митрополит Вениамин отслужил молебен о спасении Петрограда, России и об умиротворении междоусобной брани. Только к середине дня под звон колоколов и пасхальные песнопения крестные ходы стали расходиться по своим приходам.

На Фомино воскресенье, 29 апреля (12 мая), состоялся общегородской крестный ход от Александро-Невской лавры до Исаакиевского собора, который возглавили митрополит Вениамин и епископы Геннадий и Артемий. Перед началом крестного хода протоиерей с установленного на Александро-Невской площади помоста прочитал специально написанное к этому случаю митрополитом Вениамином послание.

«В переживаемые дни Родина наша, некогда Русь Святая православная, превратилась в пещеру погребальную, – писал он. – И наполнена эта пещера телами людей, которые ходят, действуют, много говорят, но которые духовно мертвы для Бога, для веры, для Церкви, для блага Родины, для любви и сострадания к ближним и для голоса совести своей.

И хочется, весьма хочется встать среди этих живых мертвецов <...>, громко, голосом, подобным трубе архангельской, воскликнуть:

„Отцы, братие и сестры! Сегодня у нас великий день: Христос воскрес!

Очнитесь, ответьте на это наше приветствие не оружейными выстрелами, какие раздавались во время Христовой Пасхальной заутрени, не криками кощунства, злобы и вражды, а христианским радостным приветствием: „Воистину Христос воскрес!“ Ответьте не иудиним предательским лобзанием, но дружескими поцелуями и братскими объятиями...

Вы от нас вышли, из нашей русской семьи, православной, народной, но теперь сделались не нашими, забыли, попрали, поругали все святое, дорогое сердцу русскому, сердцу православному.

Погоня за земными благами, за деньгами, душа несытая, сребролюбием недугующая, завела вас далеко, далеко.

Нет у вас радости, нет света утешения, зависть, злоба, вражда, угрызения совести, отчаяние наполняют души ваши и при всем вашем видимом довольстве и множестве несчастных погибельных денег нет главного – мира в „костях ваших“.

Мы, православные люди, оставшиеся верными нашим родным, дорогим началам веры христианской и преданиям русским, гонимые, поругаемые, убиваемые, страдаем, плачем, голодаем, но имеем свет, радость, утешение и надежду воскресения.

Голодные, лишенные в большинстве возможности по давнему многовековому обычаю приготовить и освятить кулич и пасху, это яство пасхальное, мы с особым сердечным настроением встретили Христово Воскресение, радость которого духовная, раньше затеняемая обильными трапезами, теперь особенно живо и ярко обнаруживалась, т.к. она была только в храме и службе церковной.

Бывшие дорогие братья наши, дети общей нашей семьи православной, знайте, что трудно „прать против рожна“ [Деян. 9, 5], невозможно бороться с Богом, нельзя искоренить веру. Борьба с Богом, как давным-давно сказано, только обнаруживает безумие восстающих на Бога. Гонения на веру укрепляют ее. Так было, так будет, так и теперь есть.

Думали предоставлением свободы произволу и страстям человеческим, обещанием всяких благ земных, рассыпанием денег заставить людей забыть про небо, про Бога, про совесть. Но ведь эти средства уже испытанные и цели не достигающие.

Иуда, удовлетворяя своей несытой душе, своей преступной страсти, за сребреники продал Христа.

Неверующие иудеи свидетелям Воскресения – воинам стрегущим – тоже „сребреники довольны“ дали, да скажут людям, что они уснули, а в это время ученики Христовы украли тело Иисусово. И эта молва промчалась среди иудеев и распространяется до сего дня [Мф. 28, 12, 15].

Но предательство Иуды не погубило дела Иисусова, и ложь о Воскресении Христовом, которая исходила от подкупленных воинов, не помешала радостной истине Воскресения Христова распространиться по всему миру и сохраниться до сих пор.

В наше время также оказалось много отступников от Христа, много соблазвившихся сребрениками и дошедших даже до намерения завладеть и поделить злато церковное. Но осталось немало и верных Церкви. <...>

В четверг около храмов Божиих для участия в крестном ходе собирались дети христианские. Они огласили улицы нашего города, наши „пещеры погребальные“ своим детским возгласием „Христос воскрес!“

Их звонкое пение, быть может, еще сильнее растревожит спящие совести.

Некогда дети еврейские в храме Иерусалимском восклицали Христу: „Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!“ [Мф. 21, 9].

Детское приветствие встревожило врагов Христовых, и они вознегодовали и просили Христа остановить лепет детей.

Пусть и наши дети христианские как можно чаще поют и восклицают победное осанна: „Христос воскрес“.

Для той же цели, чтобы привет пасхальный проник во все углы наших пещерных переходов, в неделю Антипасхи – Фомино воскресенье – идет всепетроградский крестный ход из всех церквей в лавру, а оттуда к Исаакиевскому и Казанскому соборам.

Пусть мощное – „Христос воскрес!“ – потрясет весь град! Да совершится и с нашими братьями в неделю Фомина уверенья и их уверение в той истине, что спасение Родины только в вере православной! И да сорвется с их уст радостное исповедание Фомы: „Господь мой и Бог мой!“ [Ин. 20, 28].

Фома пробыл целую неделю вне радости пасхальной учеников Христовых. Он не был с апостолами, когда Христос к ним явился. Оставление им семьи апостольской лишило его, к счастью только на время, и радости пасхальной.

Наши братья, пребывающие в богоборстве и мрачном неверии, чуждые радостей духовных, тоже ушли из нашей семьи, оставили ее, а потому они и лишились той радости, которую дает вера.

Пусть они скорее вернуться в нашу семью. Пусть из врагов всего русского, православного, народного, доброго, святого превратятся в братьев, любящих друг друга, любящих и Родину свою.

Пусть они вложат руки свои в те ужасные раны, которые нанесены Родине и всему народу нашему. Сердце их пусть осяжет те великие язвы, которыми полна современная жизнь русских людей.

Тогда они почувствуют, что в воскресении народа, в исцелении всех этих ужасных язв и ран может помочь только Господь Бог, только вера в Него, горячая, искренняя, нелицемерная может спасти нас».

3/16 мая состоялась торжественная встреча привезенной из Москвы митрополитом Вениамином частицы мощей священномученика Патриарха Ермогена для предполагаемого придела в честь священномученика в подвальном помещении Казанского собора. Их встретил крестный ход из Знаменской церкви во главе с епископом Лужским Артемием. На следующий день крестный ход с мощами священномученика проследовал в Казанский собор, где митрополит совершил литургию.

Несмотря на то, что власть в стране была захвачена враждебно настроенными к Церкви людьми, сознательно ставящими своей целью ее уничтожение и не скрывающими этого, митрополит по-прежнему продолжал устраивать крестные ходы не только в Петрограде, но и в губернии, возглавив, например, крестный ход из Луги и соседних приходов в Иоанно-Богословский Черемнецкий монастырь. Во время совершения митрополитом и епископом Артемием в лужском соборе всеобщей некие люди стали шумно протестовать против проведения крестного хода. Богомольцы заставили их удалиться, и тогда к собору подъехал автомобиль с красногвардейцами, вооруженными пулеметом, но народ разоружил прибывших. Явившийся вскоре на место происшествия начальник лужской милиции стал успокаивать толпу и заверил митрополита, что будут приняты все меры к охране порядка, что им действительно было вполне успешно исполнено. Однако на этом конфликт не закончился. Власти вызвали в

Лугу отряд латышей и арестовали людей, участвовавших в разоружении красногвардейцев. Собравшаяся толпа потребовала их освобождения, на что последовало заявление, что арестованные будут отправлены в Петроград, а против толпы, если та не разойдется, будут приняты решительные меры; в городе в тот же день был объявлен комендантский час. По отношению к митрополиту Вениамину и епископу Артемию власти держались, однако, подчеркнуто вежливо.

22 февраля (7 марта) 1918 года Священный Собор определил открыть в Петроградской епархии единоверческую кафедру с местом пребывания единоверческого епископа в Петрограде. 18/31 мая кандидатом на это место был избран член Священного Собора вдовый протоиерей Симеон Шлеев^а, который через несколько дней после избрания был пострижен митрополитом Вениамином в монашество с именем Симон. 25 мая (7 июня) Святейший Патриарх и Священный Синод назначили его епископом Охтинским.

24 мая (6 июня) исполнился год, как владыка Вениамин был избран на Петроградскую кафедру; в этот день он обратился к петроградской пастве с посланием, в котором обрисовал, как он видит свою деятельность за прошедший год и свои задачи на будущее^б.

29 мая (11 июня) в Петроград прибыл Патриарх Тихон. На всех станциях, начиная от Любани, где была получасовая остановка, его встречали крестные ходы; на тех станциях, где поезд не останавливался, Патриарх из окна благословлял собравшийся на железнодорожных платформах народ.

«На площади перед Александро-Невской лаврой, где был установлен помост, который обступило множество народа, Патриарха встретил митрополит Вениамин и его четыре викария и множество духовенства. Митрополит обратился к Патриарху со словом, в котором сказал: „Встречаем мы Вас, Святейший Владыка, на том самом месте, на котором в годину великих потрясений и испытаний православные петроградцы, старые и малые, привыкли собираться для молитвы, для возгревания и укрепления духа ревностного стояния за веру нашу христианскую.

Обширные храмы лавры и площади ее оказались не в состоянии вмещать множество православных людей, приходящих с крестными ходами и готовых идти на подвиги исповедничества и мученичества за веру святую и Церковь Православную.

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, под покровом которой Вы, Ваше Святейшество, получили академическое образование, в стенах которой в дни Вашего Святителства часто молились и имели местопребывание, молитвенно благословляет нынешнее Ваше вступление в нее и просит принять сию святую икону благоверного князя Александра Невского.

Угодник Божий и великий заступник за землю Русскую да будет всегдашним помощником в совершении Вами великого подвига архипастырства всероссийского во славу Церкви Православной и во благо и спасение нашей Родины многострадальной“».

На следующий день, в день памяти преподобного Исаакия Далматского, Патриарх Тихон служил литургию в Исаакиевском соборе. Вечером того же дня в Исидоровском епархиальном училище состоялся прием Патриарха Братством

^а Священномученик Симон (Симеон Иванович Шлеев), впоследствии епископ Уфимский; память 5/18 августа.

приходских советов, и митрополит Вениамин, обращаясь к Патриарху, сказал: «Ваше Святейшество! Уже три дня Вы пребываете в нашем Петрограде. Совершая богослужение в соборных храмах, Вы могли наблюдать великое множество богомольцев, переполнявших эти храмы. Истинно я свидетельствовал, приветствуя Ваше Святейшество у врат Александро-Невской лавры, что в Петрограде такое еще множество верующих людей, которое в дни наших богомолений не вмещается в обширных храмах лавры и на дворах ее, и эти богомоления приходится совершать уже на площади вне стен лавры.

Святейший Владыка! Петроградский церковный народ, пастыри и пасомые со своим архипастырем в переживаемые тяжелые дни привыкли собираться не в храмах только, но и по домам, чтобы укреплять и развивать взаимное общение, воодушевлять и поддерживать друг друга. Мы в этом отношении подражаем святым апостолам и первым христианам, которые по книге Деяний святых апостол не только ходили в храм Иерусалимский на молитву, но собирались и по домам и пребывали в общении друг с другом. Одним из таких домов, в которых мы собираемся для взаимного нашего общения, является и настоящий дом. В нем год тому назад собрались в равном количестве духовные и миряне и общим обсуждением наметили кандидата в архипастыри. Здесь происходил чрезвычайный епархиальный съезд и прошел так мирно, церковно-христиански, что является каким-то исключением среди съездов весны 1917 года.

Когда начались сильные нападения на Церковь и стали издаваться декреты, касающиеся Церкви, сюда стали стекаться члены приходских советов. Еженедельно происходят собрания, на которых церковные люди и пастыри делятся своими переживаниями, к сожалению, по большей части печальными, утешаются, укрепляются и утверждают в добром и мужественном каждом из них исполнении и своего христианского долга. Когда стали запрещением преподавания Закона Божия в школах детей отлучать от Христа, здесь открылся детский союз, и дети во множестве стали переполнять залы и коридоры этого дома.

Святейший Владыка! В храме Вас приветствовали дети, здесь собрались взрослые.

Благослови и помолись за всех нас, чтобы наше общение и духовное единение росло и крепло, чтобы быстрее воцерковлялись православные люди и начинали жить интересами церковными все, пастыри и пасомые, взрослые и малые, каждый в меру свою, но непременно, обязательно принимая живое, деятельное участие в церковной жизни. Начавшееся объединение православного петроградского церковного народа спасло Петроградскую церковь от многих бед. Расширяясь и укрепляясь, оно да ограждает ее от всяких нападений вражиих и на будущее время.

Дорогой Святейший Владыка и отец наш, благослови всех нас, архипастырей, пастырей и пасомых, чтобы все мы составляли единое живое тело – Церковь Христову, пребывая в любви взаимной, храня „единение духа в союзе мира“ [Еф. 4, 3], исполняя каждый свой христианский долг по совести, всегда готовы были мужественно исповедовать свою веру во Христа и радостно страдать за Него и Церковь Православную».

Обращаясь к петроградской пастве, Патриарх Тихон сказал: «Когда я вступил в сей священный град, когда видел великое множество встречавших меня людей – в сердце моем была радость, что не оскудела вера православная среди русских людей. Но, с другой стороны, видя умиленные лица, я замечал и некие слезы на

них.

И в самом деле. Град сей давно мне известен. Я знал его, когда учился в здешней Академии, но я всегда привык его видеть несколько иным. И теперь при посещении этого града невольно вспомнились мне слова пророка Иеремии, как он некогда оплакивал Иерусалим, называя его „вдовицей, видевшей лучшие дни, но испытывающей принижения“.

Нельзя не заметить увядания этого града. Вместе со всею матерью Родиной нашей большие терпит он скорби и поношения. Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения.

И, конечно, не может не испытывать скорби всякий русский верующий человек.

Однако скорбь наша не может быть безмерной. Как апостолы, расставшись с Учителем своим, выступили на проповедь с радостью, так и мы не должны унывать, не должны падать духом, не должны отчаиваться.

В том самом обстоятельстве, что верующие люди повсеместно объединились около своих храмов и не дают их в обиду, как это было и у вас, в этом залог великого будущего нашей Церкви Православной и всего нашего народа.

Когда в приветствиях, которыми встречали меня здесь, у врат этой святой обители, прозвучали слова: „Благословен грядый во имя Господне...“ – я припомнил слова Иисуса Христа, обращенные Им к Иерусалиму: „О, если бы град сей хотя теперь бы познал, что служит ко спасению его“ [ср.: Лк. 19, 42].

Но я взираю на вас с утешением, потому что вы знаете, в чем заключается наше спасение.

Спасение в Церкви Божией, в вере нашей в Бога. Она только может нас спасти и избавить от тех несчастий, которые всюду облегают нас.

Конечно, нужны и преобразования, нужны и реформы. Но главное не в этом. Главное – это возрождение души нашей, об этом надо заботиться прежде всего.

Как Иов Многострадальный потерял все, что имел, был терзаем, страдал, мучился, но не потерял веры в Бога, и вера эта спасла его и возвратила все потерянное и утраченное, так и нам Господь попустил переносить великие страдания, поношения и обиды, попустил потерять многое из того, что мы имели раньше.

Но была бы только крепка вера православная, только бы ее не утратил русский народ. Все возвратится ему, все будет у него и восстанет он, как Иов с гноища своего.

Пока будет вера – будет стоять и государство наше. Воспламеняющий огонь ревности Божией спасет Родину нашу. Но только спасение это надо искать не в захватах, не в обогащении на счет другого, а напротив, стремиться с любовью помогать друг другу, „честью друг друга больше творяще“ [Рим. 12, 10].

Пример для нас – небесный покровитель этой святой обители и всего града – благоверный великий князь Александр Невский.

Он жил в тяжелые времена. Защищал Отечество свое и веру православную от натиска на нее со стороны неверных. Принужден был ездить в Орду, переносил там и унижения, и поношения, и всякие невзгоды, но мужественно противостоял всем вражеским козням, и, крепкий духом, он сам одерживал блестящие победы над врагами здесь же, на этих самых местах, где мы с вами находимся.

Помолимся же ему, помолимся с верой и надеждой на его святую помощь и защиту».

31 мая (13 июня) Патриарх возглавил служение литургии в Казанском соборе и после литургии посетил настоятеля собора протоиерея Философа Орнатского, который в этот день праздновал именины. У церковного дома собралось множество людей, и Патриарх вместе с именинником вышел на балкон, чтобы поблагодарить петроградцев за радушный прием.

1/14 июня Патриарх с митрополитом Вениамином служили в Иоанновском монастыре на Карповке и на следующий день отбыли в Кронштадт, где Патриарх отслужил панихиду в квартире протоиерея Иоанна Кронштадтского. 3/16 июня Патриарх в сослужении митрополита Вениамина и викарных епископов совершил литургию в Троицком соборе Александро-Невской лавры, где состоялась хиротония по старопечатным книгам архимандрита Симона (Шлеева) во епископа Охтинского. В тот же день Патриарх посетил Скорбященскую церковь, где ранее служил протоиерей Петр Скипетров, и благословил его вдову Антонину Николаевну. В этот же день Патриарх отбыл в Москву.

«Кратковременное пребывание Патриарха Тихона в Петербурге, – писала газета „Наш век“, – вызвало подъем религиозных чувств в народных массах бывшей столицы. Наблюдался большой приток пожертвований, причем среди жертвователей было много рабочих».

18 июня (1 июля) митрополит Вениамин открыл чрезвычайное епархиальное собрание, на котором был избран в соответствии с решением Священного Собора епархиальный совет. Собрание продолжало свою работу в течение десяти дней. 27 июня был избран Миссионерский совет, призванный противостоять антирелигиозной и антицерковной пропаганде. После того как 28 июня епархиальное собрание завершило свою работу, митрополит, отметив столь отрадное явление, что в нем активное участие вместе с пастырями приняли миряне, сказал: «„не могут существовать пастыри без пасомых, но немислимы, в свою очередь, и пасомые без пастырей“. Эти „два вола“ должны впрячься в один плуг для общей работы на Христовой ниве. Трудно это делание, однако надо собрать силы, не следует падать духом. Обстоятельства жизни нашей показывают, что все натиски со стороны враждебных Церкви сил не уничтожают нашего дела, а, наоборот, помогают ему. Они пробуждают в нас дух ревности Христовой. Пусть же этот дух ревности о деле Христовом ярким пламенем загорится в наших сердцах. Пусть эта ревность соединит и архипастыря, и пастырей, и пасомых в одну тесную семью».

Петроградский епархиальный совет в составе пяти священников и трех мирян начал свою работу 2/15 июля. Открывая заседание совета, митрополит Вениамин обратился к его членам «с теплым словом, где изложил взгляд свой на те основные условия, при которых должна совершаться работа совета. Владыка отметил, что совету предстоит решение важнейших вопросов, касающихся Церкви Христовой, и поэтому к разрешению их нужно подходить с особой христианской любовью, в полном согласии и единении. Деятельность консистории была главным образом неудовлетворительна именно потому, что она при решении дел отходила от Церкви Христовой, была чужда христианской любви, основываясь более всего на формальностях...». Он «выразил полную уверенность, что он от членов епархиального совета будет всегда слышать беспристрастные мнения и суждения о каждом деле, независимо от того, какого мнения в этом деле держится лично он, так как до сего времени, весьма нередко,

правлящему архиерею приходилось довольствоваться при сношении с подчиненными ему учреждениями и лицами только выражением полного одобрения своим собственным взглядам и решениям по тем или иным вопросам. <...> Митрополит указал, что как он в своей архипастырской деятельности далек от политики, имея в виду только благо Церкви, так равно просит и совет не вносить в свою деятельность политики. Задачи совета – служить Церкви Божией – настолько велики и важны, что тут не должно быть места преходящим веяниям и течениям». Митрополит призвал членов совета с полной откровенностью высказывать свои суждения. «Архиереи, – сказал митрополит, – часто считают себя непогрешимыми только потому, что им всегда поддакивают». Он не хочет этого поддакивания и просит совет иметь свое мнение.

28 марта 1918 года Братство приходских советов в Петрограде приняло постановление: «в целях наибольшего сплочения православных, пробуждения в них сознания единения и тесной связи между собою во всех проявлениях личной, общественной и государственной жизни и поднятия авторитета Церкви в широких массах, а также для предотвращения выступлений членов Православной Церкви на публичных собраниях с кощунственными речами и ввиду все учащающихся, особенно в селах, попыток захвата церковного имущества, ценностей» просить митрополита Вениамина разрешить приходским собраниям избирать приходские суды, которые имели бы право «судить выступающих с речами кощунственного характера, участвующих в захвате церковных имуществ, ограблении храмов и тому подобных святотатственных делах», подвергая их церковным наказаниям: «запрещению приступать к Святым Тайнам, лишению общения в молитвах церковных, отвержению от житейских взаимообщений с близкими и знакомыми и проч., вплоть до исключения, в случае нераскаяния, из общения церковного и лишения православного погребения».

Митрополит Вениамин поддержал это ходатайство и, направляя его 7/20 июля Священному Синоду, писал: «Учреждение приходских судов на местах, как то видно до некоторой степени из практики Константинопольской Церкви („смешанные епархиальные советы“), может принести большую пользу в деле объединения верующих как самих общин, так и приходских общин с митрополией. Необходимо, конечно, чтобы эти приходские суды имели преимущественной своей задачей нравственное воздействие на верующих и примирение, а наказание в потребных случаях ими бы налагалось с ведома и утверждения высшей епархиальной власти».

Патриарх и Священный Синод, рассмотрев 29 октября (11 ноября) ходатайство митрополита, отклонили его как несвоевременное ввиду «переживаемых... государством политических событий».

В начале августа 1918 года власти арестовали нескольких священников Петроградской епархии, в частности протоиерея Философа Орнатского. 3 августа состоялось заседание епархиального совета, который поручил комиссару по епархиальным делам Ивану Михайловичу Ковшарову выяснить у представителей власти причины ареста протоиерея Философа и предпринять меры к его освобождению.

9 августа митрополит Вениамин направил в епархиальный совет письмо, в котором писал: «По имеющимся сведениям, в последнее время очень участились со стороны светской власти обыски в учреждениях духовного ведомства и аресты лиц духовных, которые находятся теперь в разных местах заключения, не сообщаемых духовной власти. Ввиду сего нахожу благопотребным

неотлагательно установить нарочитое церковное моление „о сущих в темнице“ <...> страждущих за Православную Церковь <...>. Да подкрепит Всевышний Господь душевные и телесные силы их в мужественном перенесении постигших их тяжких испытаний. Моления возглашать за церковными службами на великой и сугубой ектениях, в своем месте. О чем и объявить духовенству вверенной мне Петроградской епархии к исполнению».

12/25 сентября 1918 года митрополит Вениамин писал Патриарху Тихону: «Прошу молитв и благословения в наше трудное время. Гонения на Церковь Божию легли тяжелым бременем и на рамена петроградской паствы. До двадцати священнослужителей томится в тюрьмах <...>. О большинстве нет точных сведений, где они и в каком положении находятся. Об о[тце] Философе через Германское консульство получена официальная справка, что он убит, но при каких обстоятельствах – неизвестно. Мною сделано заявление в Совет комиссаров, копию которого при сем прилагаю⁷. После этого аресты почти прекратились. Обращался я с письмом и лично был у епископа Евангелическо-Лютеранской церкви Фрейфельдта, прося его участия и содействия к выяснению участи и местонахождения арестованных⁸. Основанием послужило их приветствие Вашему Святейшеству. Обещал. При его содействии удалось получить точную справку и об отце Философе. <...>

Множество народа покинуло Петроград. <...> Аресты, террор, голод на всех нагнали уныние, апатию. Духовные и телесные силы ослабли. Для укрепления, исцеления и утешения всех страждущих на 14 сентября мною назначено усиленное моление с совершением во всех храмах великого воздвижения Креста Господня и совершали перед литургией соборования над подготовленными к этому исповедью и говением православными по чину Успенского собора в Великий Четверг^a.

Относительно назначения отца Виктора^b моя вторая телеграмма была вызвана случившимися в это время обстоятельствами, но они выяснились в благоприятном для него смысле, да и я узнал, что вопросы уже решили в благоприятном смысле, поэтому приветствую его назначение.

Что ждет нас в ближайшем будущем, трудно сказать. Будем уповать на милость Божию. <...>

Сегодня был у меня племянник преосвященного Варсонофия^c. Он передавал такие подробности. Все было спокойно. 1 сентября владыка поехал в Горицкий монастырь. Когда он возвращался оттуда, на пути останавливают лошадь два красноармейца. „Варсонофий?“ – грозно спрашивают. „Да“. – „Вы арестованы“. Преосвященного довели до монастыря, приказали кучеру, а это и был племянник, студент Казанского университета, с лошадью остаться, а сами взяли его и повели в тюрьму. На другой день расстреляли его, горицкую игумению и еще четырех человек за городом на поле и там же закопали. Через сутки дали разрешение выкопать его тело ночью от трех до пяти часов утра. Когда почти уже его откопали, явились красноармейцы, начали стрелять и приказали снова

^a В Успенском соборе Московского Кремля после всех положенных молитв и чтений Предстоятель при отпуске единокротно помазывал маслом сам себя, затем представителей властей, священнослужителей и всех молящихся; это священнодействие совершалось раз в году, в Великий Четверг.

^b Имеется в виду архимандрит Виктор (Островидов), назначенный наместником Лавры.

^c Священномученик Варсонофий (в миру Василий Павлович Лебедев), епископ Кирилловский; память 2/15 сентября.

закопать яму. Паника в монастыре и Кириллове ужасная. Только через два дня отслужили первую панихиду. Народ плачет за панихидами. Для производства этого суда приезжали из Череповца. <...>

Сегодня в два часа дня получил телеграмму Вашего Святейшества об утверждении отца Виктора наместником. Спаси Господи».

В начале октября 1918 года митрополит Вениамин передал через епархиальный совет «3 800 рублей на выдачу пособий семьям заключенных священнослужителей и 200 рублей на приобретение продуктов для самих заключенных».хлопоты митрополита Вениамина по освобождению арестованных священнослужителей завершились успехом, и в конце октября некоторые из заключенных священников были освобождены, и, как заявил следователь протоиерею Михаилу Чельцову^а, они должны быть благодарны своим освобождением митрополиту Вениамину.

«Как потом я узнал, – писал протоиерей Михаил, – митрополит Вениамин очень сильно поспособствовал нашему, и в частности моему, освобождению. У нас в Питере был священником отец Михаил Владимирович Галкин... большой карьерист и для своих своекорыстных целей не брезгующий средствами. Всегда и повсюду себя рекламируя как самого ревностного пастыря, искренне и самоотверженно верующего, он с первых же дней власти большевиков... перекочевал к ним и занял у них большое ответственное положение в Комиссариате юстиции, в отделе, ведающем делами нашей Православной Церкви. Живя в Москве, он нередко наезжал в Питер. Он знал все наши арестантские положения и мог ухудшать их, в силах был и улучшить их. У всего духовенства он вызывал чувство брезгливости.

К нему-то, побеждая в себе все тяжелое и неприятное, с опасностью подвергнуться нареканиям и укорам от духовенства и мирян, и обратился в этот раз, как и впоследствии потом не однажды делал, митрополит Вениамин с просьбой ходатайствовать за нас, сидящих в тюрьмах. Митрополит Вениамин лично ездил к Галкину на квартиру, и результатом его унижения ради нас и было наше освобождение».

28 ноября 1918 года под председательством митрополита Вениамина состоялось собрание благочинных петроградских церквей, на котором владыка предложил обсудить вопрос об оживлении пастырско-приходской деятельности в Петрограде; собрание сочло необходимым «для поднятия религиозного настроения верующих и объединения их в молитве устраивать вечерние торжественные богослужения с произношением кратких поучений, с присутствием всего духовенства благочиния; <...> за праздничным всенощным бдением прочитывать на русском языке положенные по уставу пролог и святоотеческие творения; по возможности за всеми богослужениями поучать верующих изустным словом».

Митрополит Вениамин намеревался из священников Петроградской епархии создать действовавший бы на постоянной основе кружок пастырей-проповедников, «проявивших себя проповедничеством и знакомством с апологетической и миссионерской литературой. Члены этого кружка в свободное от их прямых служебных обязанностей время разъезжают по всей епархии Петроградской для проповедания учения Христова в опровержение безбожия и сектантства, для поднятия духа у православных и для инструктирования пастырей

^а Священномученик Михаил Чельцов; память 26 декабря / 8 января

приходских в деле защиты веры Христовой.

Являясь только помощниками приходскому пастырю и за таковых только себя и почитая, эти пастыри-проповедники выезжают в те или другие местности или по указанию и распоряжению епархиальной власти, или по приглашению приходских священников и советов, или по собственному усмотрению, в обоих последних случаях – с ведома каждый раз епархиальной власти.

В местах своего пребывания они говорят за богослужением проповеди и вне его – беседы. Особенное внимание обращают на образование, при содействии приходских священников и советов, местных приходских кружков ревнителей веры и защитников Церкви из мирян и женщин, являясь их объединителями, руководителями и сообщая им все необходимые сведения для их деятельности у себя в приходе. <...>

Объединяясь в кружок, они все по возможности, не менее двух раз в месяц, собираются вместе или у владыки митрополита, или в епархиальном совете. Здесь они прежде всего научаются, где и что они должны проповедовать и делать, изучают соответствующую литературу, сообщают свои впечатления, наблюдения с мест их работы, вырабатывают методы и планы для дальнейшей их работы».

На лето 1919 года митрополит Вениамин запланировал серию уроков по религиозно-нравственному просвещению и воспитанию детей, используя свой опыт общения с молодежью, полученный во времена ректорства в семинарии. Уроки должны были вестись в течение всего летнего периода, причем «по своему характеру... они никоим образом не должны напоминать школьной учебы по Закону Божию прежних лет. Они должны проходить в непосредственном общении руководителей – в живых беседах с ними, в рассказах их; причем детям должна быть предоставлена самая полная и широкая активность в задавании вопросов, в выражении своих недоумений, мыслей, впечатлений, чувствований и вообще всего их душевного настроения». В целях активизации таких занятий митрополит Вениамин предложил создать союзы детей, которые могли иметь свои уставы и правила нравственности и поведения «вроде следующих: не ругаться, не драться, не ссориться, быть почтительными к старшим, услужливыми к больным, немощным, слабым и нищим, креститься при прохождении мимо храма, ежедневно молиться утром и вечером, в праздничные и воскресные дни по возможности бывать у богослужения и т.п.».

Митрополит предлагал как можно чаще устраивать для детей загородные прогулки, когда, останавливаясь на отдых в лесу или у реки, можно было пастырям и педагогам проводить с ними беседы. Для подготовки педагогов он благословил организовать специальные однонедельные курсы, на которые съезжались бы слушатели из губернии и Петрограда. На курсах должны были читаться лекции на темы: «Детская душа в ее восприятии религиозно-нравственных истин, методология религиозно-нравственного просвещения; общая педагогика; практическое ведение религиозно-нравственных занятий с детьми; беседы о детских играх; огородные работы; общее пение; научение рассказывать». Митрополит Вениамин ввел в правило регулярное проведение крестных ходов детей из всех приходов Петрограда к Казанскому собору и Александро-Невской лавре, а также в отдельных районах в чтимые храмы и к чтимым святыням. В селах дети шли со святыми иконами и хоругвями в соседнее село.

«Декрет об отделении Церкви от государства в Петрограде недостаточно

твердо провели, – писал он, подводя итоги деятельности органов советской власти по исполнению декрета. – До настоящего времени капиталы от церквей не отображены, описи имущества служителей культа не предоставлены, храмы группам граждан на основании договора с местным Советом не переданы и все еще продолжают находиться в бесконтрольном распоряжении больших и маленьких „церковных царьков“. <...>

Домовые церкви <...> не везде закрыты. Так, например, еще до сих пор функционирует домовая церковь при Комиссариате земледелия, больше того, каждый вечер накануне воскресных и праздничных дней изумляющиеся петроградцы могут наблюдать на крыше этого советского здания горящий яркими огнями электрический крест <...>.

Местная церковная иерархия, как известно, прибирающая к своим рукам все то, что плохо лежит, поспешила воспользоваться слабостью местных советских работников по отделению Церкви от государства, и в настоящее время домовые церкви прикрепляют к священникам, а этих последних вместе с „приписными“ домовыми церквями назначают уже в церкви приходские. <...>

Разоблачение многовекового обмана при помощи мощей для местных служителей культа, видимо, прошло без всякого следа. Петроградские церковники настолько наивны, что грезят о каких-то новых канонизациях. Опубликованным в № 1 петроградского „Церковного вестника“ распоряжением митрополита духовенству вменяется в обязанность устраивать торжественные богослужения, посвященные новым „чудотворцам“ Мартирию Зеленецкому, Илариону Гдовскому, Феофилу и Иакову Лужским и Киприану Сторожевскому. „Об этих наших местных праведниках, – пишет митрополит, – особенно благовременно вспомнить ныне, в год сильной разрухи в нашей жизни, страданий, плача и религиозного возбуждения“. „Они... помогут нам в государственной и общественной жизни возродиться к былому, славному и доброму“».

Пытаясь воспрепятствовать проведению местными властями кощунственных мероприятий, митрополит Вениамин обратился с письмом к председателю Петроградского исполкома Зиновьеву. «В первых числах текущего сентября на лекции „О коммунизме и религии“, – писал он, – <...> была поставлена на голосование резолюция, предлагающая все мощи изъять из церквей и сконцентрировать в особом музее, в частности так поступить и с находящимися в Петрограде мощами св[ятого] Александра Невского.

Слухи об этом весьма взволновали православное население Петрограда. Гробница Александра Невского одна из главных святынь нашего города, сотни лет она стоит совершенно закрытой, и богомольцы прикладываются к сделанному на ней изображению св[ятого] князя.

Декретом об отделении Церкви от государства возвещена свобода совести, и каждому гражданину предоставлено право верить или не верить. Поэтому кажется удивительным и непонятным, почему хотят тревожить великую святыню Петрограда <...>.

Встревоженные слухами верующие постоянно тревожно спрашивают меня: правда ли, что назначено вскрытие и изъятие св[ятых] мощей, и просят принять меры для предотвращения великого огорчения религиозного чувства.

Желая успокоить верующих и выяснить положение вопроса о вскрытии раки благоверного князя, обращаюсь к Вам, гражданин Зиновьев, как [к] стоящему во главе петроградского правительства, с просьбой от лица многих тысяч верующих,

в числе которых немало рабочих и крестьян, приведенной в начале резолюции не придавать значения и не приводить ее в исполнение и этим дать мне возможность успокоить многие тысячи взволнованных людей.

Доброжелательная церковная политика петроградского правительства дает мне уверенность надеяться, что настоящая просьба многих тысяч граждан будет услышана и исполнена, их религиозная свобода не будет ограничена и стеснена».

О своих взаимоотношениях с властями митрополит Вениамин писал 29–30 июня (12–13 июля) 1919 года Патриарху Тихону: «Про нашу петроградскую церковную жизнь могу сообщить следующее. С одной стороны, как будто хотят смягчить свои отношения к Церкви. Пригласили на совещание о том, как установить взаимные отношения священников. Но пригласили только из партии демократического духовенства: то есть Егорова, Боярского, Введенского, Попова и некоторых других по их указанию. Стараются образовать какую-то инициативную группу. Рассуждают об изменении церковного управления, делают всякие обещания духовенству, если оно вступит в число сочувствующих. Есть опасение, что может возникнуть церковный раскол. Состоящие на службе гражданской ставят вопрос ребром: духовенство должно сказать определенно и ясно – оно в числе сочувствующих или нет; проще – за власть или против. С батюшками, бывшими демократами, пока у меня отношения хорошие. Они являются ко мне и докладывают о ходе разговоров. Но из состоящих на службе есть некоторые неукротимые и невыдержанные.

С другой стороны: обыски в церквях, даже такие, что разламывают мраморные одежды и повреждают престолы в таких народных храмах, как у Варшавского вокзала. Производили обыск на вокзале, пришли в ночь на Петров день в церковь Воскресения, без священника в алтарь, разломали мраморные одеяния на престолах... В Петров день литургия не служилась. Пока до составления особой комиссией акта и моего личного осмотра престолов, чтобы установить чин их освящения, я благословил служить вне алтаря на солее и совершать литургию на переносном святом антиминос, а алтари оставить закрытыми. Тем более что в этой церкви на 14 июля назначено мною служение, при котором я могу и совершить освящение главного поруганного престола.

Мне и самому пришлось познакомиться с Чрезвычайной комиссией. На 13 (26) мая я съездил в Кронштадт. Приехал туда 12 (25). Отслужил всенощную в Николаевском соборе. 26 освятил левый престол. Вечером служил Пасхальную утреню в Андреевском соборе, на другой день литургию в Батюшкиной церкви. Службы прошли хорошо, с подъемом, и народу было много. Все шло благополучно. 27 по дороге на пароход я заехал в один дом к имениннику, старосте Богоявленского собора, отслужил краткий молебен. Пробыл три четверти часа. Являются представители Чрезвычайной комиссии и объявляют нас арестованными за неразрешенное собрание и требуют на допрос. Из кого же состояло это собрание: митрополит, местный причт: два священника и три диакона, два иподиакона, после молебна пришли еще два протоиерея, один мой спутник петроградский, а другой провожавший его кронштадтский, и хозяин. Отвезли нас в Чрезвычайку, не допрашивали, продержали часа два и нас, петроградцев, отпустили домой на последнем пароходе, духовенство кронштадтское выпустили на второй день, а хозяина на третий. С нами на пароходе и в поезде поехал агент в штатском, который заявил, что должен представить на Гороховую председателю Чрезвычайной комиссии. Поезд пришел в десять часов вечера по новому времени. Погода прекрасная. Он предлагал

вызвать автомобиль, но на это требовалось время, и мы пошли пешком. Я надел белый клобук. По пути подходили под благословение. Меня встретил студент-медик, который и сопутствовал. Прохожие едва ли догадывались, куда идет митрополит в сопровождении протоиерея, двух иподиаконов с узлом, в котором было малое облачение, шпика и студента. Когда я проходил мимо церкви Вознесения, где предполагал служить в праздник, то особенно усердно помолился, думая: приведет ли Господь служить, вспомнил, как я служил на праздник „Утоли моя печали“ под выстрелами, призвал на помощь Матерь Божию и Иоанна Воина и пошел дальше. На Гороховой пробыл всего около двух часов. <...>

Через некоторое время меня позвали в Трибунал. Допрашивал председатель и комиссар юстиции. <...>

Предъявлено обвинение: мне дано было разрешение на один день, я остался на второй и устроил незаконное собрание. На основании бывших при мне разрешений я доказал, что мне было дано разрешение не на один день, а на три и ни минуты не просрочил, а незаконное собрание состоялось в служении молебна и при участии таких-то лиц. Ввиду этого признали меня свободным. Явился в их заседание в белом клобуке и с посохом. Посох поставил в уголок. Поклонился им. Они предложили сесть у стола. Предлагали папирос, но я поблагодарил за любезность. Держали себя весьма корректно, были без шапок, не курили и в виде исключения выдали нам пропуска для прохождения по улице в ночное время. <...> Пока ходили за моими пропусками, оставленными в канцелярии, председатель между прочим спрашивал меня о моих отношениях к католическому митрополиту. Я ему ответил: с митрополитом лично я не знаком и ни в каких отношениях не состою. Как вы, говорит, смотрите на его арест? Возмущаетесь? Я ответил: жалею, как всякого заключенного. В церкви мы постоянно молимся о сущих в темницах. Ужели и за наших молитесь, с усмешкой говорит. Я отвечаю серьезно: конечно, и за ваших молимся, они, как и все заключенные, тоже страдают. Около часа мы вышли из Гороховой. <...> Нам, пастырям, надо все испытать, чтобы искушаемым помогать. В Вознесение на праздник в Вознесенскую церковь собралась масса народу, распространился слух об аресте митрополита. <...> После Евангелия в проповеди я и рассказал подробности моего ареста во избежание всяких перетолкований. Слушали с затаенным дыханием. Посещение Гороховой для меня полезно и в том отношении, что я познакомился с председателем Чрезвычайной комиссии, а он со мной и получил личное обо мне впечатление. <...>

Служу почти каждый день. В апреле и мае, по записи иподиакона, было шестьдесят три митрополичьи службы. Сейчас нужно ехать в Ивановский монастырь. Там с любовью будем вспоминать Ваше Святейшество».

Во все время своего служения, и в особенности во время гонений, когда у Церкви по декрету об отделении Церкви от государства были отняты почти все возможности для просвещения народа, митрополит Вениамин продолжал заботиться, чтобы народ не оставался без просвещения христианским учением. Преподавание Закона Божия было, например, им перенесено в помещения приходских советов, братств и на частные квартиры. 30 сентября 1918 года в Петрограде была закрыта духовная семинария, с 15 октября – все церковно-приходские школы в городе и его окрестностях. Однако в октябре 1918 года, пользуясь оговоренным в декрете позволением преподавать религию частным образом, митрополит Вениамин добился разрешения Комиссариата народного

просвещения на открытие Богословско-пастырского училища с двухлетним курсом обучения. Помещение для училища было выделено на территории Александро-Невской лавры, и в первый же год его работы туда было зачислено пятьдесят учащихся.

19 января (1 февраля) 1919 года по благословению митрополита было учреждено Александро-Невское братство, в которое входили в разные периоды его существования от семидесяти до ста человек; его возглавили иеромонахи Иннокентий (Тихонов), Гурий (Егоров) и Лев (Егоров)^а.

Летом 1919 года митрополитом Вениамином был утвержден проект Богословского института, перед которым была поставлена задача преподавания богословских наук в современных условиях, разработка богословских и церковно-практических вопросов и проведение их в жизнь, а также привлечение и объединение интеллигенции для служения Церкви. 17 декабря устав Богословского института был утвержден Высшим церковным управлением. Были избраны двенадцать наставников для первого курса института – шесть профессоров и шесть преподавателей, все кандидатуры которых были утверждены митрополитом Вениамином и вошли в состав Совета института. 23 января 1920 года под председательством митрополита состоялось первое заседание Совета, на котором ректором института был избран заместитель Александро-Невской лавры архимандрит Николай (Ярушевич). Но через неделю, 30 января, он отказался от должности ректора, и на его место был назначен протоиерей Николай Чуков.

Официальное открытие Петроградского богословского института состоялось 16 апреля 1920 года. Первым во время церемонии открытия выступил ректор, рассказавший о задачах института, среди других выступил единоверческий епископ Охтинский Симон (Шлеев), «указавший на теоретическую постановку прежнего семинарского образования, которой необходимо избегать», и в заключение – митрополит Вениамин, сказавший, что «ему хотелось бы видеть в институте не столько учебное заведение, сколько школу, похожую на школы древности – александрийскую, антиохийскую, куда обращались все за удовлетворением своих религиозных запросов и которые широко влияли и вне своих стен. Так же и здесь институт должен широко нести религиозное просвещение за свои стены».

28 января 1921 года на заседании Совета митрополит Вениамин за труды и заботы по восстановлению высшего духовного образования был избран почетным членом Петроградского богословского института.

21 февраля первым викарием Петроградской епархии был назначен епископ Ямбургский Алексей (Симанский), в обязанности которого вошло заведование богословскими курсами, устроенными стараниями митрополита Вениамина. Ознакомившись с работой курсов, епископ Алексей с восторгом писал о них митрополиту Новгородскому Арсению (Стадницкому): «...был на акте после окончания занятий Законом Божиим в церкви Экспедиции заготовления государственных] бум[аг]. Огромное дело там делается в этом отношении. Девятнадцать учащихся. Ежедневно девятьсот человек детей обучается в разных помещениях, по группам. Преподавание поставлено очень интересно. <...> Настроение создано особенно теплое и хорошее. <...> Радуюсь большому, несомненно, успеху их и тому размаху, который дан здесь этому делу. <...> Сейчас

^а Преподобномученик Лев (в миру Леонид Михайлович Егоров), архимандрит; память 7/20 сентября.

вернулся с заседаний в Богословском институте. Рассматривали ученые планы на предстоящий учебный год <...>. Там тоже наблюдается большая сплоченность, серьезное отношение к делу, полное отсутствие того, что прежде наблюдалось в семинарских и даже академических корпорациях – это дешевый либерализм и противодействие ради удовольствия. Нужно сказать, что митрополит Вениамин держит в своих руках все нити управления, и от него, с одной стороны, исходит инициатива различных начинаний, с другой – сильная поддержка тех, кто трудится на том или ином поприще. Он все знает, что у него делается, а также кто и как делает свое дело, и он умеет показать и свое одобрение, и свое неудовольствие. Он прекрасно учел и понял, в чем заключается при настоящих условиях и в таком городе, как Петроград, сила архипастыря – в возможно частом и тесном общении с народом, и он и себя лично, и своих викариев направляет к тому, чтобы все более и более расширять круг молитвенного общения с верующим народом».

16 июля 1921 года митрополита Вениамина вызвали в Петроградскую ЧК на допрос. Встретившийся с ним через несколько дней епископ Алексей, передавая свои впечатления от рассказа владыки об этом посещении, писал: «Митрополит Вениамин, не привыкший... к порядкам допросно-протоколно-следственным, сопровождаемым требованием разных подписок о невыезде и т.д., выглядит как-то растерянным, и, судя по его описанию разговора его с ЧК и ответов, он не мог произвести на них импонирующего впечатления. И теперь он как-то потерял равновесие и линию поведения и, по-моему, допустил большой промах, передав в своей проповеди <...> разговор свой в ЧК и обстоятельства его вызова туда».

23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей. Оценивая с религиозной точки зрения этот указ в своем послании, Патриарх Тихон 28 февраля писал: «С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таким жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но мы не можем одобрить изъятия из храмов наших, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство».

Начались для Русской Церкви и для митрополита Вениамина крестные дни. Остававшиеся полгода жизни стали для него страстной седмицей. 5 марта 1922 года митрополит Вениамин в соответствии с позицией Патриарха написал заявление в Петроградскую губернскую комиссию помощи голодающим, в котором обозначил условия сотрудничества Петроградской епархии с властью при передаче церковных ценностей: они должны были передаваться в том случае, если все другие средства помощи голодающим будут исчерпаны, должны быть даны гарантии, что ценности пойдут только на помощь голодающим, а также наличие на совершение всех этих действий разрешения высшей церковной власти в лице Патриарха Тихона.

«Призывая в настоящее время, по благословению Святейшего Патриарха, к жертвованиям церквями на голодающих, – писал он, – только ценных

предметов, не имеющих богослужебного характера, мы в то же время решительно отвергаем принудительное отображение церковных ценностей как акт кощунственно-святотатственный, за участие в котором, по канонам, мирянин подлежит отлучению от Церкви, а священнослужитель извержению из сана».

6 марта митрополит Вениамин был вызван властями в Смольный. Его сопровождал член правления Общества православных приходов Иван Михайлович Ковшаров. Состоялась беседа митрополита с заместителем председателя Петроградского губисполкома Г.Е. Евдокимовым и секретарем губисполкома С. Митрофановым, с членами Петроградской комиссии помощи голодающим Н.П. Комаровым и С.И. Канатчиковым. При беседе присутствовали также иподиакон митрополита и еще некто, который митрополиту не был представлен; предположительно, это был представитель ГПУ – по окончании переговоров он, ни с кем не прощаясь, молча покинул комнату. Во время переговоров в Смольный пришел священник Иоанн Заборовский, при своем появлении сделавший вид, что попал сюда совершенно случайно, для того лишь, чтобы взять благословение митрополита на чтение вечером вместе с протоиереем Александром Введенским в Государственной филармонии лекции, организованной Комиссией помгола 1-го городского района. Он был беспрепятственно пропущен охраной и стал свидетелем переговоров митрополита с представителями власти после того, как митрополит прочел свое заявление⁹. Отец Иоанн при этом оказался единственным представителем Церкви, который лично знал всех собравшихся в комнате советских чиновников.

Канатчиков, обращаясь к митрополиту Вениамину, сказал:

– У нас имеется декрет, этот декрет мы должны привести в исполнение, но мы не хотим, чтобы это происходило насильственно и вызвало нарекание на власть. Мы хотим, чтобы это произошло как можно спокойнее, благороднее, и Церковь приглашена сюда для того, чтобы здесь об этом договориться.

– Как же сопоставить ваши слова и действительность? – мягко возразил на это митрополит Вениамин, приводя пример кощунственного изъятия в одной из маленьких домовых церквей. – Пришли люди, начали брать церковные ценности. Взяли Евангелие, которое действительной ценности не представляло, сорвали с него серебряное украшение, вещь испортили, сделали непригодной, и пользы не получили, и все это имело характер неприглядный.

– Подобные действия нами осуждаются, – заявил Канатчиков, – мы их не допускаем, и нами сделаны распоряжения о том, чтобы ни в какую церковь никакая комиссия самостоятельно не являлась до тех пор, пока не будет на этот предмет издана общая инструкция.

– Вот вы ставите три пункта, – вступил в разговор Комаров, – что требуется доказать, что все средства на помощь голодающим исчерпаны, что других средств нет. Чем мы можем доказать это? Вот указывают нам на то, что в нашем помещении, где содержатся голодающие, будто бы неопрятность и нечистота. Но судите сами, как возможно иначе сделать. Например, Прудковские бараки, где мы содержим, кормим голодающих, сколько стоит содержание этих барачников? Шесть миллиардов в месяц... Можете дать нам эти деньги?

– Такими деньгами мы не можем располагать, – ответил митрополит, – это требует большой организации.

– Все средства исчерпаны, и если мы применяем такую меру, как изъятие церковных ценностей, то вынуждены это делать.

– Этими объяснениями я удовлетворен, – сказал митрополит. – Я понимаю

прекрасно: положение, безусловно, очень острое, очень тяжелое, и мы, конечно, должны прийти на помощь, никогда не отказываем помочь и хотим это сделать. Церковь не может отказывать в помощи в силу самой христианской любви, которую она проповедует и исповедует, об отказе не может быть и речи.

– Мы об отказе не говорим, – заметил Комаров, – мы говорим о форме помощи.

– Форма может быть разнообразной, – сказал митрополит, – и для нас, православных, было бы в высшей степени ценно, если бы Церкви была предоставлена возможность участвовать в этом деле в качестве самостоятельной единицы. Допустим, у вас несколько голодающих губерний, вы могли бы указать нам определенную губернию, например Самарскую, где бы мы помогали, или могли покупать хлеб и отправлять туда, где требуется помощь.

– Это все правильно и по существу возражать не приходится, – сказал Комаров, – но ведь помощь голодающим должна рассматриваться не только в том смысле, что надо кормить голодных, но нужно позаботиться и об обсеменении полей, поэтому технически предложения ваши для нас неприменимы, ваше участие как-то иначе должно быть проявлено.

– Если вы закупите где-нибудь хлеб, то мы можем заплатить по этим счетам.

– Можно, к этому препятствий нет, – сказал Комаров.

Разговор перешел к обсуждению технических подробностей сбора ценностей, и митрополит Вениамин стал рассказывать, что в древней христианской Церкви были примеры, когда Церковь отдавала церковные предметы на общественные нужды, но верующие сами их переливали, деформирование предметов происходило при участии верующих. «Хорошо бы и теперь это сделать», – сказал митрополит. Но на это он получил весьма определенный ответ Комарова, что это невозможно, предметы придется отправить в горнозаводскую область, где есть специальное оборудование, но деформирование церковных предметов они гарантируют при самом ближайшем участии представителей духовенства.

Поскольку одним из условий передачи ценностей митрополит ставил благословение Патриарха, он предложил самому поехать в Москву для получения благословения.

Комаров на это с раздражением заметил:

– Вы все говорите, что идете и пойдете навстречу, но слова ваши нас не устраивают, потому что это все слова, но нам это не нужно, нам нужны дела. Мы слышали обратное, что в некоторых церквях священники ведут агитацию против изъятия ценностей.

– Назовите мне фамилии, и я призову их к ответу, – возразил митрополит. – Я этого никогда не поощрял и поощрять не буду. Конечно, это может возникать от недоверия, но мысль о недоверии есть мысль по существу не христианская. Нас просят – и мы даем. Но нам желательно, чтобы при этом не оскорблялись религиозные чувства верующих людей. Мы хотим, чтобы это носило характер жертвы. Допустим, есть женщина, которая все продала, осталась одна икона – родительское благословение – это последнее ее достояние, и она принуждена ее продать, потому что у нее больше ничего нет. Она перед ней в последний раз помолится, последний раз ее облобызает и отдаст. Так сделаем и мы. Мы, все верующие, соберемся, пойдём в Казанский собор, помолимся вместе, потом я сам своими руками сниму ризу с иконы Божией Матери и отдам, но пусть это будет характер жертвы.

Слова митрополита и то, с каким душевным подъемом он их произнес, произвели самое гнетущее впечатление на представителей власти, не верить его искренности было невозможно, но как раз добровольной жертвы со стороны Церкви они и не могли допустить, и Комаров, сворачивая разговор, сказал:

– Мы не протестуем, нам желательно, чтобы к нам было большее доверие со стороны верующих.

По окончании переговоров протоиерей Иоанн Заборовский сообщил Комарову, что он собирается в этот день читать лекцию в филармонии и просит разрешения рассказать о состоявшемся совещании и его результатах. Комаров разрешил. На просьбу отца Иоанна прочитать на лекции и заявление митрополита Вениамина Комаров дал согласие и предложил дать текст заявления, но митрополит сказал, что у него есть копия, которую он передаст священнику¹⁰. Сразу же после этого представители власти стали прощаться.

Митрополит сказал, что нужно было бы назначить церковных представителей в Комиссию помощи голодающим, и хотел сразу же назвать несколько фамилий, но Комаров остановил его:

– Может быть, вы подумаете? – сказал он вопросительно, как бы намекая, что никаких переговоров в дальнейшем не будет и ни на какие уступки они не пойдут. Митрополит, всецело погруженный в мысли о жертвенном служении страждущим людям, вряд ли в тот момент мог заметить этот намек и воспринять ту кровавую интригу, которая плелась вокруг него и близких ему людей, имена которых он собирался назвать. Для представителей власти было ясно: никаких переговоров с Церковью быть не должно, а митрополит Вениамин уже определен жертвой.

Прощаясь, митрополит сказал:

– Вот представители придут в эту комиссию, вместе обсудят дело, а до решения этой комиссии мы никаких действий предпринимать не будем, тогда это будет поставлено на законную основу и пойдет как надо.

Представители власти проводили митрополита до дверей и любезно с ним попрощались. Уже на улице владыка вручил священнику Иоанну Заборовскому подписанную им копию заявления в Петроградскую комиссию помощи голодающим и велел передать протоиерею Александру Введенскому, что все обстоит хорошо и что переговоры привели к благоприятным результатам.

Вечер, посвященный вопросам помощи голодающим, где активными участниками стали протоиереи Иоанн Заборовский и Александр Введенский, проходил в том самом зале, где через три месяца будет проходить судебный процесс над митрополитом, которому будет поставлено в вину распространение заявления через прочтение его в этом зале.

Протоиерей Иоанн Заборовский прочел собравшейся тогда публике только что полученное им заявление митрополита и рассказал о переговорах митрополита с властями. Сразу же после этого к нему подошел человек, представившийся сотрудником газеты «Правда», и попросил дать ему текст заявления, чтобы сделать из него выписки для статьи. Поначалу отец Иоанн отказал, зная, что митрополит просил подписанную им копию заявления вернуть, но затем обратился к собравшимся с вопросом, давать или не давать сотруднику газеты «Правда» текст, и, получив ответ, что давать, отдал заявление, которое впоследствии возвращено уже не было.

10 марта представители митрополита Вениамина, назначенные им для переговоров с властями, Юрий Новицкий и Николай Егоров, были приглашены на

заседание Петроградской комиссии помощи голодающим, состоявшееся в финотделе в кабинете некоего Гуденкова, где присутствовали член Комиссии помощи голодающим Кондратьев и некий представитель Комиссии из Москвы. Представители митрополита согласились со всем, что предлагали власти, обсуждались лишь пункты: каким образом верующие будут контролировать движение уже переданных властям ценностей и как будет осуществляться дальнейшая их передача, чтобы избежать оскорбления религиозных чувств. У Егорова по окончании беседы сложилось впечатление, что они все же получили какие-то гарантии, что будут соблюдаться пункты, обговоренные митрополитом в Смольном; прощаясь, они заявили, что сами ничего не решают, их долг – доложить обо всем митрополиту. На это замечание участвовавший в переговорах представитель из Москвы закричал: «Какие там гарантии, мы, собственно, собрались не для выработки гарантий, а для того, чтобы исполнить декрет!» Егоров и Новицкий ответили, что декрет, конечно, исполнять нужно, но если митрополит идет навстречу власти, то и власти следовало бы пойти хотя бы на небольшие уступки.

В тот же вечер Новицкий и Егоров посетили митрополита Вениамина. Только они начали говорить, митрополит Вениамин прервал объяснения: «Я выхожу как будто обманщиком: я говорил в церквях, что предоставляется возможность широко жертвовать, призывал народ, а теперь выходит, что вы, мои представители, являетесь как бы участниками изъятия. Это какое-то недоразумение». И он повторил ту точку зрения, которую высказал при переговорах в Смольном: он добивается активного участия Церкви в помощи голодающим не для гарантий и контроля, а чтобы придать всей этой акции высокий моральный и религиозный характер, чтобы верующие пожертвовали не только то, что есть в храмах, но, может быть, кто-то бы снял ризу с собственной иконы, отдал бы и свои сбережения.

Детали переговоров митрополита Вениамина с властями со временем стали известны. Среди верующих стало возникать недовольство, распространялись слухи, что митрополит вошел в дружбу с большевиками, едва ли и не сам стал большевиком, что к нему под благословение и подходить нельзя. «Какой же это митрополит, – говорили некоторые, – если он заявил в Смольном, что готов своими руками снять ризу с Казанской иконы Божией Матери и отдать ее им?» Некоторые перестали подходить к митрополиту Вениамину за благословением.

В тот же день, 10 марта, уполномоченный по изъятию церковных ценностей в Петрограде Приворотский запросил телеграммой заместителя особоуполномоченного по учету и сосредоточению ценностей Базилевича, прося «сообщить, допущены ли представители верующих в центральный комитет [для] участия [в] работе и контроля реализации церковных ценностей».

В ответ на эту телеграмму Троцкий 15 марта рекомендовал Политбюро ЦК РКП(б) допустить «советскую» часть духовенства в органы Комиссии помощи голодающим, преследуя этим цель расколоть духовенство, так как если часть духовенства не только выскажется за изъятие, но и поможет изымать ценности из церквей, то тем самым она отрежет для себя возможность возврата к Патриарху Тихону; она же и поможет «устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто бы изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих».

11 марта митрополит Вениамин собрал у себя некоторых священников, были приглашены Новицкий и Егоров, участвовавшие в переговорах с властями, и

митрополит спросил собравшихся, считать ли переговоры закончившимися или попытаться разрешить неожиданно возникшие недоумения. Все высказались за то, что надо продолжить переговоры, того же хотел и сам митрополит.

13 марта состоялось заседание правления Общества православных приходов, где митрополит прочел письмо, написанное им 12 марта 1922 года¹¹. В нем он по-прежнему настаивал на активном участии Церкви в помощи голодающим и не благословлял своих представителей на иных основаниях сотрудничать с представителями власти, «так как работать они мною уполномочены только в Комиссии помощи голодающим, а не в Комиссии по изъятию церковных ценностей, участие в которой равносильно содействию отобранию церковного достояния, определяемому Церковью как акт святотатственный...

Если бы слово мое о предоставлении Церкви права самостоятельной помощи голодающим на изъясненных в сем основаниях услышано не было и представители власти, в нарушение канонов Святой Церкви, приступили бы без согласия ее архипастыря к изъятию ее ценностей, то я вынужден буду обратиться к верующему народу с указанием, что таковой акт мною осуждается как кощунственно-святотатственный, за участие в котором миряне, по канонам Церкви, подлежат отлучению от Церкви, а священнослужители – извержению из сана».

Письмо было собравшимися одобрено. Отстаивая чисто церковные принципы, митрополит Вениамин тем самым уже вступал на путь исповеднический. Встал вопрос, кто доставит письмо в Смольный. Новицкий и Егоров заявили, что могут отнести его, но только как курьеры, без ведения каких бы то ни было переговоров, хорошо понимая, что здесь кончалась история государственная и начиналась история церковная – святых мучеников и исповедников.

14 марта Новицкий и Егоров посетили Комиссию помощи голодающим. Ознакомившись с письмом митрополита, члены Комиссии выразили неудовольствие его содержанием, и представителям митрополита было с раздражением указано, что они только затягивают дело, на что Юрий Новицкий возразил, что он всего лишь исполняет поручение митрополита и не уполномочен вести переговоры. На этом все переговоры членов Комиссии с представителями митрополита были прекращены.

В Русской Православной Церкви в то время обновленчество уже не было идейным движением. Низменное чувство самосохранения и желание достичь материального благополучия оказались сильнее идеальных целей. Уже в первые годы прихода к власти большевики приступили к созданию в среде духовенства и православных мирян штата секретных осведомителей. Из них и предстояло теперь сформировать новое «церковное движение», направляемое ГПУ на всех этапах его деятельности.

14 марта начальник Секретного отдела ГПУ Самсонов разослал начальникам губернских отделов ГПУ распоряжение, чтобы те прислали в Москву к 20 марта проваленных и непригодных к дальнейшей работе церковников-осведомителей для агитационной работы, в том числе из Петрограда священников Введенского и Заборовского^а.

^а В оригинале документа допущена опечатка и написано: «Зборовский». Но в Петрограде не было священника Зборовского, а из двух братьев-священников Заборовских именно Иван поддерживал

На следующий день, 15 марта, советская пресса под видом информационных сообщений развязала клеветническую кампанию против Русской Православной Церкви и, в частности, против митрополита Вениамина, публикуя как факты то, что не имело места в действительности. Так началась подготовка к судебному процессу против митрополита и петроградского духовенства.

«15 марта с самого утра около Казанского собора было значительное скопление публики, которая, разбившись на отдельные группы, возбужденно делилась мнениями об ожидаемом якобы прибытии вооруженных отрядов для изъятия церковных ценностей. Настроение толпы поддерживали ораторы подозрительного типа».

«Петроградский митрополит Вениамин обратился к правительству с протестом против изъятия церковных ценностей для оказания помощи голодающим. В случае осуществления декрета об изъятии ценностей митрополит угрожает исполнителям отлучением от Церкви...»

Исходя из подобного рода сообщений, уполномоченный по изъятию церковных ценностей в Петрограде Приворотский просил Троцкого разрешить применять при изъятии вооруженную силу.

От телеграфного агентства между тем продолжали приходиться сообщения пропагандистского характера, в которых правда была перемешана с вымыслом, с явными преувеличениями о фактах сопротивления изъятию церковных ценностей. 16 марта сообщалось, что в этот день «утром несколько представителей Комиссии по изъятию церковных ценностей пришли к церкви Спаса на Сенной площади. Проникнуть в храм членам Комиссии препятствовала враждебно настроенная толпа, грозившая насилием. Открыто велась черносотенная пропаганда. Для рассеяния громадной толпы пришлось прибегнуть к помощи конных отрядов».

19 марта Ленин продиктовал для членов Политбюро директивное письмо, в котором исчерпывающе отразилось его отношение к Церкви. В нем он дал подробный план – каким образом следует воспользоваться голодом для начала беспощадной борьбы с Православной Церковью. Ленин писал: «Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. <...>

Для нас <...> данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно <...> горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства. <...>

обновленчество. Введенский действительно стал одним из лидеров обновленчества, а Заборовский считал для себя более выгодным быть в тени, оставаясь секретным осведомителем.

Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

<...> В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК <...>, причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро <...>. На основании этого доклада Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров. <...>

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста[на]вливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...»

20 марта Комиссия по учету и сосредоточению ценностей, в заседании которой участвовали Троцкий, Базилевич, Уншлихт, Калинин, Красиков, Галкин и другие, распорядилась отослать шифрованную телеграмму в Петроград секретарю губкома Приворотскому и в копии Зиновьеву с вопросами: «Какие меры предприняты в отношении тех элементов, которые явились фактическими организаторами отпора комиссиям по изъятию в нескольких церквях?.. Произведение изъятия ценностей в Петрограде требует особенной тщательности и энергии, так как исход дела в Петрограде будет иметь большое значение для провинции. Необходима мобилизация значительного количества сил... В частности, какие меры приняты для установления наиболее виновных в сопротивлении лиц и для их изъятия и предания Трибуналу?..»

Эти распоряжения Ленина и Политбюро бесповоротно обрекли митрополита Вениамина на смерть.

Одновременно стали активно проводиться мероприятия по осуществлению плана Троцкого и ГПУ по расколу Российской Церкви. 22 марта 1922 года двенадцать священнослужителей, среди которых были вожди обновленчества Александр Введенский, Александр Боярский и Владимир Красницкий, подписали декларацию, обвинявшую часть духовенства и мирян в злонамеренном сопротивлении передаче церковных ценностей государству, автором текста которой был протоиерей Александр Введенский¹².

После ее опубликования митрополит Вениамин вызвал к себе для

объяснений протоиереев Александра Боярского и Александра Введенского. При беседе присутствовал епископ Кронштадтский, викарий Петроградской епархии Венедикт (Плотников). Митрополит спросил священников, каковы были мотивы подобного выступления. Протоиерей Александр Боярский ответил, что отдавать церковные ценности – это христианский долг, между тем как в настоящее время Церковь и власть встали друг против друга, как враги; такое положение далее не может продолжаться, надо вступать в переговоры со Смольным. Митрополит Вениамин отечески заметил протоиерею Александру Введенскому: «Почему Вы поступили самостоятельно, не сказав мне? Помните, как мы вместе работали, как проповедовали, как испытывали удовлетворение от церковной деятельности. И вот отчего бы Вам не работать в согласии со мною, а Вы выступили на страницах газеты против меня?» И митрополит предложил священникам стать посредниками в его переговорах со Смольным.

31 марта по благословию митрополита Юрий Новицкий посетил протоиерея Александра Введенского как близко знакомого с мнениями и настроениями представителей советской власти, с просьбой содействовать тому, чтобы состоялось соглашение между митрополитом и советской властью, дабы избежать эксцессов при изъятии ценностей. Протоиерей Александр согласился. Новицкий и Егоров на следующий день поставили об этом в известность митрополита, который, выслушав их, сказал: «Я, собственно, никогда не отстаивал свои условия как непреложные, обратитесь к Введенскому, если он возьмется за посредничество, то я с удовольствием этим воспользуюсь».

3 апреля протоиерей Александр Введенский получил от митрополита полномочия на ведение переговоров вместе с протоиереем Александром Боярским и Егоровым. 4 апреля Егоровым и протоиереем Введенским был написан текст, приемлемый, как они считали, и для правительства, и для церковной стороны, и митрополит Вениамин благословил протоиереям Боярскому и Введенскому «отстаивать указанные положения». На вопрос о границах, до которых следовало доходить в их отстаивании, митрополит ответил, что не считает условия неизменяемыми. 5 апреля представители Комиссии помощи голодающим Кондратьев и Бакаев в присутствии протоиереев Боярского и Введенского выразили свое согласие с их предложениями¹³.

10 апреля митрополит Вениамин созвал настоятелей церквей; он начал свое выступление с порицания форм деятельности части духовенства, и в особенности протоиереев Введенского и Боярского, обвинив их в сепаратизме. Затем он попросил их самих объяснить свою позицию. Протоиереи Боярский и Введенский стали давать объяснения, причем их речь часто прерывалась критическими замечаниями собравшихся. Митрополит со своей стороны предложил продолжить переговоры со Смольным, духовенство его поддержало.

В соответствии с этим решением в тот же день, 10 апреля, митрополит Вениамин выпустил обращение к пастве, в котором уже почти не ставил властям условий при изъятии ценностей. «Не осталась Церковь глуха и к переживаемому ныне страшному народному бедствию, – писал он. – Храмы наши и церковные люди оглашались неоднократно призывами жертвовать на голодающих деньгами, продуктами и церковными ценностями: украшениями с икон, лампадами, подсвечниками и т.п.

Но добровольные пожертвования Церкви и церковных людей признаются недостаточными. Все церковные ценности изымаются распоряжением гражданской власти на голодающих.

Я своей архипастырской властью разрешаю общинам и верующим жертвовать на нужды голодающих и другие церковные ценности, даже и ризы со святых икон, но не касаясь святынь храма, к числу которых относятся: святые престолы и что на них (священные сосуды, дарохранильницы, кресты, Евангелия, вместилища святых мощей и особо чтимые иконы). <...>

Но если гражданская власть, ввиду огромных размеров народного бедствия, сочтет необходимым приступить к изъятию и прочим церковных ценностей, в том числе и святынь, я и тогда убедительно призываю пастырей и паству отнестись по-христиански к происходящему в наших храмах изъятию <...>.

Со стороны верующих совершенно недопустимо проявление насилия в той или другой форме. Ни в храме, ни около него неуместны резкие выражения, раздражения, злобные выкрики против отдельных лиц или национальностей и т.п., так как все это оскорбляет святость храма и порочит церковных людей, от которых, по апостолу, должны быть удалены „всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою“ (Ефес. 4, 31).

При изъятии церковных ценностей, как и во всяком церковном деле, не может иметь места проявление каких-либо политических тенденций. Церковь, по существу своему, – вне политики и должна быть чуждой ей. „Царство Мое не от мира сего“, заявил Спаситель Пилату. Этим курсом, вне политики, я вел корабль Петроградской Церкви и веду, и идти им настойчиво приглашаю всех пастырей. Всякого рода политические волнения, могущие возникнуть около храма по поводу изъятия ценностей, как было, например, около храма на Сенной, никакого отношения к Церкви не имеют, тем более к духовенству. Для непрерывности совершения богослужения, согласно обнародованному постановлению гражданской власти, будут обязательно оставлены в каждом храме по количеству престолов комплекты священных сосудов, дарохранильницы, по большому и малому Евангелию и кресту, вместилище святых мощей, всенародно чтимые и местные приходские святыни остаются неприкосновенными с их украшениями при внесении соответствующего выкупа. Желая сохранить возможно больше благолепия в наших храмах, соберем, что возможно, в наших домах драгоценностей и пожертвуем их для сохранения церковного благолепия.

Не сможем мы всего выкупить – лишатся наши храмы некоторых своих драгоценностей, скорбеть безутешно не будем. Скажем по слову Божию: „Господь раньше дал, Господь теперь взял украшение наших храмов, да будет имя Господне благословенно“ [ср.: Иов, 1, 21]. Проводим изымаемые из наших храмов церковные ценности с молитвенным пожеланием, чтобы они достигли своего назначения и помогли голодающим. Для этого используем, насколько возможно, предоставляемое верующим право по наблюдению за поступлением изымаемых церковных ценностей по назначению и сопровождению предметов довольствия голодающим.

Всегда любовно внимательные к голосу вашего архипастыря, и на этот раз послушайте его, дорогие мои. Сохраните доброе христианское настроение в переживаемом нами тяжелом испытании. Не давайте никакого повода к тому, чтобы капля какая-нибудь, чьей бы то ни было человеческой крови была пролита около храма, где приносится Бескровная Жертва.

Перестаньте волноваться. Успокойтесь. Предадите себя в волю Божию. Спокойно, мирно, прощая всем вся, радостно встретите Светлое Христово Воскресение. Тогда скорбь ваша в радость претворится, и никто никогда не отымет этой радости от вас (ср.: Ин. 16, 20–22)».

Обращение митрополита Вениамина было опубликовано 14 апреля в газете «Петроградская правда».

Все это время, руководствуясь указаниями Ленина и Политбюро, ГПУ вело подготовку к публичному судебному процессу. В ночь с 28 на 29 апреля была арестована группа священнослужителей и мирян, и среди них архимандрит Сергей (Шеин), председатель Общества православных приходов Петроградской епархии Юрий Петрович Новицкий и юрисконсульт Александро-Невской лавры Иван Михайлович Ковшаров. 30 мая Юрий Новицкий был допрошен и на допросе, в частности, заявил, что «на Сенной площади никакой комиссии не было, и события произошли провокационные; правлению также из разговоров некоторых лиц стало известно о беспорядках и в других церквях, как-то в Казанском соборе, о котором сообщил протоиерей Чуков, и добавил, что ими были приняты меры и никаких эксцессов допущено не было». Завершая показания, Юрий Новицкий сказал: «Я был лично у протоиерея Александра Введенского, которого просил, чтобы он принял меры к тому, чтобы состоялось соглашение с властью в день изъятия ценностей, и чтобы не было никаких эксцессов в этом деле. Введенский обещал свое содействие, и в результате было опубликовано обращение Петроградского митрополита.

Одновременно, руководствуясь советами Троцкого, ГПУ предприняло дальнейшие шаги по организации церковного раскола, смещению Патриарха Тихона и захвату власти в Церкви агентами ГПУ.

5 мая Патриарх Тихон дал показания в суде по делу арестованных в Москве священников и мирян, обвиняемых в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В тот же день он был вызван к 7 часам вечера на допрос в ГПУ на Лубянку.

7 мая Московский ревтрибунал объявил приговор обвиняемым, из которых одиннадцать были приговорены к расстрелу, и 9 мая Патриарх был вызван на допрос в ГПУ, где ему было объявлено, что он привлекается к судебной ответственности. В тот же день из Петрограда в Москву прибыли протоиерей Александр Введенский, священник Евгений Белков и псаломщик Василий Стадник. 12 мая в двенадцатом часу ночи, когда Патриарх был уже в постели, священники Введенский, Красницкий, Белков, Калиновский и псаломщик Стадник в сопровождении двух сотрудников ГПУ вошли в кабинет Патриарха. Вышедший к ним Патриарх благословил священников и псаломщика и, пригласив их сесть, спросил, что им нужно. Они заявили, что под «водительством Патриарха Тихона Церковь переживает состояние полной анархии, что всей своей контрреволюционной политикой и, в частности, борьбой против изъятия ценностей она подорвала свой авторитет и всякое влияние на широкие массы», и потребовали «от Патриарха немедленного созыва для устройства Церкви Поместного Собора и полного отстранения Патриарха до соборного решения от управления Церковью».

После этой беседы Патриарх передал им заявление на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина. «Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным, для блага Церкви, поставить временно, до созыва Собора, во главе церковного управления или Ярославского митрополита Агафангела^а, или Петроградского митрополита Вениамина», – написал он.

^а Священноисповедник Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский), митрополит Ярославский; память 3/16 октября, 30 октября / 12 ноября.

15 мая обновленцы были приняты М.И. Калининым, который сказал, что заявление Патриарха о его самоустранении он принимает к сведению, а выбор кандидата – это внутреннее дело Церкви.

16 мая обновленцы снова пришли к Патриарху, и тот был вынужден сам сделать выбор кандидата в заместители, после чего написал письмо митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) с извещением, что ставит его во главе церковного управления до созыва Собора. 17 мая протоиерей Владимир Красницкий выехал вместе с этим письмом в Ярославль для переговоров с митрополитом Агафангелом. Но уговорить митрополита Агафангела подчинить Церковь новосозданной группе не удалось, и митрополит был заключен под домашний арест и привлечен к уголовной ответственности.

Все это время не прекращалось сопровождавшееся варварским уничтожением общенациональных ценностей изъятие церковных святынь. Уже после публикации последнего послания митрополита Вениамина и получения настоятелем Казанского собора протоиереем Николаем Чуковым 15 мая телеграммы М.И. Калинина – «снятие церковных врат Казанского собора задержать» – бывший председатель Петроградской ЧК, а в то время член Комиссии по изъятию церковных ценностей Бакаев самолично явился изымать ценности в Казанский собор.

«Первый раз видел его, – писал протоиерей Николай Чуков в дневнике. – Глаза бегают, хитрые, подозрительные; странная привычка хихикать; властные тона; полная несговорчивость – ни на какие уступки и резко непримиримое отношение ко всему, что касается какого-нибудь послабления в пользу Церкви. При осмотре предметов и икон все зарегистрированное непрерывно требовал передавать в Эрмитаж. Никакие просьбы не действовали. Ввиду того, что он велел отправить в Эрмитаж многое из выкупленного уже <...>, я пытался выкупить боковые царские врата – не согласился ни за что!»

18 мая священники Александр Введенский, Евгений Белков и Сергей Калиновский, встретившись с Патриархом, предъявили ему новые требования. Сославшись на то, что Церковь ввиду устранения Предстоятеля от церковного управления остается без управления, они писали: «Мы, нижеподписавшиеся, испросили разрешение государственной власти на открытие и функционирование канцелярии Вашего Святейшества.

Настоящим мы сыновне испрашиваем благословение Вашего Святейшества на это, дабы не продолжалась пагубная остановка в делах по управлению Церковью. По приезде Вашего заместителя он тотчас же вступит в исполнение своих обязанностей.

К работе в канцелярии мы привлечем временно до окончательного формирования управления под главенством Вашего заместителя находящихся на свободе в Москве святителей».

Патриарх на этом прошении написал резолюцию, поручая нижепоименованным лицам принять и передать синодские дела высокопреосвященному Агафангелу при участии секретаря Нумерова, а по Московской епархии – преосвященному Иннокентию, епископу Клинскому, а до его прибытия – преосвященному Леониду, епископу Верненскому, при участии столоначальника Невского.

В тот же день начальник следственной части Трибунала Петроградского военного округа распорядился начать следствие по делу о противодействии изъятию церковных ценностей, что свидетельствует о синхронности всех

действий по реализации имевшегося у ГПУ плана. Тогда же, 18 мая, митрополит Вениамин был вызван на допрос в Петроградский губернский ревтрибунал, где ему было показано его заявление от 5 марта 1922 года, поданное им в Петроградскую губернскую комиссию помощи голодающим, и предъявлено обвинение в его распространении. Дав некоторые пояснения об обстоятельствах появления заявления, митрополит Вениамин сказал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении в выпуске и распространении ответа Петроградскому помголу как агитационного средства для противодействия изъятию церковных ценностей – не признаю».

На следующий день митрополит Вениамин подал в Ревтрибунал заявление, поясняющее его позицию относительно помощи голодающим.

«Виновным себя в агитации против изъятия церковных ценностей чрез распространение [заявления], поданного мною 6 марта в Петроградскую губернскую комиссию помощи голодающим, не признаю <...>, – писал он. – В получении разрешения высшей церковной власти я был уверен и исходатайствование его брал на себя. При выполнении заявленных мною условий обещал принять личное участие в передаче священных церковных ценностей и призвать к живому участию верующих. Самой передаче я хотел придать молитвенный священный характер, чтобы вызвать религиозный подъем в деле помощи голодающим, расположить верующих жертвовать на голодающих не только церковные ценности, но помогать этому делу собственными своими пожертвованиями.

В деле помощи голодающим нет нужды прибегать к принудительному изъятию. Принудительное же изъятие священных церковных ценностей я признавал актом кощунственно-святотатственным, принимать участие в котором верующие не могут, и к этому участию призывать их я не могу^а.

Если проводящие это изъятие придут в храм и будут просить священные сосуды или другие святыни, к которым неосвященные не могут прикасаться, священник и верующие не могут их передавать, пришедшие должны будут брать сами. <...>

Случайно присутствовавший на заседании протоиерей Иоанн Заборовский получил разрешение сообщить об этом заседании на устрояемой в этот день лекции в пользу голодающих в зале филармонии. Здесь в присутствии многотысячного собрания было прочитано мое заявление. Вечером 6 марта я прочитал его в заседании правления Общества православных приходов Петрограда и епархии.

Слух о сделанном мною заявлении распространился, им заинтересовались, и оно стало появляться в разных местах. Официальных распоряжений о распространении его мною не делалось. Но оно мною и не скрывалось, так как и без того широко было оглашено».

^а Формулировкой своей позиции в объяснении митрополит Вениамин подписывал себе смертный приговор. И прежде всего потому, что в жертве церковными ценностями на нужды голодающих он признавал только церковную составляющую, предполагая, что добровольные пожертвования вызовут религиозный подъем, классифицируя действия властей в случае насильственного изъятия как кощунственно-святотатственные. По примеру святых апостолов и мучеников митрополит Вениамин поступал в меру своей веры, не соображаясь с тем, как смотрит на это мир и к какому результату для него лично приведут его действия. Устраивая многотысячные крестные ходы в Петрограде, захваченном враждебными Церкви людьми, он не заботился о том, как те смотрят на это, для него было важно, чтобы были безупречны его собственные действия с позиции религиозной.

19 мая Патриарх был перевезен из Троицкого подворья в Донской монастырь и заключен под домашний арест, а Троицкое подворье в тот же день заняли обновленцы. Первую часть операции против Церкви, задуманной Лениным и Троцким и направленной на разрушение церковного управления, власти могли считать почти завершённой.

24 мая следователь допросил Ивана Михайловича Ковшарова, в прошлом присяжного поверенного, а в то время чиновника отдела народного образования. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «В агитации против изъятия церковных ценностей виновным себя не признаю, тем более что в Александроневской лавре, представителем которой я состою, изъятие прошло вполне благополучно, и я за это получил благодарность. Членом правления Общества православных приходов я состою с 1 января 1922 года. Правление – учреждение чисто академическое и занимается главным образом контролем церковной дисциплины. <...> 6 марта митрополит ездил в Смольный, причем пригласил с собой и меня. Там он вручил свое письмо товарищу Комарову и беседовал с ним. Как я понял, товарищ Комаров высказывал свое личное мнение, что Церкви будет предоставлена возможность активно участвовать в помощи голодающим. Вообще все посещение произвело самое благоприятное впечатление... »

В тот же день, 24 мая, ВЦУ командировало протоиерея Александра Введенского в Петроград, вручив ему за подписью епископа Верненского Леонида (Скобеева)^а удостоверение в том, что он, «согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона, является полномочным членом ВЦУ и командирован по церковным делам в Петроград и другие местности Российской Республики».

Прибыв на следующий день в Петроград и заявив, что митрополит Вениамин будет отстранен от управления епархией и сослан в Олонецкую губернию, протоиерей Александр начал переговоры с викарием митрополита епископом Алексием (Симанским). Епископу Алексию он сообщил, что ему и единомышленникам представителями правительства «было разъяснено, что с Церковью как организацией решено покончить... все теперь лишённые возможности действовать иерархи считаются людьми поконченными, и на возвращение их к активной деятельности нет никакой надежды.

Как на последнюю меру... указано... на возможность организовать Центральное церковное управление из лиц политически чистых в глазах правительства... это... будет последняя ставка, последнее доверие правительства к Церкви, которая в лице этого Высшего церковного управления берет на себя ответственность за то, что около Церкви не будут группироваться контрреволюционные элементы...

Относительно же митрополита Вениамина было сказано, что о нем речи быть не может... он... уже почитается конченным человеком, что суд предстоящий в ближайшее время и должен оформить...» Протоиерей Александр сообщил епископу Алексию, что сам он после приезда из Москвы не видел митрополита, но считает все переговоры с ним бесполезными, ибо как управляющий епархией тот доживает последние дни. Выслушав Введенского, епископ Алексей убедил его все же посетить митрополита.

^а Епископ Леонид (в миру Евгений Дмитриевич Скобеев; 1851–1932); подписал постановление обновленческого Собора о лишении сана и монашества Патриарха Тихона, впоследствии обновленческий митрополит, почетный член обновленческого Синода.

В тот же день следственная часть Петроградского губревтрибунала потребовала от митрополита Вениамина, чтобы он «в самом срочном порядке» выслал в Ревтрибунал воззвания Патриарха Тихона и все его распоряжения, касающиеся вопроса изъятия церковных ценностей, обращение митрополита в Петроградский помгол и Исполком, обращение к пастве от 6 апреля и инструкции благочинным по вопросу об изъятии церковных ценностей, а также распорядился «командировать 26-го на допрос к 11 часам дня священника Стефановича и того же числа к 2 часам дня благочинного... Клементьева... Кононова... Платонова». Так началось юридическое оформление грядущего судебного процесса.

26 мая протоиерей Александр Введенский посетил митрополита Вениамина. Митрополит во весь этот период был совершенно спокоен, каждый день он служил или в Крестовой церкви, или в одном из храмов города; он сразу же его принял. В конце беседы отец Александр показал свой мандат.

– А почему здесь нет подписи Святейшего Патриарха? – спросил митрополит.

– Но зато ВЦУ есть, а патриаршая резолюция дана черными чернилами на белой бумаге, – нагло ответил Введенский.

После этих слов митрополит поднялся, молча благословил священника и попрощался.

Будучи строгим исполнителем церковной дисциплины, митрополит не допускал саму возможность того, чтобы подчиненный ему клирик мог отправиться без его ведома к Патриарху и привезти от него документ, не согласованный предварительно с ним как с правящим архиереем и его непосредственным каноническим начальником – неважно, будет ли это награда, полученная от Патриарха помимо митрополита, – в этом случае он вряд ли благословил его пользоваться, или это будет письмо, которое привезет его клирик от некоего ВЦУ, учреждения, не имеющего никаких признаков законности, – в этом случае неминуемо последовало бы запрещение в священнослужении.

Через день, в воскресенье 28 мая, митрополит Вениамин служил в Никольском морском соборе. С ним служили его викарии – епископы Алексей (Симанский) и Венедикт (Плотников). После чтения Евангелия митрополит сказал краткое слово о церковном единстве, а затем зачитал свое послание к петроградской пастве, в котором объявлялось о запрещении в священнослужении трех петроградских священников – Александра Введенского, Владимира Красницкого и Евгения Белкова¹⁴.

Послание было передано в храмы, где служили эти священники. Протоиерею Александру Введенскому послание было вручено в то время, когда он служил литургию. Служившие вместе с ним священники, прослушав послание, разоблачились и во время причастного стиха покинули храм. Протоиерей Александр «вышел с чашей к народу и, сообщив о полученном от митрополита отлучении, сказал, что кто смущается этим, пусть не подходит к Святой Чаше, а кто не смущается, пусть приобщается. Толпа отхлынула, и причастились только четыре человека».

В тот же день отец Александр направил митрополиту письмо, в котором обвинил его в клевете. «На меня клеветают, что я продался большевикам, устраиваю советскую церковь и т.п., – писал он. – Теперь Вы своей бумагой клеветаете на меня, будто бы я церковный ослушник. И это за то, что я подчиняюсь воле патриаршей, принимаю участие в делах Высшего церковного управления. На основании всего этого я считаю Вашу бумагу незаконной от

начала до конца, Ваше отлучение меня, пребывающего в единстве со Святейшим Патриархом и работающего по его поручению, – не имеющим, конечно, никакой силы, а Ваши действия – подлежащими духовному следствию...»

29 мая митрополит Вениамин молился на Никольском кладбище, когда келейник сообщил ему, что в его канцелярии начался обыск. Митрополит перекрестился и направился в канцелярию, где сотрудники ГПУ уже рылись в его бумагах. Здесь он встретил председателя Комиссии по изъятию церковных ценностей Бакаева и протоиерея Александра Введенского, который, увидев митрополита, подошел к нему взять благословение, но митрополит жестом остановил его и сказал: «Отец Александр, мы же с Вами не в Гефсиманском саду». Бакаев потребовал от митрополита, чтобы тот отменил постановление о запрете священников в священнослужении, в противном случае против него и других лиц будет возбуждено уголовное дело и начнется судебный процесс, в результате которого погибнет и он, и близкие к нему люди. Митрополит ответил на это категоричным отказом. Тогда ему было объявлено, что с этого часа он находится под домашним арестом.

На следующий день, 30 мая, в газете «Петроградская правда» были опубликованы послание митрополита Вениамина о запрещении в священнослужении трех петроградских священников и ответное письмо протоиерея Александра Введенского. Заглавными буквами в газете был напечатан комментарий, звучавший как не подлежащий обжалованию приговор: «Вениамин Петроградский раскладывает костер гражданской войны в стране, самозванно выступая против более близкой к народным низам части духовенства. Карающая рука пролетарского правосудия укажет ему его настоящее место!»

31 мая начальник VI отделения СО ГПУ Е.А. Тучков подписал официальное распоряжение о заключении Патриарха Тихона под домашний арест. 1 июня начальник Особого отдела и член Коллегии ГПУ Менжинский и начальник Секретного отдела секретнооперативного управления ГПУ Самсонов направили в Петроград в губернский отдел ГПУ телеграмму: «Митрополита Вениамина арестовать и привлечь к суду, подобрав на него обвинительный материал... арестовать его ближайших помощников-реакционеров и сотрудников канцелярии, производя в последней тщательный обыск... Вениамин Высшим церковным управлением отрешается от сана и должности... О результатах операции немедленно сообщите».

Вечером 1 июня митрополит Вениамин был арестован и заключен в тюрьму на Шпалерной улице.

Во временное управление епархией вступил его первый викарий, епископ Ямбургский Алексей (Симанский), который в самый день ареста митрополита выпустил обращение к петроградской пастве, объявив, что постановление митрополита Вениамина о протоиерее Введенском и других священниках потеряло силу и их общение с Православной Церковью восстановлено¹⁵.

На следующий день епископ Алексей писал митрополиту Арсению (Стадницкому), выражая в письме надежду благородную, но, как вскоре выяснилось, несостоятельную: «Чрезвычайное решение по снятии отлучения с протоиерея Введенского явилось неизбежным. Быть может, этим охранится безопасность тех многочисленных несчастных, которые стоят у раскрытых могил...»

3 июня послание епископа Алексея было опубликовано в «Петроградской

правде», и епископ направил в Революционный трибунал письмо с просьбой разрешить представителям петроградского духовенства – священникам Ивановскому, Платонову и Чепурину – посетить в тюрьме митрополита Вениамина, чтобы склонить его к тому, чтобы он лично подтвердил, что запрещение в священнослужении со священников действительно снято. Трибунал отказал ему в этом, так как «свидание <...>, – по мнению Трибунала, – является церковно-политическим актом и Трибунал не может оказывать предпочтение никому из участвующих в деле лиц».

Протоиерей Александр Введенский со своей стороны направил в Ревтрибунал заявление. «Прошу предоставить мне возможность выступить на процессе церковников с защитительной речью, – писал он. – Я собираюсь вскрыть и подчеркнуть все язвы церковности, все заигрывание Церкви с контрреволюцией, но вместе с этим просить пощады этим личностям как таковым». На праздник Троицы, 4 июня, протоиерей Александр Введенский выступил вечером перед огромной аудиторией в бывшем Таврическом дворце.

Поначалу Революционный трибунал привлек к делу двести одного человека, но затем число участников судебного процесса было сокращено; 2 июня сто четырнадцать человек были освобождены.

Судебный процесс над митрополитом Вениамином и другими обвиняемыми готовился самым спешным порядком; полностью отсутствовал этап предварительного следствия, все проводилось по схеме, придуманной в ГПУ, в которой главное место занимало распространение митрополитом своего послания. Петроградский процесс шел сразу же вслед за Шуйским и Московским. Идущие один за другим и кончавшиеся расстрелами невинных процессы, терроризируя население, имели огромное психологическое значение, почти достигая ленинских целей – подавления на многие годы самой мысли о сопротивлении.

Судебный процесс начался 10 июня в расположенном в центре города здании филармонии; к ответственности были привлечены восемьдесят шесть человек. Вход в зал был по билетам, которые выдавались Революционным трибуналом, и тем самым верующие по большей части не были допущены на суд и толпились у здания.

Винником ареста митрополита Вениамина, по мнению большинства современников, был протоиерей Александр Введенский, и когда он как свидетель намеревался пройти в зал суда, некая женщина бросила в него камень, попав в голову. Введенский сразу же был отвезен домой и впоследствии не принимал участия ни в одном из заседаний.

Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей (Шеин), Юрий Новицкий, Иван Ковшаров и другие обвинялись в «использовании легальной церковной организации (Общества приходских советов) в контрреволюционных целях, агитации против изъятия церковных ценностей, противодействи и сопротивлению изъятию ценностей...».

Преподобномученик Сергей родился 30 декабря 1870 года в деревне Шейно Новосильского уезда Тульской губернии в семье коллежского секретаря Павла Васильевича Шеина и его супруги Натальи Акимовны и в крещении был наречен Василием. Рано овдовев, Наталья Акимовна осталась с десятью малолетними детьми. По приходе Василия в возраст встал вопрос о его образовании, на что у матери не было средств. Добрые люди оказали ей помощь:

титулярный советник Дмитрий Илариевич Пестрожецкий дал поручительство, что будет платить за все время обучения Василия, и тот под его поручительство поступил в Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. Но благотворитель не располагал средствами, достаточными для оплаты всего срока обучения, и когда до окончания училища оставалось два года, Наталья Акимовна подала прошение на имя императора с просьбой зачислить сына стипендиатом Его Императорского Величества. Первоначальная помощь частного благотворителя и затем государства в лице императора не оказалась напрасной – Василий не остался должником своих благотворителей, а через них и Отечества.

10 мая 1893 года Василий окончил училище правоведения с золотой медалью и занесением его имени на мраморную доску, с присвоением чина титулярного советника. 26 мая он был определен на службу в Министерство юстиции и откомандирован в канцелярию Межевого департамента Правительствующего Сената, 1 апреля 1894 года – переведен в канцелярию 3-го Департамента Правительствующего Сената. 1 ноября 1895 года Василий Павлович был командирован в юрисконсультскую часть центрального управления Министерства юстиции для работы в учрежденной при Министерстве Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. 14 мая 1896 года – произведен в коллежские асессоры и в том же году приглашен читать лекции по гражданскому праву в училище правоведения в связи с плохим состоянием здоровья профессора С.В. Пахмана, а позже по его представлению был назначен в училище на должность преподавателя гражданского права. 19 марта 1897 года Василий Павлович был командирован на четыре месяца за границу для слушания лекций в германских университетах. 3 февраля 1898 года он был командирован в юрисконсультскую часть в центральном управлении Министерства юстиции, а 1 июля 1899 года назначен младшим помощником обер-секретаря Судебного департамента Правительствующего Сената. 1 октября 1900 года Василий Павлович был назначен младшим делопроизводителем Первого департамента Министерства юстиции и 14 мая того же года произведен в надворные советники. 8 июня 1902 года он был назначен помощником юрисконсультанта Министерства юстиции. 17 февраля 1903 года его назначили представителем от Министерства юстиции в состав образованной при Министерстве внутренних дел Особой комиссии для разработки вопроса об учреждении градоначальства в городе Ростове-на-Дону. 17 октября того же года его перевели на службу старшим делопроизводителем государственной канцелярии, а 25 октября – в Отделение свода законов. 14 мая 1904 года он был произведен в коллежские советники.

17 февраля 1905 года Василий Павлович был назначен председателем учрежденной императором Комиссии для выявления причин недовольства рабочих в Санкт-Петербурге и его пригородах. 6 июля 1905 года он был назначен делопроизводителем Общего собрания Государственного Совета и временно – в Отделение свода законов. 30 ноября 1905 года ему было поручено принять участие в трудах Особого вневедомственного совещания для согласования действующих узаконений с императорским указом 17 апреля 1905 года под председательством члена Государственного Совета, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа Игнатьева 2-го. 1 января 1907 года Василий Павлович был произведен в статские советники, 22 января переведен в Третье отделение по делам законодательным, 13 апреля – в Отделение свода законов, 23 июня он был назначен в число членов Особого при Святейшем Синоде присутствия для разработки вопросов, связанных с подготовкой Священного Собора

Православной Российской Церкви, 6 декабря – назначен помощником статс-секретаря Государственного Совета, 11 декабря – командирован в канцелярию Законодательного отдела Государственной думы. 27 июня 1908 года Василий Павлович стал заведующим Законодательным отделом. 5 июля 1908 года он был уволен с должности помощника статс-секретаря с назначением его начальником отдела канцелярии Государственной думы.

В 1913 году Василий Павлович был избран от Тульской губернии членом IV Государственной думы и, будучи беспартийным, примкнул к фракции националистов. В Государственной думе он занимался в основном вопросами, касающимися Православной Российской Церкви – был членом вероисповедной комиссии и докладчиком бюджетной комиссии по смете Святейшего Синода.

В 1917 году Василий Павлович был избран в состав Священного Собора Православной Российской Церкви: он вошел в Предсоборный совет, Соборный совет, был заместителем председателя Уставного отдела Собора и секретарем Собора. Избрание его секретарем Собора состоялось 19 августа 1917 года. Заседание проходило под председательством товарища председателя Собора архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) в присутствии четырехсот сорока трех членов Собора. Для избрания члены Собора подали записки с именами – кого они желают видеть секретарем Собора. За Василия Павловича Шеина было подано двести сорок четыре записки, за протоиерея Константина Агеева – семьдесят записок, за Петра Гурьева – сорок девять записок.

Желание подвергнуться голосованию выразили Василий Павлович Шеин и протоиерей Константин Агеев. После подсчета голосов закрытого голосования выяснилось, что за Василия Павловича проголосовало триста двадцать шесть голосов, за протоиерея Константина – сто шестьдесят девять голосов.

На Соборе, не собиравшемся в течение нескольких столетий, многие вопросы вызвали бурное обсуждение и, в частности, вопрос о патриаршестве, для обсуждения которого записались докладчиками пятьдесят один человек. Имевший богатый опыт участия во многочисленных законодательных собраниях, обсуждавших вопросы государственной важности, Василий Павлович подал предложение, подписанное вместе с ним тридцатью двумя членами Собора: ограничить число ораторов двенадцатью, и чтобы эти пятьдесят один человек сами избрали из своей среды шесть человек стоящих за патриаршество и шесть против, кто бы донес до членов Собора наиболее полно ту и другую идею.

Представляя свои аргументы, Василий Павлович сказал: «Вопрос, подлежащий обсуждению Собора, есть вопрос небывалой важности в нашей церковной жизни, и посему наиболее полное и всестороннее освещение этого вопроса есть дело существенной необходимости. Множественность ораторов обычно приводит к тому, что сокращают срок речей до 10–5 минут. Это такой срок, в течение которого всесторонне осветить столь важный вопрос невозможно, и прения приобретут характер отрывочных мыслей, не представляющих никакой ценности. Между тем вопрос о патриаршестве настолько велик, что должен перейти в сознание Церкви, в сознание потомства в полном, точном, всестороннем освещении. Деяния Собора, которые будут содержать наши прения, не суть только наше достояние, а достояние всей Церкви, и должны перейти в потомство с богатым содержанием. В целях наибольшей полноты прений, в целях предоставления ораторам возможности осветить вопрос с научной точки зрения, с наибольшей полнотой и широтой, каждому оратору надо предоставить достаточный срок для развития своих мыслей. Этим сроком можно считать

часовую речь. Я предлагаю, чтобы дать ораторам возможность высказаться с исчерпывающей полнотой, не связывать их сроком, а предоставить желающим говорить о патриаршестве прийти к соглашению и избрать ораторов, – составить согласительный список ораторов в числе двенадцати. В этот список войдут представители всех направлений; они и осветят вопрос со всех сторон и с исчерпывающей полнотой».

Началось обсуждение. Одни считали, что ради уважения избирателей члены Собора должны высказываться все, кто пожелает, другие – что вопрос и так долго обсуждался и в отделах, и частных совещаниях, требуется только все привести в систему. Когда вопрос был поставлен на голосование, большинство членов Собора поддержало Василия Павловича и проголосовало за ограничение числа ораторов. Предложение было принято. Однако отовсюду тут же стали раздаваться возмущенные голоса, многие стали вставать со своих мест и направляться в сторону председателя Собора, желая ему лично пояснить свою точку зрения, не согласную с проголосованной. Одни поддерживали принятое Собором предложение, другие стали высказываться категорически против, мнение последних выразил архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов), который сказал: «Я выступаю на защиту прав меньшинства. Если у нас Собор, то нужно давать право и одному желающему говорить, но нельзя никому закрывать рта: такая система непозволительна для Собора. Предложение должно быть снято. Говорить должен всякий, кто хочет сказать. Важность вопроса требует, чтобы каждый сказал свое слово».

В защиту этой точки зрения раздалась с мест многие голоса, так что председатель стал просить Василия Шеина пояснить свою точку зрения, который, видя смятение соборян, заявил, что готов, чтобы «не затягивать дела... предложение снять. Я не хочу, – пояснил он, – чтобы моя мысль, направленная к цели благой, повела на самом деле к затяжке и отрицательному результату».

Положение оказалось тем более сложным, что Собор уже принял предложение большинством голосов, и председатель Собора, заявив, что Василий Павлович Шеин снял свое предложение, предложил отменить принятое решение повторным голосованием; под письмом с предложением ограничить число ораторов сняли подписи сам Василий Павлович и еще пятнадцать человек, и было принято постановление о пересмотре решения. Теперь для обсуждения вопроса о восстановлении в Русской Церкви патриаршества записалось ораторами девяносто пять человек.

На тридцать седьмом заседании Собора 19 июля (1 августа) 1918 года обсуждался доклад о монашестве, в частности вопрос об избрании монастырской братией не только на должность настоятеля, но и на должности казначея, ризничего, духовника и эконома, что вызвало большую полемику. Если предложение об избрании братией настоятеля и утверждении его кандидатуры епархиальным архиереем не вызвало разногласий, то предложение, чтобы братия избирала и на другие должности, вызвало горячий протест и, в частности, настоятеля Троице-Сергиевой лавры архимандрита Кронида (Любимова)^а, заявившего, что принятие выборного начала как общего принципа уничтожит самый дух монашества.

Его всецело поддержал Василий Павлович Шеин, сказав: «Живое участие в выборах примут и выдвинут себя кандидатами менее достойные иноки. Они же

^а Преподобномученик Кронид (в миру Константин Петрович Любимов), архимандрит; память 27 ноября / 10 декабря.

могут составить большинство при голосовании. Желая получить должность будет заискивать у этих иноков, будет очень много им обещать, но когда его избрание пройдет и он получит утверждение епархиального архиерея, – тогда только обнаружится настоящая природа кандидата и его отрицательные стороны. Но будет уже поздно. <...>

Соответствует ли <...> выборное замещение должностей казначея, эконома и других самому духу монашеской жизни и не поведет ли оно, вместо пользы, к сугубому вреду для спасения душ иноков? <...>

По монастырским правилам каждая должность понимается как „послушание“, как обязанность, налагаемая настоятелем монастыря на инока.

Всякое искательство должностей не согласно с самою сущностью монашества и чуждо душевному состоянию истинного инока. Все помыслы истинного инока – в молитвах, подвижничестве, духовном усовершенствовании и послушании; каждое внешнее проявление собственной воли для него – тягостно. Если бы монастырская братия состояла из настоящих иноков, то она сама отказалась бы от производства выборов, а пришла к настоятелю и сказала бы: „Отче, назначай сам“.

Выборность низших должностей не только не будет способствовать утверждению братолюбия в монашеской среде, а явится яблоком раздора и неурядицы в монастырской жизни. Как только будет объявлено о производстве выборов, в тихой и спокойной до сей поры обители начнется суета и беспокойство. Менее совершенные иноки оставят молитвы, заботы о подвижнической жизни и труднические дела. Начнутся разделение монахов на партии, борьба этих партий между собою и связанное с нею озлобление, ссоры, вражда и раздор. О каком же братолюбии здесь может идти речь?

Выборное начало само собою вызывает обсуждение выставленных кандидатур, а последнее влечет к осуждению и порицанию.

Этот путь осуждения ближнего не соответствует духу истинного монашества и всецело противоречит иноческому и христианскому поведению. Все, что при выборах будет сказано худого одним иноком про другого, – станет, несомненно, известно и в душе обиженного не забудется. Затаенная злоба явится причиной и последующих ссор и несогласий среди братии.

Итак, ввиду изложенных бытовых и нравственных оснований я полагаю бы необходимым воздержаться в настоящее время от распространения выборного начала на должности казначея, ризничего, эконома и других».

Соборяне согласились с суждениями архимандрита Кронида и Василия Шеина.

7/20 сентября 1918 года Василий Павлович сделал доклад о гонениях на Русскую Православную Церковь, о пострадавших от большевиков, кратко сказал о принятом большевиками декрете о свободе совести, который был охарактеризован Собором как узаконение преследований христиан, и перечислил все известные на тот момент случаи преследования и убийства духовенства. Характеристика правящей власти, публичная оценка чинимых ею злодеяний, имевшая вполне естественный характер обличения, были по тем временам для большевиков вполне достаточны, чтобы приговорить его при ближайшем удобном случае к смерти.

«Поступающие в Комиссию донесения с мест, – сказал он, – рисуют нам потрясающие картины разгула низменных страстей толпы. Кровь леденеет в жилах и сердце наполняется ужасом перед этими картинами дикой кровавой

расправы темных масс над своими пастырями. Опьяненный запахом крови, разжигаемой всеми средствами нынешнею властью классовой борьбы, русский народ, темный и неразвитый, не утратил даже на то, что было ему всегда близко и дорого, на то, чем он жил не одну сотню лет – на веру православную. Арестуются и подвергаются оскорблению епископы и священники, зверски расстреливаются священнослужители, часто без всякого не только суда, хотя бы для видимости их виновности, но и без предъявления к ним какого бы то ни было обвинения, – только за то, что они – служители Церкви Православной, провозвестники Христовой истины. И проходит пред нами целый ряд новых священномучеников и мучеников за веру и Церковь Православную: высокопреосвященный митрополит Владимир^а, епископы Гермоген^б, Макарий^с, Варсонофий^д, Ефрем^е. Не пощажены видные общественные деятели и проповедники, как, например, настоятель Казанского собора в Петрограде и председатель Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви протоиерей Философ Орнатский; знаменитый бесстрашный проповедник, настоятель храма Василия Блаженного в Москве протоиерей Иоанн Восторгов; неустанный миссионер-проповедник и устроитель и основатель Варнавинского и других обществ и братств Николай Юрьевич Варжанский^ф <...> и множество протоиереев, иереев, монашествующих и светских лиц – „их же имена Ты, Господи, веши“... Начиная с высшей иерархии и кончая рядовыми членами Церкви, многие запечатлели мученической смертью свою верность Христу и Его Церкви, и каждый день приносит все новые и новые известия о расстрелах и других убийствах священнослужителей и верующих мирян, вставших на защиту Божьего достоинства, и число этих невинных жертв, кровь которых вопиет к Небу, все увеличивается, и не видно ему конца...»

18 января 1919 года Василий Павлович Шеин как секретарь Собора предоставил сведения за истекший период о числе членов Собора, его отделах и результатах их деятельности, а также об условиях работы Собора в современной действительности, охарактеризовал нравственный упадок в обществе, попутно давая свои оценки происходящему, в которых до некоторой степени отобразились его взгляды и личная позиция. Поскольку освещение деятельности Собора и принимаемых им решений было затруднено, так как Церковь к этому времени лишилась всех типографий, где она могла бы печатать деяния Собора, его доклад имел своей целью вкратце оповестить верующих о работе Собора за прошедший период¹⁶.

С детства Василий Павлович мечтал о сугубо церковном служении, много времени в течение жизни он проводил в храме, и теперь пришла пора исполниться его пожеланию, тем более что служение Отечеству на государственной службе при новой власти стало для него невозможным. 12 сентября 1920 года он был пострижен в монашество с именем Сергей в честь

^а Священномученик Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский), митрополит Киевский; память 25 января / 7 февраля.

^б Священномученик Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганев), епископ Тобольский и Сибирский; память 16/29 июня, 20 августа / 2 сентября.

^с Священномученик Макарий (в миру Михаил Васильевич Гневушев), епископ Орловский; память 22 августа / 4 сентября.

^д Имеется в виду священномученик Варсонофий (Лебедев).

^е Священномученик Ефрем (в миру Епифаний Андреевич Кузнецов), епископ Селенгинский; память 23 августа / 5 сентября.

^ф Мученик Николай Варжанский; память 23 августа / 5 сентября.

преподобного Сергия Радонежского, вскоре рукоположен во иеромонаха, возведен в сан архимандрита и назначен в 1921 году настоятелем Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке в Петрограде. Он послужил Отечеству на государственной службе, послужил Церкви, когда был чиновником; поначалу назначенный на должности высшей государственной властью, а потом как многоопытный государственный муж послужил Священному Собору. Теперь он избрал иноческий и пастырский путь, в тех обстоятельствах – путь исповеднический. В ночь с 28 на 29 апреля 1922 года архимандрит Сергий был арестован и заключен в тюрьму на Шпалерной улице.

Мученик Юрий родился 10 ноября 1882 года в городе Умани Уманского уезда Киевской губернии¹⁷ в семье мирового судьи Петра Георгиевича Новицкого. Образование Юрий получил в 1-й Киевской гимназии. В 1906 году он женился на дочери действительного статского советника Анне Гавриловне Сусловой, и 14 мая 1907 года у них родилась дочь Ксения.

В 1908 году Юрий окончил юридический факультет Киевского Императорского университета святого князя Владимира и был отправлен в научную командировку в Германию, в Геттинген. В 1913 году он защитил магистерскую диссертацию по уголовному праву и в 1914 году был назначен на должность приват-доцента в Киевский университет, где читал лекции по спецкурсу «Важнейшие моменты в истории русского уголовного судопроизводства».

Христианские воззрения были у него неразрывно связаны с профессиональной деятельностью, давая ей содержание и смысл. В 1911 году он организовал в Киеве приют для детей ссыльнокаторжных, которые оставались фактически – при живых, но сосланных родителях – сиротами. В 1912 году, желая смягчить наказание для подростков, а также исходя из того, что тюремная среда могла действовать на них развращающе, он стал инициатором создания отдельного суда по делам малолетних.

В 1913–1914 годах Юрий Петрович стал в Киеве одним из активнейших участников религиозно-философского общества. 1 сентября 1914 года он был назначен делопроизводителем юридического факультета и читал лекции по курсу «О преступлениях против личности». С октября он приступил к чтению лекций расширенного спецкурса: «Важнейшие моменты в истории русского уголовного права»; с ноября того же года он начал преподавать на Петроградских политехнических курсах товарищества профессоров и преподавателей. В 1914 году Юрий Петрович был назначен приват-доцентом истории русского права на юридический факультет Петроградского университета, при котором в 1915 году он организовал кабинет по истории права, собрав в нем солидную научную библиотеку. В конце декабря 1914 года юридический факультет командировал Юрия Петровича для научных занятий в Московский архив Министерства юстиции.

30 мая 1915 года, оставаясь приват-доцентом университета, он был назначен чиновником особых поручений при Главном управлении по делам печати. 6 декабря 1916 года Юрий Петрович был награжден орденом Святой Анны 3-й степени. 16 мая 1917 года он был назначен исполнять обязанности помощника начальника канцелярии управления. В 1919 году из-за болезни дочери он взял отпуск и уехал в Кострому.

Но и в Костроме он не прекращал своей профессиональной деятельности.

Поборник высшего образования для народа, он принял активное участие в организации здесь «Рабоче-крестьянского университета в память Октябрьской революции», читал лекции и стал первым преподавателем советского законодательства, создав при этом университете кабинет и библиотеку по теме преподаваемого им предмета. С 1920 года Юрий Новицкий – организатор и ученый секретарь петроградского Педагогического института социального воспитания нормального и дефективного ребенка и заведующий созданными при институте курсами по защите и охране детства. Одновременно он состоял профессором Педагогического института дошкольного образования. В том же году Юрий Петрович был избран председателем правления Общества православных приходов Петрограда. Общество имело характер деятельности чисто церковный и соответствующие этому отделы – пастырский, богослужебный, вероисповедный, хозяйственный, певческий и организационный. Активное участие в жизни Общества и было впоследствии поставлено ему властями в вину.

В ночь с 28 на 29 апреля 1922 года Юрий Новицкий был арестован и заключен в тюрьму на Шпалерной улице. Совет Педагогического института социального воспитания нормального и дефективного ребенка, ходатайствуя впоследствии о его помиловании, таким образом охарактеризовал его общественную и научную деятельность: «Ю.П. Новицкий является одним из инициаторов и организаторов нашего института. Занимая кафедру уголовного права, он всегда был глубоко убежденным сторонником и проводником в жизнь тех принципов в области криминалистики, которые ныне в значительной степени положены в основу Уголовного кодекса советской властью. Самоотверженно-идейная научная и педагогическая деятельность профессора Ю.П. Новицкого, всегда ярко и твердо прогрессивная, его борьба против института смертной казни еще в царские времена, полное игнорирование личных интересов перед общественными, безусловная честность и прямота везде и во всем, сердечность и доброжелательность в отношениях со всеми окружающими имели своим следствием, что все сотоварищи Юрия Петровича всегда были его искренними друзьями, глубоко ценившими и уважавшими его личность.

Деятельность Ю.П. Новицкого в Педагогическом институте не ограничивалась одним чтением лекций, он был ученым секретарем института и как таковой принимал видное участие в руководительстве всей учено-учебной жизнью учреждения.

Являясь в области теоретической науки крупным ученым-криминалистом, представителем школы профессора Кистяковского, профессор Ю.П. Новицкий в то же время, несмотря на свое слабое здоровье, не щадил своих сил на практическое проведение в жизнь тех идей, которые исповедовал.

Еще в бытность свою в Киеве он организовал там один из первых в России детских судов, патронат, приют для детей ссыльнокаторжных. В Петрограде он с 1918 года сразу же, без колебаний, начал совместную работу с советской властью в Петроградском Наробразе. В настоящее время Ю.П. Новицкий состоит профессором Петроградского университета, Политехнического института, Педагогического института дошкольного образования, заведует курсами по защите и охране детства при нашем Институте социального воспитания.

Кроме того, профессор Ю.П. Новицкий – один из виднейших организаторов Костромского рабоче-крестьянского университета в память Октябрьской революции.

Как видно из изложенного, Юрий Петрович не только видный ученый и

педагог, но и крупный общественник, целиком посвятивший себя делу педагогики, заботам о детях.

Ввиду всего вышеприведенного Совет Педагогического института берет на себя смелость почтительнейше ходатайствовать перед Президиумом Верховного революционного трибунала о помиловании профессора Ю.П. Новицкого и замене ему смертной казни таким наказанием, которое дало бы возможность сохранить его как ученую силу, педагога, организатора и защитника интересов детей и использовать его и впредь в интересах народного образования Советской Республики».

Мученик Иоанн родился 26 июля 1878 года в городе Одессе в семье дворянина Михаила Ивановича Ковшарова и его супруги Елизаветы Ивановны. 6 августа, на праздник Преображения Господня, он был крещен в портовом храме святителя Николая священником Петром Троцинским. Его восприемниками стали дворянин Владимир Иванович Ковшаров и крестьянка Александра Григорьевна Спильченко. Прадед мученика, Иван Ковшаров, был именитым гражданином города Смоленска. В конце 1790-х годов, во время перестройки храма Рождества Богородицы при Днепровской башне Смоленского кремля, места пребывания самой почитаемой святыни города – «надвратной» Смоленской иконы Божией Матери, перед которой впоследствии молился М.И. Кутузов, – она некоторое время находилась «в доме именитого гражданина Ковшарова, устроившего в одной комнате общую молельню». Во время нашествия французов дом Ивана Ковшарова был razорен, а сам он едва не погиб. Семью его с пятью малолетними детьми приютили в числе более полусотни беженцев ельнинские помещики Хлюстины, которые впоследствии восстановили Ковшаровым дом. Дед мученика, Иван Иванович Ковшаров, окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге и впоследствии участвовал в росписи многих храмов, им были расписаны одесский кафедральный Спасо-Преображенский собор, кишиневский кафедральный собор Рождества Христова, церковь Архангела Михаила в Алушке и другие.

В 1894 году по окончании четырех классов 2-й Одесской прогимназии Иван поступил в пятый класс 3-й гимназии, которую окончил в 1899 году. В характеристике о нем отмечалось, что он, «несмотря на живость характера, добродушен и почтителен», принимал участие в хоре. Аттестат зрелости свидетельствует, что Иван имел хорошие познания в истории и Законе Божиим и весьма удовлетворительные во всех остальных предметах. В 1899 году, вскоре после поступления в университет, Иван, как военнообязанный, не желая уклоняться от служения Отечеству, в числе первых явился на призывной участок для рекрутской жеребьевки и был зачислен в ратники ополчения второго разряда.

В 1903 году Иван окончил юридический факультет Новороссийского университета по 1-му разряду со званием кандидата права. Новороссийский университет в то время был не только учебным заведением, но и крупным научным центром, занимавшимся изучением христианской истории, культуры, церковной археологии, византологии и славистики. Профессором богословия был священник Александр Михайлович Клитин, деятельность которого явилась живительно-полезной для многих студентов, искавших смысла жизни и занимавшихся поиском выхода из кризиса, в котором оказалось образованное общество к началу XX столетия. Благодаря отцу Александру многие студенты смогли получить христианские, церковные и достаточно исчерпывающие ответы

на свои запросы. Впоследствии некоторые свои лекции и проповеди он издал в виде брошюр под названиями: «Итоги XIX века», «Отношения богословской науки к всемирным задачам Богочеловечества», «О современном положении богословской науки», «Современные вопросы западной богословской науки», «Краткое слово о религиозной личности нашего времени».

В 1906 году Иван Михайлович был принят в сословие Санкт-Петербургской столичной присяжной адвокатуры помощником присяжного поверенного К.И. Валицкого. Для того чтобы приступить к ведению дел, требовалась в то время характеристика, удостоверяющая высокие нравственные качества и свидетельствующая тем самым об отсутствии препятствий у претендующего на эту должность; для того чтобы иметь возможность получить независимые характеристики, прошение кандидата публиковалось. Член Санкт-Петербургского столичного мирового съезда Петр Петрович Мельников дал высоко положительный отзыв о нравственных качествах Ивана Михайловича. Председатель Совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате, выражая общее мнение Совета, написал, что нет оснований сомневаться в нравственных и профессиональных качествах Ивана Михайловича Ковшарова, окончившего юридический факультет по первому разряду. 10 мая 1906 года ему было выдано разрешение на ведение дел.

С 1908 года Иван Михайлович стал исполнять обязанности частного поверенного по окружному суду и присяжного стряпчего при Санкт-Петербургском коммерческом суде. С 1907 по 1912 год

Иван Михайлович, будучи помощником юрисконсульта Александро-Невской лавры присяжного поверенного Василия Васильевича Соколова, занимался многочисленными делами лавры и Санкт-Петербургской духовной консистории. Последние два года, ввиду болезни Соколова, он сам вел всю работу по делам лавры как в судах, так и на этапе подготовки дел к судебным заседаниям. Значительную часть дел составляли иски к жильцам лаврских доходных домов, хроническим неплательщикам аренды, и в обязанности поверенного входило проведение с ними переговоров, при которых приходилось решать непростые в нравственном отношении вопросы, стараясь соотносить христианские заповеди, человеколюбие и милосердие с хозяйственно-финансовыми интересами монастыря. Во время деятельности Ковшарова лавра как истец всегда шла навстречу неимущим ответчикам. Так, по представлению Ивана Михайловича смиренное прошение неплательщицы, вдовы архитектора Горностаева, было удовлетворено настоятелем лавры Санкт-Петербургским митрополитом Антонием (Вадковским), долги списаны, и она сама не была выселена.

13 апреля 1912 года Василий Соколов скончался, перед смертью рекомендовав духовному собору лавры на свое место Ковшарова. 17 апреля 1912 года Иван Михайлович в числе семи кандидатов, желавших занять должность присяжного поверенного Александро-Невской лавры, подал прошение духовному собору лавры о предоставлении ему места после смерти Соколова, в качестве сотрудника которого он работал по судебным делам лавры в течение пяти лет. «Близкое отношение мое к судебным делам лавры и знакомство с начатыми и находящимися ныне в производстве судебных мест земельными делами монастыря дают мне смелость надеяться, что я могу быть полезным лавре в качестве продолжателя деятельности покойного Василия Васильевича Соколова», – писал Иван Михайлович в прошении.

После обсуждения его прошения духовным собором и баллотировки в

третий, последний тур вышел только Ковшаров, но неожиданно был забаллотирован; через несколько дней было принято и сразу же удовлетворено прошение Виктора Викторовича Пашковского, как успешно ведущего дела по первоклассному Воскресенскому женскому монастырю. Однако в начале 1918 года Пашковский отказался от ведения дел лавры из-за ликвидации старой судебной системы и нежелания защищать интересы Церкви в новых народных судах.

В 1916 году духовная консистория Петроградской епархии рекомендовала Ковшарова епархиальному съезду «как опытного юриста и изъяснившего свое согласие на принятие на себя ведения судебных дел епархиального ведомства». 9 сентября епархиальный съезд одобрил его кандидатуру, и 23 октября того же года митрополит Петроградский Питирим (Окнов) назначил Ивана Михайловича на должность епархиального юриста.

11 марта 1918 года Петроградский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его комиссаром по общецерковным делам с целью представительства и защиты прав и интересов Петроградской епархии, и представители приходов и церковных организаций стали во множестве приходить к нему со своими нуждами. Иван Михайлович добросовестно исполнял поручения епархиального управления, ежедневно принимал и консультировал представителей приходов и церковных учреждений, давая им «авторитетные и несомненно исчерпывающие указания и разъяснения». Он писал тексты заявлений, протестов, ходатайств, вел переписку и переговоры с районными и городскими властями, участвовал в церковных совещаниях, комиссиях и группах, создававшихся для разрешения конкретных проблем. Комиссар воспринимался в те годы как полномочный представитель народа. В этом качестве он и выступал перед властью.

«Что же касается собора [Петропавловской] крепости, – писал Иван Михайлович властям в одном из прошений, – то закрытие его, хотя бы на 2–3 месяца, оскорбляет религиозные чувства большой массы народа, привыкшего исстари беспрепятственно посещать собор крепости для удовлетворения своих религиозных нужд. Во имя интересов народа народная власть, казалось бы, не должна ставить народу препятствий в этом отношении. Ни в каком случае не может быть допущена передача „кружечного капитала“, составившегося из народных приношений, в ведение Комиссариата имуществ Республики, так как это является нарушением воли народа, приносившего свои жертвы не для того, чтобы им было дано назначение на иные цели, кроме тех, на которые жертвовались народом деньги».

«Народ, до этого времени подписавший протест в количестве шести тысяч человек, – писал Ковшаров властям, – требует <...> сделать распоряжение о прекращении насилий над бывшими придворными храмами и часовней Спасителя, убрав немедленно из часовни комиссара».

«Председателю местной комиссии по борьбе с контрреволюцией, – писал он в другом заявлении, – хорошо известно, что кратковременный арест протоиерея Богоявленского вызвал волнения среди народа в Гатчине, и только возвращение отца Богоявленского в Гатчину успокоило народный гнев. <...> Ввиду изложенного, во исполнение прямого требования закона „О свободе совести“ и в целях успокоения гатчинского приходского народа необходимо отменить постановление Гатчинской коммуны о закрытии храма при реальном училище и о высылке из Гатчины священников...»

Когда властями был реквизирован «Дом трудолюбия» в Кронштадте, то митрополит Вениамин просил Ковшарова войти в сношения с местными властями «по этому вопросу и оказать содействие к возвращению собору указанного дома».

11/24 июля 1918 года епархиальный совет поручил Ивану Михайловичу возбудить «ходатайства о возвращении церквям и обителям неправильно и незаконно отторгнутых у них имуществ».

21 июля (3 августа), после ареста настоятеля Казанского собора протоиерея Философа Орнатского, епархиальный совет просил его «немедленно у подлежащей власти выяснить вопрос о причинах ареста и принять меры к освобождению отца протоиерея из-под стражи».

Власти в то время вмешивались не только в имущественные вопросы Церкви, но даже относительно порядка исправления священниками богослужения и треб, и 28 августа (10 сентября) 1918 года епархиальный совет просил Ковшарова как комиссара по епархиальным делам «в спешном порядке разработать вопрос и представить советской власти о том, что священнослужители по канонам церковным в отношении исправления обязанностей богослужбных и требоисправлений подчиняются исключительно распоряжениям своей духовной власти и священнической совести, но не власти гражданской, и что в сем последнем случае власть гражданская может обязывать самих прихожан требованием подписки не обращаться без ее разрешения к духовенству за совершением тех или иных требоисправлений, а не предъявлять подобные требования к духовенству».

6/19 октября 1918 года епархиальный совет попросил Ивана Михайловича «составить справку о возможном преподавании Закона Божия на основе декрета гражданской власти и разослать ее для руководства духовенству епархии».

Зачастую гражданские власти изымали в то время многие грузы, направляемые в епархию и храмы – свечи, ладан и вино. И 15/28 ноября 1918 года епархиальный совет просил Ковшарова «принять все меры к возвращению отобранного груза, <...> добиться у подлежащих властей общего распоряжения об изъятии от реквизиции предметов церковного обихода, перевозимых по различным путям сообщения Петроградской губернии».

Иван Михайлович взял на себя все хлопоты перед Совнаркомом по возвращению зданий, принадлежавших учреждениям Синода. Члены правительства устно заверили его, что все здания непременно будут возвращены. На Петроградском епархиальном съезде, состоявшемся в марте 1918 года, Ковшаров был избран в состав членов епархиального миссионерского совета, куда из мирян входил, в частности, и Михаил Фердинандович Таубе, отец преподобноисповедника Агапита^а.

В апреле 1918 года духовный собор Александро-Невской лавры пригласил Ивана Михайловича войти в состав членов духовного собора с правом совещательного голоса, и он участвовал впоследствии во всех его заседаниях, проходивших еженедельно. В ноябре 1918 года дела церковно-канонические в духовном соборе вел архимандрит Авраамий (Чурилин), хозяйственные – архимандрит Иерофей (Померанцев), экономические – иеромонах Павлин, братские – иеромонах Антоний (Коробейников), административно-юридические – Иван Михайлович Ковшаров.

^а Преподобноисповедник Агапит (в миру Михаил Михайлович Таубе); память 5/18 июля.

По просьбе членов духовного собора и благословию митрополита Вениамина Иван Михайлович был назначен на должность юриста лавры. Как юристу лавры ему пришлось заниматься самыми различными поручениями: он ходатайствовал перед советскими властями о праве монашескому братству лавры иметь своего уполномоченного для сношений с советской властью помимо домового комитета бедноты; ходатайствовал об отмене указания экономического отдела Совета рабочих и красноармейских депутатов 1-го городского района Петроградской трудовой коммуны о введении в лавре контрольного комитета служащих лавры; выступал в народном суде по иску к лавре о сгоревшем доме. Жалованье, которое получал Иван Михайлович как юрист лавры, было небольшим. В марте 1920 года оно составляло 1000 рублей в месяц; в то время мальчику-алтарнику платили 500 рублей, сторожам, звонарю, кучеру и регенту – по 2000 рублей, на сапоги монахам выдали по 10000 рублей.

22 февраля 1920 года на состоявшемся в лаврской церкви Святого Духа собрании Иван Михайлович был избран товарищем председателя церковно-приходского совета лавры.

В ноябре 1920 года было создано Общество православных приходов Петрограда и его губернии, в котором Ковшаров стал членом правления и хозяйственного отдела; взаимодействуя с гражданскими властями, он деятельно помогал митрополиту Вениамину, в особенности во время начавшегося в 1921 году голода и проводившегося под этим предлогом изъятия церковных ценностей.

В первый раз Иван Михайлович был арестован в сентябре 1919 года по подозрению в принадлежности к кадетской партии. На следствии выяснилось, что он никогда не принадлежал к этой партии, и он был освобожден. В мае 1921 года он был арестован по аналогичному обвинению и спустя две недели освобожден. В ночь с 28 на 29 апреля 1922 года Иван Михайлович снова был арестован и заключен в тюрьму на Шпалерной улице.

10 июня 1922 года начался судебный процесс над митрополитом Петроградским Вениамином, священнослужителями и мирянами Петроградской епархии. В первые дни суда митрополит Вениамин, выходя из тюремной машины, прежде чем войти в здание суда, благословлял всех собравшихся у здания, а хор пел «Достойно» и «Ис полла эти деспота». Когда после окончания дневного заседания конвоиры увозили митрополита, то он также благословлял всех собравшихся. К середине процесса власти категорически запретили ему благословлять народ, и он лишь крестился сам и, глядя на собравшихся людей, слегка кланялся им. Всякий раз после окончания заседания подсудимых встречала многочисленная толпа тех, кто не смог попасть в зал суда, и тех, кто, хотя и присутствовали на суде, но к этому времени специально выходили, чтобы проводить подсудимых; некоторые выкрикивали слова поддержки и бросали в машину, которая увозила митрополита, цветы.

15 июня сразу же после отъезда машин с подсудимыми вся толпа, оказавшаяся в это время на улице перед зданием суда, была оцеплена сотрудниками ГПУ, которые затем погнали ее пешком в ГПУ на Гороховую. Через два дня все задержанные были переведены в тюрьму на Шпалерную. Вместе с верующими были арестованы и люди неверующие и даже мало что знавшие о митрополите Вениамине: это были случайные прохожие и люди, оказавшиеся после окончания спектакля в Малом оперном театре на улице, поблизости от филармонии, где проходил судебный процесс. После допросов большая часть

задержанных была освобождена. Впоследствии сотрудники ГПУ стали арестовывать выборочно; отпускали задержанных на следующий день после допроса, сообщая о задержании по месту службы, что нередко приводило к увольнениям.

В первый день процесса, за несколько минут до выхода членов Трибунала в зал, конвой ввел обвиняемых. Когда митрополит Вениамин вошел в зал, зрители невольно поднялись с мест – одни из великого почтения и уважения к Петроградскому архиерею, другие – из любопытства. Митрополит Вениамин был в белом клобуке; опираясь на посох, он умиротворенно, спокойно и торжественно, как будто совершая богослужение, прошел к скамье подсудимых. Комендант объявил о начале заседания и, предложив публике снять головные уборы, сказал: «Трибунал идет. Прошу встать!» Вошли члены Трибунала. Первый и часть второго дня суд посвятил чрезвычайно утомительной для обвиняемых при их количестве процедуре – проверке их наличия, чтению обвинительного заключения и опросу каждого, признает ли он себя виновным в предъявляемом ему обвинении.

12 июня, когда начались допросы обвиняемых, первым был допрошен митрополит Вениамин.

– Обвиняемый Казанский, выйдите к столу, – нарочито монотонно произнес председатель.

Митрополит поднялся и не спеша, размеренным шагом, одной рукой опираясь на посох, другую прижав к груди, вышел на середину зала. На все вопросы он отвечал немногословно и ровно.

– Скажите, обвиняемый Казанский, ваше отношение к советской власти? – спросил его обвинитель.

– Мое отношение к советской власти было всегда отношением законным. Все распоряжения советской власти, декреты я по силе возможности, по своему пониманию исполнял, и в течение почти пяти лет у меня никаких столкновений с советской властью не было...

– Скажите, обвиняемый Казанский, вы признаете советскую власть законной или признаете незаконной?

– Как всякую гражданскую власть, я ее признаю законной и исполняю распоряжения советской власти, – ответил митрополит.

– Сообщите Трибуналу историю возникновения первого письма в Помгол.

– История возникновения этого письма стоит в связи с вопросом об изъятии церковных ценностей. Когда появился декрет об изъятии церковных ценностей, стали обращаться по этому вопросу с запросами разные корреспонденты и другие лица: как смотрю я на этот вопрос... Этот ответ мной дан был одному представителю, явившемуся с мандатом от «Известий ВЦИК». Я ответил, что в настоящее время по этому вопросу к духовенству обращаться не нужно, так как церковное имущество вместе с собственностью передано гражданской власти; к тем обществам, которым передано это имущество, и нужно всем обращаться. Духовенство является участниками распоряжения церковным имуществом постольку, поскольку они являются членами этих обществ.

– Это письмо вы написали по личному побуждению или это письмо написал или кто-нибудь предложил написать?

– Нет, это письмо я написал по личному побуждению...

– Скажите, перед тем как написать это письмо, с кем-либо вы советовались или не советовались? Предварительно вы говорили с кем-либо об этом письме?..

- Сам писал...
 - Скажите, у вас были совместные обсуждения этого письма?
 - Не было, почему оно и является письмом митрополита.
 - Ни с кем из отдельных членов правления вы не говорили?..
 - Письмо является моим письмом.
 - Я понимаю, что это ваше письмо, но, может быть, вы говорили с кем-нибудь?
 - Нет, это письмо является моим письмом.
 - Не говорили. Вы утверждаете, что письмо составлялось вами исключительно и никто из членов в составлении этого письма не принимал никакого участия?
 - Да, письмо составлялось мною.
 - Вами. Скажите, каким образом это первое письмо могло распространиться?..
 - Прежде всего это письмо было оглашено в таком собрании, где присутствовало несколько человек. Я был приглашен в Комиссию по изъятию церковных ценностей в Смольный, и когда там меня принимали, то туда были допущены и другие лица.
 - Вы полагаете, что это письмо распространилось через Смольный?
 - Нет, нет. Во время этого заседания было дано разрешение огласить это письмо в этом собрании, в Дворянском собрании^а.
 - В каком?
 - В Дворянском.
 - От кого вы получили разрешение о распространении этого письма?
 - Это не я получил, а протоиерей Заборовский... В тот день, когда я был в Смольном, была лекция. Он получил разрешение огласить на лекции. Он присутствовал в Смольном, хлопотал, ему было дано разрешение огласить на лекции^{б18}.
- После полуторадневных допросов, которые за отсутствием обвинительного материала, даже формально не подготовленного, когда судьи и обвинители при уже известном им приговоре лишь тянули время, судебные заседания превратились в утомительную для подсудимых процедуру, угнетая их фатальным предчувствием обреченности. Во время одного из таких бессмысленных, с точки зрения выяснения истины, допросов председатель суда с издевкой спросил митрополита:
- Обвиняемый Казанский, может, вы себя чувствуете утомленным и не можете давать показаний?
 - Может быть, они скоро кончатся, – устало ответил митрополит.
- 13 и 14 июня Трибунал допросил Юрия Новицкого¹⁹. Среди других вопросов обвинитель спросил его:
- Вы сказали, что вы профессор, юрист, по какой специальности?
 - По уголовному праву.
 - Где вы читали лекции?
 - В университете, в биологическом институте...
 - Как вы очутились в таком тесном контакте с церковными людьми?..

^а В здании бывшего Дворянского собрания проходил вечер, посвященный вопросам помощи голодающим, где протоиереями Иоанном Заборовским и Александром Введенским были прочитаны лекции на эту тему, после которых было оглашено письмо митрополита Вениамина.

^б Допросы митрополита Вениамина за этот день и последующие помещены в Примечаниях²⁹²

– Когда я еще в Киеве был, я принимал большое участие в церковном богослужении, в церковной жизни...

– Скажите, какой же вы вклад могли внести в деятельность правления, вы, юрист-криминалист?..

– Во-первых, в некоторых богословских вопросах я разбирался, в богослужебных вопросах я разбирался, в вопросах богослужебно-практических, если хотите, я тоже разбирался, и затем я считаю, раз верующие взяли на себя обязанность содержать Церковь, раз верующим передано имущество, раз верующие призываются теперь к деятельности в этой области, то я не считал ничего такого несовместимого со своим званием, чтобы принять в этом участие, тем более что о моих религиозных убеждениях было известно еще в самом начале Октябрьской революции. Когда Рязанов²⁰ мне предлагал место в архиве, я сказал открыто: я человек религиозный, это не будет служить препятствием? Он сказал: это меня совершенно не касается.

15 июня Трибунал приступил к допросам Ивана Михайловича Ковшарова.

– Раньше, до революции, вы имели какое-нибудь отношение к Церкви? – спросил его председатель суда.

– Я был верующим человеком с малых лет своих.

– Какую-нибудь деятельность вы проявляли?

– До того момента, пока не произошла революция, пока не была восстановлена приходская жизнь, деятельность мирян не могла проявляться.

– Чем вы занимались до революции?

– Я был присяжным поверенным.

Далее Ивана Михайловича стал допрашивать обвинитель.

– Теперь скажите, как вы себе мыслите: эти ценности принадлежат государству, которое их поручило во временное пользование в руки верующих? – спросил он.

– Безусловно, государству. Это – народное достояние, отданное по закону 1918 года в пользование верующим.

– Скажите, – издевательски вопрошал обвинитель, – не слишком ли была тяжелой задача, взятая вами, думать о том, как превращать золото в хлеб, нужно ли переливать эти ценности или не нужно? Ведь это же достояние государства. Я не представляю себе, как же вы, грамотные люди, юристы, хорошо знакомые с законами советского правительства, хорошо знаете, что все ценности, находящиеся в церквях, являются достоянием государства. Ваше ли дело было думать и заботиться о том, где будет превращено это в хлеб, как превратить в хлеб? Государство решило, что голодает тридцать миллионов людей, и ни о какой постепенности речи и быть не может. Сегодня лампадочку, через месяц ризу снимут, через месяц – еще что-нибудь. Государство в своих инструкциях указывает: приступить к немедленному изъятию, т.е. все ценности, которые могут быть реализованы на хлеб, изъять из церквей, из синагог, из монастырей и из соборов. Скажите, пожалуйста, как же ваше правление, состоящее из людей грамотных, представляло себе задачу – вторгаться в компетенцию государства?

– Я могу сказать, что когда 6 марта в Смольном обсуждался этот вопрос, то тогда товарищ Комаров сказал такую фразу: «для того чтобы безболезненно, без эксцессов осуществить такой ход пожертвований, придется даже сделать некоторое послабление декрету, чтобы все это прошло тихо, мирно и спокойно».

– Когда митрополит доложил письмо в правлении, кто-нибудь возражал?

– Никто не возражал.

– Теперь скажите, вы как член правления, которое, безусловно, заинтересовано в этом событии, которое разыгралось в Петрограде, вы – реагировали на это как-нибудь?

– Очень даже.

– В чем?..

– Когда выяснилось, что вопрос решился в плоскости изъятия, то в том приходе, где я состою членом приходского совета, в лавре... мы известили верующих. И когда 28 апреля наступил момент изъятия ценностей в лавре, то изъятие во всех четырнадцати церквях прошло в один день, и представитель городского района вечером на месте выразил мне благодарность.

– Теперь скажите по вопросу о противоречии: ведь каноны писались до издания декрета об изъятии ценностей? – спросил защитник.

– Каноны писались тысячу пятьсот лет тому назад, – ответил Иван Михайлович.

– Следовательно, в то время каноны не могли предвидеть, что в будущем будет издан декрет об изъятии ценностей. Поэтому будет ли противоречие, если с точки зрения канонов принудительное отчуждение есть, может быть, кощунство, а вы, с одной точки зрения, сторонник власти, а с другой – как религиозный человек, находите в этом противоречие?

– Видите ли, я уже давал показания; я лично беспрекословно подчиняюсь всем постановлениям власти гражданской, в частности, и тут подчинился и принял меры к тому, чтобы целый ряд приходов подчинился декрету об изъятии церковных ценностей. Но вопрос о том, что с канонической точки зрения внутри меня религиозное чувство, может быть, и оскорблено, но я не выявляю наружу... делаю все, чтобы осуществление общегражданского декрета произошло безболезненно, тихо. Что же в моей душе делается, то это вопрос мой.

Вечером 16 июня члены Трибунала приступили к допросу архимандрита Сергия (Шеина).

– Революция в какой должности вас застала? – спросил его председатель суда.

– Членом Государственной думы, – ответил архимандрит Сергий.

– К какой фракции принадлежали?

– Националистов.

– При Временном правительстве где работали?

– Во время Февральской революции продолжал быть членом Государственной думы вплоть до роспуска ее по приказу Временного правительства.

– Во время октябрьского переворота где находились?

– В Москве.

– Служили?

– Я продолжал числиться формально членом Государственной думы до указа о роспуске, а затем был на Всероссийском Церковном Соборе.

– Религиозные вопросы вас давно интересовали?

– Я не помню дня моей жизни, когда я ими не интересовался.

– Вы ознакомились с этим письмом^а по его содержанию?

– Поверхностно...

– Могло ли это письмо, распространенное среди населения, внести

^а Имеется в виду заявление митрополита Вениамина от 5 марта 1922 г.

успокоение?

– Я нахожу, что письмо должно было внести успокоение, но думаю, что письмо не предназначалось для населения, а поэтому я не могу подходить к нему с этой точки зрения.

– Вы, кажется, сказали, что у себя в приходе вы не оглашали это послание, – спросил обвинитель.

– В храме не оглашал.

– А в приходе?

– Прошу конкретизировать вопрос – что такое приход? Я просто прочел его, огласил, ознакомил на заседании приходского совета.

– Там было вынесено постановление или нет?

– Постановление определенное, так как вещей оказалось мало, всего 17 фунтов, и так как все вещи составляли, по нашему мнению, необходимые принадлежности богослужения и подходили, по нашему мнению, под 1-ю статью декрета, в которой говорится, что предметы, необходимые для религиозного культа, избавляются от изъятия, и поэтому у нас состоялось постановление – сообщить члену комиссии, ныне правительственной, что имеющиеся у нас церковные принадлежности не подлежат изъятию, так как изъятие их нарушает интересы религиозного культа, так как их изъятие составит препятствие к совершению богослужения. Таким образом, изъятие считается совершенно невозможным.

– Вы огласили по приказанию? – приступил к допросам другой обвинитель.

– Ничего подобного. Я огласил его в приходском собрании, раз я докладывал приходскому совету такой вопрос, все, что у меня было в руках, – я огласил.

– Почему огласили?

– Как мог скрыть документ, который у меня есть. Я со своим приходским советом в прятки не играю...

– Вы по убеждению поступили в монахи?

– Я считаю такой вопрос для себя оскорбительным. Я поступил в монашество – это дело моей совести.

– Вы имеете право не отвечать.

– Я знаю, что имею право.

– Вы были членом партии националистов, а принимаете ли вы текст: «несть эллины и иудеи»?

– О, весьма, весьма.

– Вы в церкви призывали к миру своих прихожан?

– Сколько могу, всегда призываю.

– Разрешите с таким вопросом обратиться. В бытность вашу в Государственной думе вы принадлежали к партии националистов, теперь вы порвали сейчас связь с этой партией? – приступил к допросу следующий обвинитель.

– Со времени роспуска Государственной думы, естественно, порвал, даже раньше. Я мою политическую деятельность окончил в начале февраля, потому что я тогда тяжело заболел...

– Вы идейно исповедовали взгляды националистов?

– Раз я примкнул к известной партии, значит... разделяю.

– Чем объясняется, что с момента роспуска Государственной думы вы перестали разделять эти взгляды?

– Я не говорю: перестал разделять, я говорю, что прекратил свою политическую деятельность.

– Вы знакомы с расколом теперешней Церкви? – стал спрашивать еще один обвинитель.

– Очень мало.

– Но слышали, интересовались им?

– Так, не особенно.

– Разницу в направлении так называемой «Живой церкви», которая обвиняет старую Церковь в контрреволюции, – вы понимаете?

– Живую Церковь я знаю только одну, ту, о которой сказано: «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» [1 Тим. 3, 15].

– Нет, я об этом не спрашиваю, здесь не проповедь, – я спрашиваю о реальном явлении жизни, я спрашиваю о реальной фракции Церкви, которая называется «Живой церковью» и которую представляют Введенский, Боярский, Красницкий...

– Я с ними знаком мало.

– Вы в Церковь пошли идейно, вас должны бы как человека с высшим образованием, сенатора...

– Я никогда не был сенатором.

– ...члена Государственной думы интересовали эти вопросы более глубоко.

– Церковь так богата разносторонней духовной жизнью, что можно найти в ней интерес и удовлетворение и вне вопросов церковно-общественной жизни. В Церкви есть огромная мистическая жизнь.

После допросов обвиняемых суд стал вызывать свидетелей. Протоиерей Александр Введенский, один из главных свидетелей обвинения, на суде не был представлен, остальные свидетели обвинения говорили вяло и неубедительно, только протоиерей Владимир Красницкий действовал и говорил как функционер новой власти²¹.

Затем стали выступать официальные представители обвинения; в их речах не содержалось уже никакой информации ни о будто бы совершенных преступлениях, ни о самих обвиняемых. После них с 1 июля стали выступать представители защиты, один из которых, Я.С. Гурович, в заключение своей продолжительной речи сказал: «Граждане члены Революционного трибунала, что скажет история об этом процессе? Знаете, что скажет история и где она найдет материал, главный материал, о котором почти ничего не говорится... Она найдет на первой странице 5-го тома, где некий милицейский летописец, не мудрствуя лукаво и не думая о процессе, излагал свои впечатления по районам. <...> Вот что он пишет <...>: „1-й городской район. Операция по изъятию ценностей церковных 13 мая протекла удовлетворительно за исключением следующих незначительных эксцессов <...>. Все прошло очень хорошо – Смольнинский район. Операция протекла и закончилась вполне удовлетворительно“. <...>

И вот, пользуясь этим документом, будущий историк скажет: с 25 февраля по 4 мая в городе Петрограде происходило изъятие церковных ценностей, оно протекло блестяще, принимая во внимание фанатизм масс. Всего восемь случаев было насилий, из которых только одно сравнительно серьезно. И тем не менее было дело, судили восемьдесят семь человек^а во главе с митрополитом. <...>

Граждане члены Революционного трибунала <...>, я вас ни о чем не прошу,

^а Один человек умер в тюрьме до суда.

это бесполезно, но я говорю, что вашему спокойствию я нахожу противовес в спокойствии вот этого человека в белом клобуке, которого я защищаю. И он спокоен, он совершенно спокоен за свою участь. Если вы пошлете его на смерть, он – избранник рабочего народа – пойдет на эту смерть спокойно, скромно, как выходил сюда, благословляя всех без исключения и своих врагов, и друзей. <...>

К этому делу, граждане судьи, возможны два подхода: подход объективный, подход судебный, основанный на доказательствах. Вы подойдете к нему с этой стороны – я спокоен за результат дела. Доказательств нет. Есть другой подход, подход государственной целесообразности, подходите с этой стороны. Я этого также не боюсь. Свидетель Введенский, тот самый свидетель, который так авторитетен для обвинения, в своем показании, данном на предварительном следствии, <...> говорит в одном собрании: „Церкви предстоит одно из двух: путь мученичества или путь подчинения. Выбирайте“.

Граждане судьи, не ведите Церковь по первому пути, это большая политическая ошибка, не творите мучеников...»

4 июля подсудимым была предоставлена возможность сказать последнее слово; оно было выслушано в полном молчании – многие догадывались, что смертный приговор для некоторых обвиняемых предрешен.

«Второй раз в своей жизни мне приходится предстать перед народным судом, – сказал митрополит Вениамин. – В первый раз я был на суде народном пять лет тому назад, когда в 1917 году происходили выборы митрополита Петроградского. Тогдашнее Временное правительство и высшее петроградское духовенство меня не хотели – их кандидатом был преосвященный Андрей (Ухтомский). Но приходские собрания и рабочие на заводах называли мое имя. И вот в зале Общества религиозно-нравственного просвещения, где присутствовало около 1500 человек, я был, вопреки своему собственному желанию, избран подавляющим большинством голосов в митрополиты Петроградские. Почему это произошло? Конечно, не потому, что я имел какие-либо большие достоинства по сравнению с другими высокими иерархами, тоже кандидатами на этот высокий пост, а только потому, что меня хорошо знал простой петроградский народ, так как я в течение двадцати трех лет перед этим учил и проповедовал в церквях на окраинах Петрограда.

И вот пять лет я в сане митрополита работал для народа и на глазах народа и, служа ему, нес в народные массы только успокоение и мир, а не ссору и вражду. Я был всегда лоялен по отношению к гражданской власти и никогда не занимался никакой политикой. И советская власть, по-видимому, это вполне понимала, так как я никогда не получал запрещения ни в совершении богослужения, ни в праве объезда епархии. И в последний год, когда начался тяжелый вопрос об изъятии ценностей, было то же самое: власть вступала со мною в переговоры, принимала мои послания и отвечала на них, а 10 апреля на страницах своей печати поместила мое воззвание к верующим.

Так продолжалось дело до 28 мая, когда вдруг неожиданно я оказался в глазах власти врагом народа и опасным контрреволюционером. Я, конечно, отвергаю все предъявленные ко мне обвинения, еще раз торжественно заявляю (ведь, быть может, я говорю в последний раз в своей жизни), что политика была мне совершенно чужда, я старался по мере сил быть только пастырем душ человеческих. И теперь, стоя перед судом, я спокойно дожидаюсь его приговора, каков бы он ни был, хорошо помня слова апостола: „Берегитесь, чтобы вам не пострадать как злодеям, а если кто из вас пострадает как христианин, то

благодарите за это Бога“ [ср.: 1 Пет. 4, 15-16]».

Затем митрополит стал подробно говорить о других обвиняемых, убедительно показывая их полную невиновность в предъявляемых им обвинениях. В одном случае, когда митрополит не смог доказать правоту своего утверждения документально, он сказал: «Здесь старались выяснить вопрос, был ли подсудимый Бычков на собрании у Аксенова. Перед раскрытой могилой призываю имя Божие и заявляю: не был».

После этого наступила гробовая тишина, которую прервал председатель суда, сказав вдруг:

– Вы всё говорили о других, Трибуналу желательно знать, что же вы скажете о самом себе?

– О себе? – в раздумье повторил митрополит. – Что же я могу вам еще сказать о себе? Разве лишь одно...

Он минуту помолчал и затем при глубокой тишине притихшего зала из глубины беззаветно любящей Бога души спокойно сказал:

– Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре – жизнь или смерть; но что бы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за все! – и митрополит Вениамин перекрестился.

Выступивший вслед за ним с последним словом Юрий Новицкий заявил, что «привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем правления Общества объединенных православных приходов. В приписываемых же ему деяниях он совершенно не повинен. Но если советской власти нужна в этом деле жертва, то он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы советская власть этим и ограничилась и пощадила остальных привлеченных».

Иван Ковшаров в своем последнем слове пояснил, что «во время своей адвокатской практики ему приходилось выступать в военных судах, когда он как защитник, отстаивая жизнь подсудимых перед суровыми, непреклонными судьями, исполнителями воли власти, требовал строгого соответствия между преступлением и наказанием. Здесь также приходится говорить о том, что грозящее наказание никак не может находиться в соответствии с теми данными, которыми располагает обвинение». «Общественный обвинитель Смирнов неоднократно называл нас здесь лжецами, лицемерами, обманщиками, – сказал он. – Но он нас должен бы был назвать сумасшедшими, если бы мы вздумали начать войну с советской властью с целью ее свержения с армией баб и подростков. И это после того, как эту власть не могли свергнуть вооруженные организованные армии Колчака, Деникина, Юденича, поляков». В завершение своей речи Иван Михайлович шуточно заметил: «Для братской могилы в шестнадцать человек материала для обвинения мало».

Архимандрит Сергей в своем последнем слове сказал, что ему ставится «в вину его принадлежность к фракции националистов в Государственной думе. Но он в Думе не занимался политической борьбой, а работал исключительно в церковной комиссии. Монашество он принял не для того, чтобы скрыть под клубком свое политическое прошлое, а по своим религиозным убеждениям; никакой борьбы с советской властью не вел, вел только борьбу с самим собой». Затем отец Сергей ярко обрисовал картину аскетической жизни монаха, заметив, что, отрешившись от всех переживаний и треволнений внешнего мира, целиком отдавшись религиозному созерцанию и молитве, он одной лишь слабой

физической нитью оставался привязан к этой жизни. «Неужели же, – сказал он, – Трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен? Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас...»

Судебный процесс завершился. 5 июля 1922 года в три часа дня всех подсудимых доставили в здание суда для выслушивания приговора. Открытие заседания суда, в котором должен быть зачитан приговор, было назначено на шесть часов вечера. Однако в начале пятого стало известно, что заседание отложено до девяти часов вечера. Большинство обвиняемых находилось в это время в состоянии напряженного ожидания, в особенности те, кто ожидал приговора к расстрелу, как, например, протоиерей Михаил Чельцов, который вспоминал впоследствии: «Невольно хотелось – не столько от разговоров с другими, но от фигур их, от спокойного вида других, от их физиономий – получить надежду на доброе для себя <...>. Я старался внимательно всматриваться в настроение, в лицо митрополита Вениамина. <...> Но как я ни старался распознать что-либо в митрополите Вениамине, мне это не удавалось. Он оставался как будто прежним, каким-то окаменевшим в своем равнодушии ко всему и до бесчувственности спокойным. Мне только чудилось, что в этот день он был более спокоен и задумчиво-молчалив. Прежде он больше сидел и говорил с окружающими его, – теперь он больше ходил». Истинный монах, он совершенно отрекся от мира, всецело вручив себя воле Божией, зная, «что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5, 1).

Около восьми вечера подсудимых стали вызывать в зал судебного заседания. Сначала архиереев, затем всех тех, кому грозила смертная казнь, а затем всех остальных – для последнего снимка в зале суда. Около девяти часов вечера раздался звонок – к началу последнего заседания. В начале десятого было произнесено комендантом в последний раз для них: «Встать, суд идет».

Председатель Трибунала зачитал приговор. Митрополит Петроградский Вениамин, профессор уголовного права Петроградского университета и председатель правления Общества объединенных приходов Юрий Новицкий, юрисконсульт Александро-Невской лавры Иван Ковшаров, преподаватель военно-броневой автомобильной школы и секретарь правления Общества православных приходов Николай Елачич, настоятель Казанского собора протоиерей Николай Чуков, vikарий Петроградской епархии епископ Венедикт (Плотников), настоятель Исаакиевского собора протоиерей Леонид Богоявленский, профессор Военно-юридической академии Дмитрий Огнев, настоятель Троицкого подворья архимандрит Сергей (Шеин) и настоятель Троицкого собора протоиерей Михаил Чельцов были приговорены к расстрелу.

Выслушав приговор, отец Михаил снова внимательно взгляделся в лицо митрополита, но увидел на его лице лишь великое спокойствие, как будто приговор всего лишь подвел его к границе, через которую уже готова была перейти его душа и за которой начиналось вечное блаженство. И на душе у отца Михаила вдруг стало необыкновенно радостно и «хорошо – за него, за себя и за всю Церковь».

По окончании чтения приговора раздались многочисленные и дружные аплодисменты – это рукоплескали студенты Зиновьевского университета, этими рукоплесканиями невольно напоминая о событиях, происходивших когда-то во времена гонений на христиан в судах Римской империи. Для судей «спектакль» был окончен, и они, уже не в силах держаться той роли, которую играли все эти

дни, почти бегом ринулись из зала. Адвокаты были ошеломлены внезапностью их бегства и стали им вдогонку кричать: «Мы кассацию подаем... мы просим принять заявление, что мы подаем кассацию...» Но судей уже и след простыл. Затем покинули зал публика, обвинители и адвокаты. Остались лишь осужденные и конвоиры, еще теснее их окружившие.

Приговоренных к расстрелу отделили от остальных и, выведя на улицу, посадили в грузовик, который кольцом окружили конные курсанты. Все улицы следования печального кортежа были пусты – они заранее были очищены сотрудниками ГПУ от прохожих. Впереди и позади грузовика ехали конвоиры из ГПУ на двух автомобилях. Случайно попадавшихся людей разгоняли, извозчикам приказывали немедленно сворачивать с дороги. Приговоренных привезли в 1-й исправдом и поместили в нижнем этаже, в котором обыкновенно помещались смертники. Перед этим всех тщательно обыскали, у архимандрита Сергия отобрали лекарство. Почти всех разместили по двое. Архимандрита Сергия с протоиереем Михаилом Чельцовым, Юрия Новицкого с протоиереем Николаем Чуковым, Ивана Ковшарова с протоиереем Леонидом Богоявленским, Дмитрия Огнева с Николаем Елачичем.

Камера, в которой поместили архимандрита Сергия и протоиерея Михаила, была очень мала, это была одиночка, в ней стояла всего одна кровать, и каждый спешил уступить место другому; в конце концов уговорились разместиться на кровати вдвоем. Перед тем как лечь, поужинали привезенной из суда провизией и помолились. На следующий день надзиратели принесли вторую кровать и матрас. Отец Сергей был большим любителем церковного пения и все время что-нибудь тихонько напевал. Решили прочесть акафист Иисусу Сладчайшему, отец Михаил попросил помочь отслужить панихиду по своей матери, день именин которой приходился на 6 июля. Акафист читал отец Сергей, а отец Михаил подпевал, затем отец Михаил служил панихиду, а отец Сергей был за псаломщика. Вскоре принесли передачу, в ней оказался шестой том из творений святителя Иоанна Златоуста, чтение которого весьма утешило узников.

Отслужили всенощную под праздник Рождества Иоанна Предтечи – отец Сергей предстоятелем, отец Михаил – за псаломщика.

Наутро, 7 июля, совершили обедницу. Через некоторое время всем смертникам было объявлено, что они будут отправлены в Дом предварительного заключения на Шпалерную. Собрали вещи, часть лишней провизии была роздана нуждающимся арестантам, и вдруг отец Сергей, несколько подумав, мягко сказал: «А все-таки, отче, неизвестно куда нас повезут. Так же неизвестно, как мы станем там жить и что с нами приключится, а поэтому поисповедай-ка меня...»

Отец Михаил снял с груди крест, положил его за отсутствием аналоя на подоконник, через шею вместо епитрахили опустил полотенце и прочитал по памяти молитвы к исповеди. Отец Сергей исповедался искренне, горячо и слезно. Это была его последняя исповедь. После этого исповедался отец Михаил.

По дороге в тюрьму отец Сергей угощал всех, включая конвоира, только что переданной ему с воли клубникой; конвоир начал было отказываться, но отец Сергей по-отечески ласково заметил ему, чтобы он не боялся, ягоды не отравлены, так как они не думают еще умирать. По прибытии в тюрьму после тщательного обыска всех смертников развели по разным этажам и поместили в одиночные камеры.

«В эти первые дни <...>, – вспоминал впоследствии отец Михаил, – за нами, за нашим поведением в камере тщательно наблюдали. Бывало, отодвинут

чугунный засов с глазка-оконца в двери, и не успеешь подойти к двери, как уже наблюдающий глаз исчезает и заслон задергивает оконце. <...> О нас эти наблюдения могли одно лишь начальству доносить: всё-де молятся и по камере ходят».

Администрация тюрьмы на Шпалерной среди других сообщений доносила руководству ГПУ на Гороховую, что «митрополит молится по четырнадцать часов в сутки и производит на надзирателей самое тяжелое впечатление, почему они отказываются отнесения ими их обязанностей в отношении к нему», невозможно было со спокойной совестью сторожить приговоренного к смерти митрополита, отлично зная, что он не виновен.

После объявления приговора, 5 июля, протоиерей Александр Введенский направил письмо председателю Петроградского губисполкома Зиновьеву, в котором, признавая справедливость приговора и его политическую обоснованность – «моральное значение этого приговора <...> огромное, – писал он, – контрреволюция недопустима в Церкви, хотя бы она прикрывалась самыми возвышенными лозунгами», – все же просил помиловать приговоренных к расстрелу, потому что «приговор к расстрелу, приостановленный милостью <...> победившего пролетариата, <...> образумит пылкие головы церковных контрреволюционеров; фактический же расстрел создаст из этих церковников мучеников <...>, чего они, конечно, не заслуживают...».

На следующий день группа членов «Живой церкви» обратилась в Петроградский губисполком с письмом. «Преклоняясь перед судом рабоче-крестьянской власти», они просили помиловать всех осужденных к расстрелу, за исключением Ковшарова и Новицкого.

7 июля Зиновьев направил эти письма Сталину, сообщая, что выезжает в Москву вместе с представителем Трибунала. 12 июля в Москве состоялось совещание, в котором участвовали заместитель наркома юстиции, председатель кассационного суда и начальник «ликвидационного» 5-го отдела по проведению декрета об отделении Церкви от государства наркомата юстиции, давний сотоварищ Ленина, Красиков, начальник Секретного отдела СОУ ВЧК-ГПУ Самсонов, сотрудник 5-го отдела наркомата юстиции, снявший с себя сан священника, Михаил Галкин и сотрудник аппарата ЦК Попов. Совещание постановило, что «приговор, вынесенный Петроградским трибуналом от 5 июля 22 года <...>, находит вполне правильным и целесообразным. Всех лиц, приговоренных к высшей мере наказания, считает вредными и опасными и при создавшейся политической конъюнктуре подлежащими совершенному устранению; но если бы по политическим соображениям признано было необходимым пойти в максимальной мере навстречу ходатайству более лояльных слоев духовенства и, в частности, Высшего церковного управления и группы „Живая церковь“, то из числа десяти осужденных к высшей мере наказания совещание находило бы возможным смягчить участь лишь в отношении шести <...> лиц <...>, а в отношении <...> митрополита Вениамина, Новицкого Юрия Петровича <...>, Ковшарова Ивана Михайловича <...> и Шеина Сергея Павловича (архимандрит Сергей) <...> как лиц вдохновлявших, руководивших и вполне сознательно ведших контрреволюционную политику под церковным флагом, совещание находит смягчение им меры наказания нецелесообразным...».

13 июля члены Политбюро ЦК РКП(б) в лице Каменева, Троцкого, Сталина, Молотова, Томского, Рыкова, Зиновьева, Радека и Чубаря постановили: согласиться с мнением состоявшегося накануне совещания. Руководство страны

ясно давало понять, что их врагом является именно Церковь, и из членов Церкви они уже будут выбирать сами, кого приносить в жертву.

Одновременно был нанесен мощный удар по обновленцам, уничтоживший их как движение идейное. Для протоиерея Александра Введенского стало очевидно, что их авантюра с обновлением Церкви оказалась утопией, утопленной в крови невинных. 25 июля он направил ходатайство члену Политбюро и Президиума ВЦИК Рыкову, в котором просил помиловать хотя бы митрополита Вениамина и архимандрита Сергия. «Все дело обновления Церкви, – писал он, – попытка сделать ее не слугой буржуазии, а посильной помощницей пролетариату, находится в моральной и фактической зависимости от исхода приговора. Если вообще будут расстрелы – мы, „Живая церковь“ (и я, прежде всего, лично), будем в глазах толпы убийцами этих несчастных. Попытка оздоровления Церкви будет сорвана...»

Сразу после приговора защитник Юрия Петровича Новицкого Моисей Семенович Равич направил во ВЦИК ходатайство о помиловании, доказывая абсурдность смертного приговора тому, кто всю жизнь боролся за отмену смертной казни. «Как защитник его, – писал он, – приношу Верховному органу рабоче-крестьянской власти последнюю его просьбу: учесть то, что он всю жизнь боролся против смертной казни, что он всю жизнь свою посвятил брошенным чужим детям, а теперь ждет сам смертной казни 14-летнюю дочь без матери круглой сиротой».

В конце ходатайства дочь Юрия Новицкого Ксения подписала: «Я, дочь профессора Новицкого, умоляю рабоче-крестьянскую власть пожалеть моего отца, мать моя умерла в ноябре от тифа, и я остаюсь совсем одна. Я еще учусь и надеюсь быть полезной работницей в Советской России. Умоляю спасти жизнь моего отца».

18 июля, в день празднования памяти преподобного Сергия Радонежского, по ходатайству митрополита Вениамина администрацией тюрьмы было разрешено всем приговоренным к смерти причаститься. Святые Дары были доставлены сразу после литургии из расположенного рядом с тюрьмой Сергиевского собора.

После приговора Петроградского трибунала все защитники обвиняемых подали развернутые кассационные жалобы, в которых убедительно доказывали абсурдность приговора. 26 июля состоялось заседание Кассационной коллегии Верховного трибунала ВЦИК под председательством Ульриха, которая оставила приговор в силе. 2 августа Президиум ВЦИК через А.С. Енукидзе обратился к Сталину, прося Политбюро «пересмотреть свою директиву по данному делу». В тот же день Пленум ЦК РКП(б) постановил отклонить ходатайство Президиума ВЦИК о помиловании. 3 августа Президиум принял окончательное решение – приговор в отношении митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Юрия Новицкого и Ивана Ковшарова оставить в силе, остальным приговоренным к расстрелу заменить расстрел пятью годами лишения свободы.

Переживания митрополита Вениамина в дни перед расстрелом нашли свое отражение в написанном им после вынесения приговора письме к священнику. «В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, – писал митрополит. – Жалел свою душу, что времена не те и не приходится переживать, что они переживали.

Времена переменялись. Открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих.

Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек, избыточествуя утешением, не чувствует самых тяжелых страданий. Полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы приложить то состояние, в каком находится счастливый страдалец. Об этом я раньше говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевывание, обречение и требование этой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую самую черную неблагодарность, продажность, непостоянство и т.п. Беспокойство и ответственность за судьбу других людей и даже самую Церковь.

Страдания достигали своего апогея, но увеличивалось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше иметь ее нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и т.п. и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть и выдающихся пастырей (разумею Платонова): надо хранить живые силы, т.е. их, и ради этого поступаться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Чепурины, Вениамины и т.п. спасают Церковь, а Христос.

Та точка, на которую пытаются они встать, – погибель для Церкви. Это шкурничество. Надо себя не жалеть ради Церкви, а не Церковь жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эсэры: Гоц и т.п. Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить надобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века. Трудно давать советы другим. Благочинным надо меньше решать, да еще такие кардинальные вопросы. Они не могут отвечать за других. Нужно больше заключиться в пределы своей малой приходской церкви и быть в духовном единении с благодатными епископами. Нового поставления таковыми признать не могу. <...>

Пишу то, что на душе. Мысль моя несколько связана переживаемыми мною и моими соучастниками тревожными днями. Поэтому не могу распространяться относительно других дел...»

В субботу, 12 августа, около одиннадцати часов ночи приговоренных к расстрелу вывели из камер. Митрополит Вениамин, архимандрит Сергей, Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров, как передает церковное предание, были расстреляны 13 августа 1922 года на Ржевском полигоне на окраине Петрограда в лесу, примыкающем к Ириновской железной дороге, и погребены в безвестной общей могиле²².

Спустя месяц после этих событий протоиерей Павел Лахостский²³ писал священнику Михаилу Яворскому, служившему тогда в храме святой великомученицы Екатерины в Петрограде: «Впервые узнал я из Вашего письма об участии, какая постигла приснопамятного Владыку митрополита, отца Сергия и других. Вечная им память! Оба названные достойны славного венца мученического. Да примет Господь невинную кровь их во искупление грехов несчастной России! Так близки были оба они моему духу, особенно – первый! Ведь я был избран стоять во главе того епархиального собрания, которое вручило епархию епископу, потом архиепископу и, наконец, митрополиту Вениамину, и мне особенно напряженно пришлось участвовать в той борьбе, которая

сопровождала это избрание, потому что сильные мира во главе с Родзянко, председателем Государственной думы, были за епископа Андрея, а большинство ученых богословов за архиепископа Сергия. Теперь я спокоен в своей совести, что всеми силами был за епископа Вениамина: он оправдал наш выбор своею стойкостью, дошедшей до жертвоприношения за истину Божию! Память его с похвалами и правдивая история скажет ему похвальное слово, а суд Божий воздаст ему вечным блаженством».

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»
Тверь. 2016. С. 167-353

Примечания

¹ Ныне деревня Андреевская Няндомского района Архангельской области.

² Расположен в селе Понетаевка Шатковского района Нижегородской области.

³ «ВОЗЗВАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО СОБОРА ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН

Тяжкими тысячелетними усилиями, ценою страданий и жизни множества своих сынов народ наш создал величайшую в мире державу.

Много наша Родина имела врагов, которые нередко иступленно шли на нее, и иногда даже подчиняли ее себе и порабощали.

Но никогда, ни даже в тяжкие времена татарщины, не угасал дух народный.

Народ поднимался, свергал врагов-поработителей. И во главе этих движений народных, этих горячих стремлений к свободе, всегда стояла наша Церковь, вокруг которой объединялся народ.

Отвергая политику, вносящую рознь в единый народ русский, мы должны преклониться пред подвигом народа нашего, падавшего под ударами татар, при защите последних оплотов – церковью киевских. Мы преклоняемся пред памятью пошедших, с благословения преподобного Сергия, на ратное дело иноков Пересвета и Осляби и павших за свободу народа на Куликовом поле. Мы преклоняемся пред памятью иноков и народа, отстоявших среди голода, жажды и всякой скудости Троице-Сергиевскую лавру – пред подвигом Минина и Пожарского. Мы преклоняемся пред памятью святителя Гермогена, смертью своею запечатлевшего верность нашей вере, Родине и всему народу нашему.

Ныне снова враг ворвался в страну нашу, осквернил наши святые храмы, ограбил и сжег наши города и селения, – избивал жителей, насиловал женщин, захватил наши земли и истязует он бесчеловечно пленных братьев наших.

Миллионы русских людей бежали под натиском жестокого врага из веками насиженных мест, трупами своими устлали они путь отступления под расстрелом от вражеских ратей.

Среди тяжкого этого испытания нам ниспослано и другое тяжкое бедствие: среди народа нашего воцарилась рознь, – брат пошел на брата. Земля наша покрылась огнем и дымом пожаров, – мучительно стонет церковный набат, – слышны вопли ограбленных и погибающих. Родина наша оросилась братскою кровью даже тех, кто недавно сидел в окопах вместе с солдатами, с ними страдал, с ними проливал кровь и с ними погибал за народ свой на суше и на море... оросилась братскою кровью своих офицеров, униженных и погибавших от рук не врага, а от рук... младших братьев своих.

Первый, свободно избранный Петроградский епархиальный Собор, мы – миряне и духовенство, избравши по своему сердцу архипастыря своего, – взываем: „Безумцы, остановитесь! Забудьте распри! Враг у ворот столицы государства нашего. Под шум взаимных у нас распрей он ринется на нас, разорит нас, погубит дорогую нашу Родину, погубит свободу нашу. Вы не ведаете, что творите: ослепленные злобою, вы идете друг на друга, вы преступно проливаете братскую кровь!“

И мы, глубоко веруя в жизненность заветов матери нашей Церкви, в разум народа нашего, в светлое будущее свободной Родины нашей, громко взываем: „Остановитесь! Бросьте распри, –

отразите мужественно врага! Освободите, спасите Родину. Она – погибает!”

Помните, что – в единении сила. Мать Церковь зовет нас на подвиг святой!»

⁴ Ныне город Таллинн, Эстония.

⁵ «Смиранный Тихон, Божиею милостью Патриарх Московский и всея России, возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской

„Да избавит нас Господь от настоящего века лукавого“ [ср.: Гал. 1, 4].

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и пограны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности – совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбию и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: „согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имут“ (1 Тим. 5, 20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властию, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: „измите злаго от вас самех“ (1 Кор. 5, 13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александрo-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности.

Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И, наконец, власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми, и в частности над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: „Кто ны разлучит от любве Божия, скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?“ (Рим. 8, 35).

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной,

немедленно устроят духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: „созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей“ (Мф. 16, 18).

Тихон, Патриарх Московский и всея России.

⁶ «ПЕТРОГРАДСКОЙ ПАСТВЕ

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь (2 Кор. 13, 13).

24 мая исполнилась первая годовщина моего архипастырства. Мысленно обзираю протекший год. Много всяких чувств, воспоминаний, переживаний наполняет мою душу. Хочется облегчить ее, поделиться ими с моей паствю.

Избрание архипастыря на Петроградскую кафедру было одно из первых по времени.

Оно привлекло общее внимание.

Требовался святитель для замещения кафедры тогда еще столицы России.

Жива была традиция пользоваться архипастырями и пастырями Церкви Православной для проведения в народ тех или других политических идей. Правящая тогда политическая партия стремилась во что бы то ни стало возвести на Петроградскую кафедру архипастыря-общественника, который бы помогал ей в ее политической деятельности.

Православный простой народ своим непосредственным чутьем чувствовал, что вообще, а особенно во время борьбы и смены политических направлений, архипастырь должен быть прежде всего религиозный деятель, чуждый всякой политики, и желал иметь святителя не общественника, а молитвенника.

Жребий пал на мое достоинство.

Приучив себя смотреть на все происходящее в жизни моей как все решаемое по воле Божией, я со смирением безропотно принял на себя бремя архипастырства петроградского, как подаемое от руки Божией.

Своих избирателей я просил, чтобы они, явившие ко мне свою любовь и внимание в возложении на меня избранием тяжелого бремени архипастырства, свою любовь, молитвою и живым участием и сочувствием помогли бы мне и в несении этого великого бремени.

Ответом было пение величания священномученику Ермогену, Патриарху Всероссийскому.

Тот, кто запел его, до сих пор так и не может дать себе отчет: почему он запел величание именно этому святителю, а не кому другому.

Очевидно, в настроении собравшихся носилось общее задушевное желание, чтобы новый архипастырь был носитель идей этого великого архипастыря, народолюбца, положившего душу свою за паству свою.

Основная идея, которую мужественно и твердо отстаивал и проводил Святейший Патриарх Ермоген, была та, что вера православная – основа и сущность России. Всеми силами нужно беречь и охранять ее, эту душу живу народа русского. Иначе русский народ погибнет.

Мое пребывание во время кремлевского разрушения в Чудовом монастыре, спасение от разрушительных снарядов в бывшей темнице святителя Ермогена, заставило еще больше и глубже вникнуть в идеи этого архипастыря.

Всем своим существом я усвоил себе убеждения, что только в вере православной спасение народа русского. Вся свою деятельность я направлял и направляю к тому, чтобы поддержать и укрепить веру, воодушевить малодушных и утешить унывающих.

Везде и всюду, в Петрограде и вне его, в городах: Кронштадте, Ораниенбауме, Петергофе, в Царском Селе и деревнях и селах Лужского уезда я утешался общей верой нашей в Господа Иисуса Христа, молился с народом и учил его вере и любви Христовой.

Уровень религиозной жизни Петрограда начал подниматься. Храмы Божии стали наполняться богомольцами и окружаться прихожанами. Вера православная под свои знамена св[ятого] креста и хоругви стала собирать все больше и больше верующих людей независимо от их общественного положения и политических взглядов.

Духовенство из своей среды дало пастырей-священномучеников, приснопамятных протоиереев Иоанна и Петра.

Народ православный в массе созрел до готовности идти на подвиг мученичества и исповедничества и пожертвовать всем, даже жизнью, защищая веру, святыни православные и достояние церковное.

Учитывая это настроение православных, я счел своим долгом обратиться в Совет народных

комиссаров с предупредительным заявлением по поводу отделения Церкви от государства, на каковое, к сожалению даже, может быть, теперь и их самих, комиссары внимания не обратили.

Очевидным показателем для всех создавшегося религиозного народного настроения в Петрограде был незабвенный по своему значению не только в истории Петроградской, но и в летописях всей Церкви Русской крестный ход 21 января.

Начавшиеся по моему приглашению в дни Постной Триоди и Великого поста особые моления еще более закрепили и повысили религиозное настроение.

Детский пасхальный крестный ход и беспримерный по количеству участников и воодушевлению крестный ход в Фомино воскресенье воочию всех своих и чужих свидетельствуют об уровне религиозной жизни петроградской паствы.

Встреча мощей св[ятого] священномученика Патриарха Ермогена, восторженное, радостное ожидание приезда в Петроград Святейшего Патриарха Тихона является вполне естественным ее обнаружением.

Религиозное настроение паствы захватило и душу архипастыря. Он жил, вдохновлялся этой верой народной, которая окружила его любовью, охраняла и ограждала от всех нападков и оскорблений вражиих и вдохновляла его на подвиги.

Дорогие пастыри Церкви Петроградской, воспроизведите в своем сознании все пережитое нами в церковной жизни за минувший год моего архипастырства и еще раз напомните себе, что, исполняя свои пастырские священнические обязанности, вы совершаете дело величайшей важности, которое народ ценит и ставит соответственно ей весьма, весьма высоко.

Прежде всего и главное всего будьте молитвенниками, благоговейными совершителями богослужений, таинств, треб и всяких молитвословий.

К вам идут верующие люди в радости и печали, чтобы помолиться, дайте им эту возможность молиться и сами молитесь с ними, доставьте им то утешение, которое они ждут, и, поверьте, мзда и награда ваша будет многа не только на небеси, но и здесь, на земле.

Словом и непременно своим примером проповедуйте и разъясняйте учение Христово, что все мы братья, должны любить друг друга, служить друг другу, а не требовать, тем более не отбирать друг у друга.

Всякая политика, как реакционная, так и модная прогрессивная, должна быть чужда вас.

Пастыри не с аристократией, плутократией или демократией, не с буржуями или пролетариями, но со всеми и для всех верующих.

На нем нет и не должно быть никакой политической вывески, и под такой он не может выступать.

Царство Мое, как сказал Христос, не от мира сего [Ин. 18, 36], и никакой политической строй не может с ним совпадать.

Возлюбленные братья и сестры, все вы боговрученные мне чада паствы петроградской, стойте в вере, мужайтесь и укрепляйтесь [1 Кор. 16, 13].

Вера наша православная – это душа, жизнь народа русского, единственная наша надежда и спасение в переживаемых теперь нами великих потрясениях и бедствиях.

Она только одна может собрать нас, русских людей, независимо от общественного положения и политических партий, воедино и заставить почувствовать, что мы между собой братья, сестры, дети одной матери – Церкви Православной и одного Отца Небесного, сыны одной Родины.

Крепче, плотнее объединяйтесь вокруг ваших приходских храмов, чтобы охранить святыни и достояние их, уберечь душу живу русского народа, веру православную и сохранить в сердцах наших любовь Христову, от оскудения и недостатка которой мы так теперь страдаем.

Да будет в каждом приходе малая Церковь Христова, духовная семья, где не по имени только, а на самом деле есть отец и дети духовные.

Каждый член семьи приходской, большой и малый, мужчина и женщина, дитя и взрослый, принимай посильное и возможное, но деятельное и живое участие в жизни приходской, служа общему делу приходскому и живя его интересами.

Все вы, возлюбленные пастыри и пасомые, составляя одну семью духовную, одно стадо Христово, Поместную Церковь Петроградскую, содействующую благодати Св[ятого] Духа, преуспевайте в вере, любви и всяком благочестии, блюдя единение духа в союзе мира [1 Тим. 6, 11; Еф. 4, 3].

Да будете вы все, как дети, радующиеся об отце вашем, а я, ваш архипастырь, как отец, о чадах своих веселящийся.

Вениамин, митрополит Петроградский».

⁷ «В Совет комиссаров союза коммун Северной области

По долгу архипастырского служения моего, сознания ответственности перед Богом и верующим народом, во имя блага миллионов верующих и для успокоения десятков тысяч взволнованных и смущенных людей, почитаю совершенно необходимым, чтобы представители власти дали ясные ответы о причинах мероприятий, нарушающих правильное течение жизни церковной, несмотря на установленную законом государственным – свободу веры. Такими мероприятиями являются особенно участившиеся за последние дни аресты священно- и церковнослужителей и церковнодеятелей. Заключение их в тюрьмы без объяснения причин и поводов ареста, без предъявления обвинений и даже без возможности знать, где находятся заключенные и живы ли они.

Совесь верующего народа смущена и неустанно требует ответа, а я, митрополит Петроградский, изволением Божиим и народным избранием поставленный на высоту архипастырского служения, слышу немолчный голос своей паствы и тысячи обращенных ко мне запросов: „В чем же повинны лишенные свободы пастыри; если виновны, почему подверглись карам со стороны гражданской власти, а церковная власть молчит? Если невинны, почему церковная власть не возвысит своего голоса в защиту невинных?“

Церковь Православная и ее пастыри в соответствии с основами христианского учения и заветами церковными совершают свое служение независимо от того или иного государственного строя, формы правления и вида гражданской власти, признавая всякую власть посланной от Бога, дарованной народу по суду правды Божественной.

Но в исповедании Христовой истины Церковь оставалась и остается незыблемо твердой, перенося все мучения и гонения там, где требования власти вынуждают отречься от христианской веры. В защите веры Право славная Церковь следует духу Христова учения и завету свято-отеческому, признавая, что не мечами и стрелами, не посредством военных отрядов, а убеждением и советом возвещается истина (А[фанасий] Алекс[андрыйский]. История ариан, гл. 33).

В устройении земной жизни верующих Церковь стоит на основах истинного братолюбия, признающего равенство всех перед Богом и требующего служения ближнему до полного самопожертвования.

Слыша проповедь пастырскую в соответствии с указанными началами, паства ныне смущена и встревожена и требует ответа: виновны ли пастыри, и если виновны, то в чем? Если же не виновны, то не является ли преследование пастырей уже прямым гонением на Церковь Христову и веру христианскую? И тогда Церковь оказывается в худшем правовом положении, чем она была во времена открытых гонений от римских цезарей. Община верующих, оставшаяся без пастыря, без удовлетворения своих религиозных нужд, требует не оставлять их сырыми и духовно голодными, и тем не менее власть церковная не может удовлетворять этому народному требованию, ибо не знает, преступны ли в чем-либо насильственно удаленные пастыри и подлежат ли они замене другими лицами, или же они взяты от своего делания просто как пастыри и служители Христа, и тогда никакая замена новыми лицами невозможна и недопустима.

Ответ на это гражданская власть теперь же должна дать церковному народу во имя обеспеченного законом права народного – верить и молиться по велениям своей совести. Моля Бога о даровании мира и тишины земле нашей, по долгу архипастырского моего [служения] непоколебимо указываю на долг власти гражданской во имя блага народного дать вверенной мне Богом пастве возможность с душевным спокойствием и беспрепятственно молиться со своими пастырями в своих храмах.

Вениамин, митрополит Петроградский».

⁸ «Ваше Преосвященство, Милостивый Государь Конрад Петрович, почтенный представитель евангелического лютеранского вероисповедания в России, пред посещением новоизбранным Патриархом Московским и всея России Святейшим Тихоном Петрограда в нынешнем 1918 году от лица Евангелической лютеранской церкви выразили сочувствие свое восстановлению патриаршества в России и в особом адресе принесли сердечное благожелательное приветствие Святейшему Владыке и всей Православной Российской Церкви. Пользуясь столь сочувственным отношением последователей возглавляемой Вашим Преосвященством Евангелической лютеранской церкви в России благосостоянию Российской Православной Церкви ввиду происходящих ныне страшных преследований и гонений на Православную Церковь, выражающихся, между прочим, в многочисленных арестах православного духовенства в лице самых видных и выдающихся представителей его, каковы, например, известный всей России настоятель Казанского собора протоиерей Философ Орнатский, председатель Петроградского епархиального совета, профессор института гражданских инженеров протоиерей Михаил

Чельцов, благочинный протоиерей Александр Васильев и многие другие, томящиеся уже значительное время в местах заключения без предъявления к ним каких-либо обвинений и без всякого расследования и суда. Про большинство даже неизвестно, где находятся, в каком положении и живы ли они.

Позволяю себе сообщить о прописанном Вашему Преосвященству на Ваше благоусмотрение и просить братского участия к страдальцам и возможного содействия с Вашей стороны к прекращению гонений и преследований, к выяснению места нахождения заключенных, к установлению – кто из них жив и кто убит, скорейшему расследованию их преступлений и, за отсутствием последних, к освобождению заключенных. Страдают пастыри, бедствуют и их паствы, оставшиеся в наше теперешнее тяжелое бедственное время без духовного утешения. Так, например, в многотысячном петроградском приходе Екатерининской Екатериноградской церкви все три наличных священника арестованы. При сем не излишним считаю препроводить Вашему Преосвященству для видимости список духовных лиц Петроградской епархии, подвергнутых аресту, а также копию заявления, поданного мною в Совет комиссаров Северных коммун.

С истинным к Вам почтением и совершенной преданностью, честь имею быть Вашего Преосвященства покорнейший слуга Вениамин, митрополит Петроградский...

Его Преосвященству вице-президенту Евангелическо-Лютеранской генеральной консистории в Петрограде, Преосвященнейшему епископу Конраду Петровичу Фрейфельдту».

⁹ «В Петроградскую губернскую комиссию помощи голодающим.

Ввиду неоднократных обращений и запросов лично ко мне и выступлений в печати по вопросу об отношении Церкви к помощи голодающим братьям нашим я, в предупреждение всяких неправильных мнений и ничем не обоснованных обвинений, направленных против духовенства и верующего народа в связи с делом помощи голодающим, считаю необходимым заявить следующее.

Вся Православная Российская Церковь, по призыву и благословению своего отца, Святейшего Патриарха, еще в августе месяце прошлого 1921 г. со всем усердием и готовностью отозвалась на дело помощи голодающим. Начатая в то же время и в петроградских церквях по моему указанию работа духовенства и мирян на помощь голодающим была прервана, однако, в самом же начале распоряжением советской власти.

В настоящее время правительством вновь предоставляется Церкви право начать работу на помощь голодающим. Не медля ни одного дня, я, как только получилась возможность работы на голодающих, восстановил деятельность Церковного комитета помощи им и обратился ко всей своей пастве с усиленным призывом и мольбой об оказании помощи голодающим деньгами, вещами и продовольствием. Святейший же Патриарх, кроме того, благословил духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих, принести в жертву голодающим и драгоценные церковные вещи, не имеющие богослужебного употребления.

Однако недавно опубликованный в „Московских известиях“ декрет (от 23 февраля) об изъятии на помощь голодающим церковных ценностей, по-видимому, свидетельствует о том, что приносимые Церковью жертвы на голодающих признаются недостаточными.

Останавливаясь вниманием на таковом предположении, я как архипастырь почитаю священным долгом заявить, что Церковь Православная, следуя заветам Христа Спасителя и примеру великих святителей, в годину бедствий, для спасения от смерти погибающих, всегда являла образ высокой христианской любви, жертвуя все свое церковное достояние, вплоть до священных сосудов.

Но, отдавая на спасение голодающих самые священные и дорогие для себя, по их духовному, а не материальному значению, сокровища, Церковь должна иметь уверенность:

- 1) что все другие средства и способы помощи голодающим исчерпаны,
- 2) что пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим и
- 3) что на пожертвование их будет дано благословение и разрешение высшей церковной власти.

Только при этих главнейших условиях, выполненных в форме, не оставляющей никакого сомнения для верующего народа в достаточности необходимых гарантий, и может быть мною призван православный народ к жертвам церковными святынями, а самые сокровища, согласно святоотеческим указаниям и примерам древних архипастырей, будут обращены при моем непосредственном участии в слитки. Только в виде последних они могут быть переданы в качестве жертвы, а не в форме сосудов, прикасаться к которым, по церковным правилам, не имеет права ни одна несвященная рука.

Когда народ жертвовал на голодающих деньги и продовольствие, он мог и не спрашивать и не

спрашивал, куда и как пойдут пожертвованные им деньги. Когда же он жертвует священные предметы, он не имеет права не знать – куда пойдут его церковные сокровища, так как каноны Церкви допускают, и то в исключительных случаях, отдавать их только на вспоможение голодным и выкуп пленных.

Призывая в настоящее время, по благословию Святейшего Патриарха, к пожертвованию церквями на голодающих только ценных предметов, не имеющих богослужебного характера, мы в то же время решительно отвергаем принудительное отобраение церковных ценностей как акт кощунственносвятотатственный, за участие в котором, по канонам, мирянин подлежит отлучению от Церкви, а священнослужитель извержению из сана.

Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский.

1922. 5 марта».

¹⁰ Ныне отсутствует полнота сведений о проведении операции против Церкви, не все документы о которой в настоящее время рассекречены, хотя и не содержат в себе государственной тайны. Но даже из того, что известно и что можно видеть из уже рассекреченных документов, дело выглядело примерно так. Митрополит был позван на переговоры с представителями власти с письмом, содержание которого было ГПУ уже известно. Участником операции стал протоиерей Иоанн Заборовский, умный и преданный сотрудник спецслужб. В то время о нем упорно ходили слухи среди духовенства, что он обновленец и, следовательно, ему нельзя доверять. В связи с этими слухами ГПУ сочло, что он как секретный агент провалился, и собиралось его перевести в легальные обновленцы, сделав его соратником протоиерея Александра Введенского. Однако Заборовскому удалось убедить кураторов из ГПУ, что он еще сможет им послужить в качестве ценного сотрудника в различных секретных операциях, в частности связанных и с митрополитом Вениамином. Он был дважды впоследствии арестован ГПУ, но всякий раз после исполнения данного ему задания освобождался. Он хорошо понимал, что, вступив в тесное сотрудничество с ГПУ, он может сохранить свою жизнь лишь в том случае, если покажет себя действительно ценным сотрудником и если ГПУ убедится, что он работает «не за страх, а за совесть». Полученное образование (юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургская духовная семинария) позволяло ему быть еще и сотрудником квалифицированным. Если операция по аресту и осуждению митрополита была задумана заранее, то приход Заборовского в нужное время и в нужное место переговоров в Смольный являлся всего лишь частью операции по уничтожению митрополита Вениамина – получение от него письма при свидетелях и оглашение его во многотысячной аудитории, что стало впоследствии основным обвинением против митрополита. Все это уже становилось нормой советского права: обвинения в распространении документов, которые власть произвольно квалифицировала как антисоветские. В 1922 г. обвиненный в чтении послания Патриарха Тихона в Крестовоздвиженском храме села Палех священник Иоанн Рождественский вообще не имел никакого отношения к волнениям в Шуе, но был, однако, приговорен за чтение послания к расстрелу. Вряд ли митрополит Вениамин, в силу своего душевного благородства и духовной направленности на созидательную церковную деятельность, понимал, что, вручая письмо протоиерею Иоанну, он передает улику, доказывающую в глазах властей его вину, и что сами переговоры могут быть всего лишь ловушкой, частью операции, для последующего ареста и суда. Он беззаветно верил, что его искренняя вера, стремление к добру, душевная открытость и отсутствие двуличия убедят власти в его принципиальной лояльности по отношению к ним. Однако, будучи беззаветно предан интересам Церкви, он уже одним этим отрицал безбожие и, таким образом, шествовал к мученическому венцу.

¹¹ «В ПЕТРОГРАДСКИЙ ГУБИСПОЛКОМ.

В заявлении от 5 марта 1922 года за № 372, препровожденном на имя Петроградской губернской комиссии помощи голодающим, мною было указано, что передача церковных ценностей на помощь голодающим может состояться только при наличии следующих трех условий:

1) что все другие средства помощи голодающим исчерпаны,

2) что пожертвованные ценности действительно пойдут на голодающих и

3) что на пожертвование означенных ценностей будет дано разрешение Святейшего Патриарха.

Со всей определенностью указано на необходимость выполнения поименованных условий „в форме, не оставляющей никакого сомнения для верующего народа в достаточности необходимых гарантий“, я в то же время вопрос о форме выполнения этих условий оставил открытым, так как полагал, что до выяснений приемлемости самих условий всякие рассуждения о форме являются

преждевременными и нецелесообразными.

В день подачи мною указанного заявления я был вызван в Смольный в заседание Комиссии по изъятию церковных ценностей. Оглашенный лично мною на означенном заседании текст поданного мною заявления не вызвал никаких возражений по существу. Это обстоятельство в связи с последовавшими по содержанию обращения заявлениями представителей власти (о недопустимости насильственного отобрания ценностей, о реализации жертвуемых ценностей самими верующими под контролем гражданской власти, о предоставлении Церкви права благотворительности чрез открытие, например, питательных пунктов при храмах, о непосредственной закупке хлеба с иностранных пароходов и пр.) не оставило во мне никакого сомнения в том, что выраженная в моем заявлении искренняя готовность Церкви прийти на помощь голодающим на условиях, ею указанных, понята и оценена представителями власти по достоинству. Я тем с большим удовлетворением принял все вышепоименованные заявления представителей власти, что они самым убедительным образом рассеивали предубеждения многих верующих людей, склонных видеть и утверждать, что предпринятый по изъятию ценностей шаг преследует цель, ничего общего с помощью голодающим не имеющую.

Однако, к глубокому моему огорчению, появившиеся вскоре в газетах отчеты о заседании в Смольном, неправильно освещавшие ход происходившей там беседы, поколебали мое первоначальное впечатление, а затем сообщения командированных мною на особое заседание Комиссии в Губфинотделе моих представителей решительно меня убедили в полном несоответствии заявлений, сделанных в моем присутствии на заседании в Смольном, с вопросами, поставленными на обсуждение в Комиссии в Губфинотделе.

На заседании в Смольном мне было предложено назначить двух своих представителей в Комиссию для разработки деталей предъявленных мною условий. В действительности же мои представители оказались в составе Комиссии по ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ изъятию церковных ценностей. Таким образом создано положение, при котором мои представители в Комиссии должны, в сущности, СПОСОБСТВОВАТЬ гражданской власти безболезненному осуществлению неправомерного по каноническим правилам посягательства на церковное достояние, являющееся по нашей вере достоянием Божиим.

Ввиду создавшегося положения и в предупреждение дальнейших недоразумений и неправильных истолкований моих словесных и письменных обращений считаю долгом сделать следующее пояснение к моему письменному заявлению от 5 марта сего года № 372:

1) Вновь подтверждаю полную готовность вверенной мне Церкви Петроградской со всем усердием прийти на помощь голодающим, если только ей будет предоставлена возможность проявить свою благотворительную деятельность в качестве самостоятельной организации.

2) Если при развитии своей благотворительной деятельности Церковь исчерпает все имеющиеся в ее распоряжении на голодающих средства, а именно: сборы среди верующих денег, церковных ценностей, не имеющих богослужебного характера, продовольствия, вещей, займа и пр., а нужды голодающих и умирающих от голода братьев наших означенными источниками покрыты не будут, тогда я признаю за собой и моральное, и каноническое право обратиться к верующим с призывом пожертвовать на спасение погибающих и остальное церковное достояние, вплоть до священных сосудов, и исходатайствовать на такое пожертвование благословение Святейшего Патриарха.

3) Только при указанной в параграфах 1 и 2 самостоятельной организации благотворительной деятельности Церкви и возможно каноническое разрешение вопроса об обращении церковных священных ценностей на помощь голодающим. Немедленное же изъятие священных предметов, без предшествующего ему использования Церковью всех других доступных ей средств благотворения является делом неканоничным и тяжким грехом против Св[ятой] Церкви, призвать на которое паству значило бы обречь себя на осуждение Св[ятой] Церкви и верующего народа.

4) Настаивая на предоставлении Церкви права самостоятельной организации помощи голодающим, я исходил из предположения, что нужды голодающих столь велики, что Церковь вынуждена будет при развитии своей благотворительной деятельности отдать на голодающих и самые священные предметы свои, использовать которые по канонам и св[ято]отеческим примерам только и может непосредственно сама Церковь.

Если же предоставление Церкви самостоятельности в деле помощи голодающим будет признано почему-либо нежелательным, то тогда Церковь, отказываясь в силу канонической для себя невозможности от передачи священных предметов, все же примет самое широкое участие в помощи голодающим, но только путем сборов денег, продовольствия, вещей и церковных ценностей, не имеющих богослужебного характера, и передаст гражданской власти все

собранные суммы и предметы для израсходования их на голодающих и без требования даже какого-либо контроля со стороны Церкви.

Там, где свободе архипастыря и верующего народа не положено предела, мы можем пойти даже дальше, чем это принято в обычных формах общественной жизни; где же она встречается с ясными и твердыми указаниями канонов, там для нее нет выбора в способе исполнения своего долга; и я, и верующий народ, послушный Св[ятой] Церкви, должны исполнить этот долг вопреки всяким требованиям, тем более что самое дело помощи голодающим от этого нисколько не пострадает, а лишь изменится форма вспомоществования церковными ценностями, которые будут использованы для голодающих, но только не чрез чуждых Церкви лиц, а чрез освященные руки пастырей и архипастырей Церкви.

5) Если бы указанное в сем предложение мое о предоставлении Церкви права самостоятельной организации помощи голодающим гражданскими властями было принято, то мною немедленно был бы представлен проект Церковной организации помощи голодающим на рассмотрение и утверждение его гражданской властью. Если же такого согласия не последует и равным образом Церкви не будет предоставлено право благотворения и в ограниченной форме, то тогда мои представители из Комиссии будут мною немедленно отозваны, так как работать они мною уполномочены только в Комиссии помощи голодающим, а не в Комиссии по изъятию церковных ценностей, участие в которой равносильно содействию отобранию церковного достояния, определяемое Церковью как акт святотатственный.

6) Если бы слово мое о предоставлении Церкви права самостоятельной помощи голодающим на изъясненных в сем основаниях услышано не было и представители власти, в нарушение канонов Св[ятой] Церкви, приступили бы без согласия ее архипастыря к изъятию ее ценностей, то я вынужден буду обратиться к верующему народу с указанием, что таковой акт мною осуждается как кощунственно-святотатственный, за участие в котором миряне, по канонам Церкви, подлежат отлучению от Церкви, а священнослужители – извержению из сана.

Вениамин, митрополит Петроградский.

12 марта 1922 г.».

¹² «События последних недель с несомненностью установили наличие двух взглядов среди церковного общества на помощь голодающим. С одной стороны, есть верующие, принципиально (по тем или иным богословским или небогословским соображениям) не хотящие при оказании этой помощи пожертвовать некоторые ценности. С другой стороны, есть множество верующих, готовых, ради спасения умирающих, пойти на всевозможные жертвы, вплоть до превращения в хлеб для голодного Христа и церковных ценностей. (Голодающий – это Христос, Ев. Мф. 25, 31-46.) О необходимости всемерно прийти на помощь голодным и церковными ценностями со всей апостольской ревностью высказались авторитетные святители Церкви: архиепископ Евдоким, архиепископ Серафим, архиепископ Митрофан и ряд других иерархов, а также многие священники. Молва недобрая и явно провокационная объявляет лиц священного звания, так мыслящих, предателями, подкупленными врагами Церкви. Судьей их пусть будет Бог и собственная совесть. Однако то явно не христианское настроение, что владеет многими и многими церковными людьми, настроение злобы, бессердечия, клеветы, смешения Церкви с политикой и т.п. понуждает нас заявить следующее. Ни для кого из лиц знающих не секрет, что в Церкви всегда бывала часть принадлежащих к ней не сердцем, духом, а только телом. Вера во Христа не пронизала всего их существа, не понуждала их действовать и жить по этой вере. Думается, что среди именно этой части церковников господствует злоба, которая явно свидетельствует об отсутствии в них Христа. Болит от этого сердце, слезами исходит душа... Братья, сестры о Господе! Ведь умирают люди. Умирают старые, умирают дети. Миллионы обречены на гибель. Неужели еще не дрогнуло сердце ваше? Если с нами Христос, то где же любовь Его ко всем – близким и далеким, друзьям и врагам? Где любовь, которая, по слову Божию, выше закона? Где любовь, что готова прервать все преграды, лишь бы помочь? Ведь именно такой любви научил нас Господь. Неужели это непонятно? Бессердечие, человеческие расчеты, так печально выявившиеся в связи с голодом, принуждают нас определенно сказать: нет, нам, христианам, надо строить жизнь только по заветам Христа. В частности, по вопросу о церковных ценностях мы полагаем, что нравственный, христианский долг наш – идти на эту жертву. Ведь в принципе на это благословил нас и Патриарх Тихон, и митрополит Вениамин, и другие архиереи. Верующие охотно придут на помощь государству, если не будет насилия. (О чем же и заверяют нас представители власти.) Верующие отдадут, если надо, даже самые священные сосуды, если государство разрешит Церкви под самым, хотя бы строгим контролем, им самим кормить голодных, о возможности чего говорили представители власти. Так будем же готовы на

жертвы! и решительно отойдем от тех, кто, называя себя христианами, в данном вопросе смотрит иначе и, таким образом, зовет на путь равнодушия к умирающим от голода и даже на преступный, Христом запрещенный путь насилия в деле защиты церковных ценностей. Церковные люди! Одно лишь печальное недоразумение разделило нас по этому вопросу. Мы должны со взаимной любовью, со взаимным уважением, с горячей любовью к гибнущим от голода братьям нашим помочь им всем, даже жизнью своей. Этого ждет Христос!

Протоиереи: Иоанн Альбинский, Александр Боярский, Александр Введенский, Владимир Воскресенский, Евгений Запольский, Михаил Попов, Павел Раевский.

Священники: Евгений Белков, Михаил Гремячевский, Владимир Красницкий, Николай Сыренский.

Диакон Тимофей Скобелев».

¹³ «Слушали:

1. Предложение митрополита Вениамина по вопросу об изъятии церковных ценностей (декрет ВЦИК от 23/II-22 г.)

Постановили:

1. Допустить представителя верующих к участию в изъятии и учете церковных ценностей, упаковке их для отправки в Гохран для ЦК Помгола.

2. Считать необходимым установить гласную отчетность о движении ценностей.

3. Допустить представителя верующих к участию в делегациях, сопровождающих предметы довольствия голодающим.

4. Разъяснить верующим, что они имеют право индивидуально принимать непосредственное участие в деле помощи голодающим как личным трудом, так и работой на общих основаниях.

5. Комплекты священных сосудов и дарохранильницы, необходимые для совершения таинств, при невозможности заменить их немедленно теми же предметами из малоценных металлов, оставляются верующим по количеству престолов в церкви впредь до замены.

6. На тех же условиях оставляется по одному большому и одному малому Евангелию и кресту.

7. Хранилища мощей, не представляющие особой материальной ценности, и всенародно чтимые иконы, а именно: 1) икона Спасителя (в часовне Спасителя на Петрогр[адской] стороне), 2) икона Казанской Божьей Матери (в Казанском соборе), 3) икона Скорбящей Божьей Матери (на Шпалерной), 4) икона Скорбящей Божьей Матери (на Стеклянном заводе, за Невской заставой), 5) икона Скоропослушницы (2 Рождественская ул[ица]), 6) икона Тихвинской Божьей Матери (Исаакиевский собор), 7) икона святителя Николая Чудотворца (в Колпине), – могут быть оставлены верующим в настоящем их виде при условии замены ценности их металлом в соответствующем эквиваленте.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Замена может быть допущена лишь в срок, не превышающий семи дней, с момента начала работ Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей в каждом отдельном храме и при условии добровольного сбора среди верующих.

8. Местным приходским общинам предоставляется право в тот же срок и на тех же условиях, что указано в п. 7-м и примечании к нему, оставлять особо чтимые местные святыни.

9. Результаты настоящего совещания ни в коем случае не приостанавливают начатой работы по изъятию церковных ценностей.

10. Настоящие условия ПОЛНОСТЬЮ входят в силу с момента обращения митрополита с особым воззванием к верующим о помощи голодающим церковными ценностями, во исполнение декрета ВЦИК от 23/II-1922 года.

ПРИМЕЧАНИЕ: Проект воззвания митрополита необходимо согласовать в Петроградской губернской комиссии помощи голодающим.

Подписали: От Комиссии помощи голодающим:

И. Кондратьев

Ив. Бакаев

Уполномоченные Петроградского митрополита:

протоиерей Ал. Введенский

протоиерей Александр Боярский».

¹⁴ «ВЕНИАМИН ПЕТРОГРАДСКИЙ РАСКЛАДЫВАЕТ КОСТЕР ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СТРАНЕ, САМОЗВАННО ВЫСТУПАЯ ПРОТИВ БОЛЕЕ БЛИЗКОЙ К НАРОДНЫМ НИЗАМ ЧАСТИ ДУХОВЕНСТВА. КАРАЮЩАЯ РУКА ПРОЛЕТАРСКОГО ПРАВОСУДИЯ УКАЖЕТ ЕМУ ЕГО НАСТОЯЩЕЕ МЕСТО!

ПОСЛАНИЕ К ПЕТРОГРАДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАСТВЕ.

„Да все едины будут, яко же Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут“ (Ин. 17, 21).

Тревожно бьется сердце православных, волнуются умы их. Сообщение об отречении Святейшего Патриарха Тихона, об образовании нового Высшего церковного управления, об устранении от управления епархией Петроградского митрополита и т.п. вызывает великое смущение. Вместе с вами, возлюбленная паства, переживаю сердечную тревогу, со скорбью наблюдаю волнение умов и великое смущение верующих. Чувствую вашу чрезвычайную потребность слышать слово своего архипастыря по поводу всего переживаемого Церковью. Иду навстречу этой потребности. От Святейшего Патриарха никакого сообщения о его отлучении и учреждении нового Высшего церковного управления до сего времени мною не получено, поэтому во всех храмах епархии по-прежнему должно возноситься его имя. По учению Церкви, епархия, почему-либо лишенная возможности получать распоряжения от своего Патриарха, управляется своим епископом, пребывающим в духовном единении с Патриархом. Епархиальный епископ есть глава епархии. Епархия должна быть послушна своему епархиальному епископу и пребывать в единении с ним. „Кто не с епископом, тот не в Церкви“, – учит муж апостол, св. Игнатий Богоносец. Епископом Петроградским является митрополит Петроградский. Послушаясь ему, в единении с ним – и вы будете в Церкви. К великому прискорбию, в Петроградской Церкви это единение нарушено. Петроградские священники: протоиерей Александр Введенский, священник Владимир Красницкий и священник Евгений Белков, без воли своего митрополита, отправившись в Москву, приняли там на себя высшее управление Церковью. И один из них, протоиерей А. Введенский, по возвращении из Москвы объявляет об этом всем, не предъявляя на это подлежащего удостоверения Святейшего Патриарха. Этим самым, по церковным правилам (двукр. соб. прав. Василия Великого), они ставят себя в положение отпавших от общения со Святой Церковью, доколе не принесут покаяния перед своим епископом. Таковому отлучению от Церкви подлежат и все присоединяющиеся к ним. О сем постановляю в известность протоиерея А. Введенского, священника В. Красницкого и священника Е. Белкова, чтобы они покаялись, и мою возлюбленную паству, чтобы никто из нее не присоединялся к ним и через это не отпал от общения со Святой Церковью и не лишил себя ее благодатных даров. Слушайте пастыреначальника нашего, Господа Иисуса Христа. Да будут все едины с вашим архипастырем. Чтобы никто из вас не погиб, слушайте своего епископа со слов Господа. „Слушай вас, Мене слушает (Лк. 10, 16). Блюдайте единение веры в союзе мира (Еф. 4, 3), и Бог любви и мира да будет с вами [2 Кор. 13, 11]“.

¹⁵ «Обращение к петроградской православной пастве.

В настоящее время петроградская православная паства находится в чрезвычайном волнении, которое в иных местах переходит в открытые выступления, как мне официально сообщено государственной властью и некоторыми представителями духовенства, в выступления, явно нарушающие общественный порядок и тишину, навлекающие подозрения в политических побуждениях.

Такие обстоятельства могут принести губительные последствия для всей Церкви. Новые беды и испытания лягут не только на прямых виновников нарушения общественного порядка, но, может быть, и на многих невинных в чужих преступлениях.

Я обращаюсь ко всем верующим с архипастырским призывом к миру. Мир имейте и любовь христианскую между собой и успокойтесь в сознании, что я, как архипастырь ваш, стою на страже блага Церкви и уповаю с Божьей помощью это благо охранить и дать мир, к которому так стремится душа христианская.

Одним из поводов к волнениям и смущениям послужило, между прочим, известное послание митрополита Вениамина от 15 мая (ст. ст. – иг. Д.), где он объявляет отпавшими от церковного общения протоиерея Александра Введенского и всех присоединившихся к нему. Основанием к этому посланию для владыки была недостаточная наличность доказательств в том, что протоиерей Александр Введенский участвует в Высшем церковном управлении, имея на то благословение Патриарха Тихона. Рассмотрев данные, представленные мне протоиереем А.И. Введенским, и приняв во внимание новые доказательства, что такое благословение имелось налицо, я нашел возможным как непосредственный и законный преемник владыки митрополита Вениамина по управлению Петроградской епархией подвергнуть это дело новому рассмотрению. Протоиерей Введенский представил мне прошение, в коем он свидетельствует, что он желает быть верным сыном Православной Церкви, пребывает в каноническом общении со своим епископом и что сам он никогда не прерывал этого общения, и просит разрешить то тягостное недоразумение, которое произошло в настоящее время в связи с его действиями. Владыка митрополит сам считал достаточным для восстановления общения с протоиереем Введенским и теми, кто с ним действовал, представления ими исчерпывающих доказательств того, что они имели благословение Святейшего Патриарха.

Ввиду исключительных условий, в какие поставлена Промыслом Божиим Церковь Петроградская, и не решаясь подвергнуть в дальнейшем мире церковном какого-либо колебания, я, призвав Господа и Его небесную помощь, имея согласие Высшего церковного управления, по преемству всю полноту власти замещаемого мною владыки митрополита, принимая во внимание все обстоятельства дела, признаю потерявшим силу постановление митрополита Вениамина о незаконных действиях прот. Александра Введенского и прочих упомянутых в послании владыки митрополита лиц и общение их с Церковью признаю восстановленным. В тяжелую минуту церковных смут соединимся в любви друг к другу, будем молиться, чтобы грядущий Православный Церковный Собор успокоил все мятущееся и дал новые благодатные силы всем нам служить Господу и миру церковному.

„Тем же убо, – по апостолу, – мир возлюбим и яже к созиданию друг ко другу" (Рим. 14, 19).

Управляющий Петроградской епархией Алексей, епископ Ямбургский».

¹⁶ «Членов Собора около 550, из них 78 епископов, 149 в пресвитерском сане, 10 диаконов, 28 псаломщиков и 298 мирян. В составе членов Собора много ученых сил – 49 профессоров, не считая тех епископов, которые известны своими научными трудами, имеют степени магистра и доктора богословия и состояли ранее профессорами и ректорами духовных академий.

Деятельность Собора происходила в общих собраниях и в Отделах. Каждое положение, прежде чем поступить на рассмотрение общего собрания, обсуждалось сначала в Отделах. Всех Отделов было 21. Отделы эти следующие: 1) Уставный под председательством Высокопреосвященного Иакова, архиепископа Казанского. Он имел свою задачу рассмотреть устав нынешнего Собора и выработать устав для созыва будущих Соборов. Доклад этого Отдела еще был доложен общему собранию.

2) Отдел о Высшем церковном управлении под председательством Преосвященного Митрофана, епископа Астраханского. Отдел этот является основным. В этом Отделе был решен вопрос о восстановлении патриаршества, решение это принято и на общем собрании Священного Собора и приведено в исполнение. Рассмотрены были также доклады Отдела о правах и обязанностях Святейшего Патриарха, о распределении круга дел в органах Высшего церковного управления, Священного Синода, Высшего церковного совета и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего церковного совета, и были произведены выборы членов Священного Синода и Высшего церковного совета. Отделом составлен еще доклад с положением об избрании Патриарха. Теперь задачей Отдела является вопрос о митрополичьих округах и учреждении новых епархий.

3) Отдел об епархиальном управлении под председательством Преосвященного Георгия, епископа Минского. Отделом представлен доклад, где говорится об епархии, ее устройстве и учреждениях, епископе, епархиальном собрании, епархиальном совете, благочиннических округах и благочиннических советах. В последнее время Собором и рассматривался доклад этого Отдела, занятия Собора и прерваны были на рассмотрении этого доклада, так что при возобновлении занятий Собора вероятно, прежде всего, будет продолжаться рассмотрение этого доклада.

4) Отдел о церковном суде под председательством Высокопреосвященного Сергия, митрополита Владимирского. Он имеет задачу выработать проект о церковном судоустройстве, судопроизводстве и церковных наказаниях на новых началах, в частности рассмотреть жгучий вопрос о поводах к расторжению браков и бракоразводных процессах.

5) Отдел о благоустройстве прихода под председательством бывшего члена Государственной думы Василия Александровича Потулова. Отдел имеет задачу устройство приходской жизни. Работы Отдела еще не закончены, вследствие сложности вопроса и его жгучего характера, возбуждающего обширные прения. Во всяком случае, работы Отдела идут успешно и к тому времени, когда на общем собрании дойдет дело до этого вопроса, будут закончены.

6) Отдел о правовом положении Церкви в государстве под председательством Высокопреосвященного Арсения, архиепископа Новгородского. Отдел имел задачу определить, каково должно быть положение Церкви в государстве. Отделом был по этому вопросу составлен при участии научных сил канонистов доклад, который и был рассмотрен на общем собрании заседания Собора.

Если в других вопросах постановления Собора имеют самодовлеющее значение, то в этом вопросе они имеют вид только пожеланий Собора относительно того, в какую форму должно вылиться сосуществование Церкви и государства при будущем устройстве государства. Принятый на общем заседании доклад будет в установленном порядке представлен на рассмотрение государственной власти, когда эта власть примет определенное устройство. Этим Отделом

заканчивается ряд Отделов относительно устройства и управления. Затем идет ряд Отделов, которые касаются внутренней жизни Церкви.

7) Отдел о богослужении, проповедничестве и храмах под председательством Высокопреосвященного Евлогия, архиепископа Волынского. Он имеет задачу рассмотреть некоторые вопросы, относящиеся к церковному богослужению, архитектуре, зодчеству, живописи и т.п. К участию в работах Отдела привлечены лучшие художники – Васнецов, прочитавший здесь прекрасную лекцию о церковной живописи. В Отделе решено также возбудить ходатайство о прославлении Софрония, 3-го архиепископа Иркутского; убиенного Иосифа, епископа Астраханского, и некоторых других.

8) Отдел о церковной дисциплине под председательством Высокопреосвященного Владимира, митрополита Киевского. Отдел касается вопросов церковного быта. Здесь привлек внимание доклад профессора Томского университета протоиерея И. Галахова о положении женщин в церкви, о правах и обязанностях их в церковной жизни; в связи с этим рассматривался вопрос о диакониссах и т.п.

9) Отдел о внешней и внутренней миссии под председательством Высокопреосвященного Платона, митрополита Тифлисского. Отделом подготовлены: а) доклад с общим постановлением о внутренней миссии и уставом внутренней миссии и б) доклад по вопросу о материальном содержании и правовом положении деятелей внутренней православной миссии.

10) Отдел об единоверии и старообрядчестве под председательством Высокопреосвященного Антония, архиепископа Харьковского. Отделом подготовлен доклад об устройении единоверия, где между прочим проводится мысль об устройении единоверческих епархий; Отделом рассматриваются также вопросы о клятвах 1667 г.

11) Отдел о монастырях и монашествах под председательством Высокопреосвященного Серафима, архиепископа Тверского. Отдел рассматривал все материалы, которые обсуждались на монашеском съезде, бывшем в июле месяце 1917 г., в частности вопрос о монастырском хозяйстве. Этим Отделом заканчиваются Отделы, касающиеся внутренней церковной жизни. Затем идут Отделы, относящиеся к духовному просвещению.

12) Отдел о духовных академиях; почетным председателем Отдела состоит Высокопреосвященный Иаков, архиепископ Казанский, а председателем профессор академии, протоиерей А.П. Рождественский.

Отделом изготовлен доклад с общим положением о духовных академиях, который напечатан и внесен для обсуждения в общем заседании Собора.

13) Отдел о духовно-учебных заведениях под председательством Высокопреосвященного Иоанна, архиепископа Рижского. Отделом изготовлен напечатанный уже доклад о типе и управлении духовно-учебных заведений. Отдел заботился и о материальном положении деятелей духовной школы. Он обратил внимание на то, что до настоящего времени не были разассигнованы военные прибавки, которые в действительности были отпущены в распоряжение Хозяйственного управления при Святейшем Синоде, но деньги эти в количестве около 3 милл. не успели получить. Отдел был возмущен этим обстоятельством и не остановился пред тем, чтобы отправить в Петроград некоторых своих членов, чтобы исследовать дело. О результатах исследования было доложено Соборному Совету, который передал дело Святейшему Синоду, а Святейший Синод предписал Хозяйственному управлению в экстренном порядке принять все меры к разассигнованию назначенных средств, и эта разассигновка в спешном порядке была произведена.

14) Отдел о церковно-приходских школах под председательством Высокопреосвященного Назария, архиепископа бывшего Херсонского. Отдел был озабочен вопросом о положении церковно-приходских школ в связи с состоявшимся постановлением правительства о передаче этих школ в ведение Министерства народного просвещения. Им был изготовлен доклад, представляющий из себя протест против этой передачи. Священный Собор согласился с постановлением Отдела и не остановился пред тем, чтобы отправить в Петроград к Временному правительству делегацию, в состав которой вошли: архиепископ Тамбовский Кирилл, Н.Д. Кузнецов, протоиерей из Харьковской епархии Алексей Маркианович Станиславский и крестьянин А.И. Юдин. Министр исповеданий Карташев устроил прием этой делегации главою тогдашнего правительства А.Ф. Керенским. Делегация особого успеха не имела. Керенский заявил, что правительство не может изменить своей точки зрения [на] вопрос, но обещал, что будут приняты меры для смягчения приведения в исполнение этого распоряжения. Делегация имела другую задачу – выяснить вопрос о преподавании Закона Божия, что составляло задачу следующего Отдела.

15) Отдел о преподавании Закона Божия под председательством Высокопреосвященного Кирилла, архиепископа Тамбовского. Отдел по поводу предполагаемой отмены обязательности Закона Божия в школе был завален просьбами из разных мест, которых появился как бы целый дождь, о том, чтобы преподавание Закона Божия было обязательно наряду с другими предметами и ни в коем случае не было прекращено. Просьбы эти шли от разных лиц, собраний, крестьянских и других обществ.

Высокопреосвященный Кирилл беседовал по этому вопросу с главою Временного правительства Керенским, и здесь ходатайство встретило гораздо более сочувствия, чем по вопросу о церковно-приходских школах. Глава правительства признал культурное и воспитательное значение преподавания Закона Божия и сказал, что пожелания Священного Собора по этому вопросу не встретят противодействия со стороны правительства.

16) Далее идет Отдел о церковном имуществе и хозяйстве под председательством Высокопреосвященного Анастасия, архиепископа Кишиневского. Отдел имел задачу рассмотреть все церковное хозяйство, выяснить источники, которыми располагает Церковь на расходы в будущем, как устроить хозяйственную часть, когда Церковь или совсем лишится государственного пособия, или получит его в значительно уменьшенном объеме. Доклада по этим вопросам еще не было представлено, но Отдел в особенности озабочен удовлетворением настоятельной нужды по обеспечению содержанием преподавателей духовно-учебных заведений. Решено было взять в кредитных учреждениях под залог имеющихся ценностей до 5 милл. руб., но с закрытием банков положен был предел стремлению получить деньги таким путем.

17) Отдел о правовом и имущественном положении духовенства под председательством Преосвященного Андроника, епископа Пермского. Отделом представлен и рассмотрен Собором доклад о дележе братских доходов и готовится доклад о правовом положении духовенства.

Этим Отделом заканчиваются Отделы, которые имеют отношение к общей деятельности Церкви. Затем идут Отделы специального характера.

18) Отдел по устройству Православной Церкви в Закавказье в связи с объявленной грузинами автокефалией своей Церкви под председательством Высокопреосвященного Димитрия, архиепископа Таврического.

Вопрос рассматривался в Отделе с церковно-исторической и канонической точек зрения, причем Отдел внес принятое Собором предложение возбудить пред правительством ходатайство, чтобы в образованную без ведома Собора комиссию по распределению имущества между Грузинскою и Православно-Русскою Церквами были включены в одинаковом количестве представители Русской Церкви и по этому вопросу было сделано сношение с министром исповеданий, но Октябрьские события прервали переговоры.

19) Издательский Отдел под председательством Преосвященного Никандра, епископа Вятского.

Здесь одним из членов Отдела выражалось сетование на то, что недостаточно получается сведений о деятельности Собора. Но Собор был чрезвычайно озабочен этим вопросом. Едва ли не первые слова, которые раздались в этой палате и не умолкали до последнего времени, были о том, что необходимо приложить заботы о распространении сведений о Соборе в толщу, гущу народную. Вследствие этого на Издательский Отдел было обращено особенное внимание. Задачу осведомления о деятельности Собора взял на себя „Всероссийский Церковно-Общественный Вестник“, но он принял при этом направление, которое не встретило сочувствия у большинства членов Собора. Поэтому издание это было передано в другие руки. Редактором был избран протоиерей Пав.Ник. Лахостский, и тогда деятельность „Вестника“ приняла направление более соответствующее тому течению, которое разделялось большинством членов Собора. Но заботы Отдела состояли не в том только, чтобы иметь „Вестник“, а в том, чтобы издать все материалы о деятельности Собора. Здесь встретились чрезвычайные затруднения. Материалы очень обширны. Одни соборные деяния состоявшихся 65 пленарных заседаний Собора составят, по приблизительному подсчету, 6 томов по 20 печатных листов в каждом. Вследствие обширности материалов известия о деятельности Собора, как известно, очень запоздали. Положение затем сделалось еще хуже. Сознательно и намеренно захвачены 4 самые большие церковные типографии – Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Успенская, Почаевская и типографии Драндского монастыря, Сухумской епархии, типографии эти захвачены для печатания изданий, ничего общего не имеющих с Церковью.

Принимались все меры для возвращения типографий – обращение к правительству, протесты; некоторые присяжные поверенные предложили бесплатно защищать интересы Церкви на суде,

но все было напрасно. Дело стало принимать катастрофический характер, когда и Синодальная типография была захвачена. Остается теперь одна Московская Синодальная типография, но и она висит на волоске.

И вот возникает чрезвычайно острая нужда изыскать способ издания соборных материалов и сообщения сведений о деятельности Собора. Тот орган, который был до настоящего времени как бы трубою Собора, должен будет прекратить свое существование.

Собор останется как бы за каменной стеной, где члены Собора будут забываться, лишенные воодушевления и общения. Не удивляйтесь поэтому, если мы обратимся к Вам за помощью в этом отношении, иначе деятельность Собора может заглохнуть. На издание деяний Собора требуются большие средства. Так, на издание 6-ти деяний Собора потребуется 220-250 тысяч рублей, да и трудно найти типографию для отпечатания этих деяний. Мы мечемся во все стороны – обращаемся в частные типографии, даже в Японию; недавно отправлено письмо Преосвященному Сергию с просьбою уведомить, не может ли часть деяний Собора быть отпечатана там. И вот мы обращаемся и к Вам: помогите изыскать средства, но помогите не только деньгами, но и способами и советами печатать издания Собора.

20) Отдел личного состава под председательством Высокопреосвященного Митрофана, архиепископа Донского, который имел задачу рассмотреть полномочия членов Собора, и

21) Отдел редакционный под председательством Стефана Григорьевича Рункевича, задачей которого является приведение в систему и редактирование принятых Соборных положений.

Таким образом, Отделами изготовлены следующие доклады:

Отдел о Высшем церковном управлении:

а) о правах и обязанностях Святейшего Патриарха;

б) положение об избрании Патриарха;

в) о распределении круга дел в органах Высшего церковного управления.

Доклад Отдела об епархиальном управлении, об органах епархиального управления.

Доклад Отдела о правовом и имущественном положении Церкви в государстве.

Доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храмах – о проповедничестве.

Доклад Отдела о внешней и внутренней миссии:

а) доклад с общим положением и уставом внутренней миссии;

б) доклад по вопросу о материальном содержании и правовом положении деятелей внутренней православной миссии.

Доклад Отдела об единоверии и старообрядчестве – об устройении единоверия.

Доклад Отдела о духовных академиях.

Доклад Отдела о духовно-учебных заведениях.

Доклад Отдела о церковно-приходских школах.

Доклад Отдела об устройстве Православной Церкви в Закавказье в связи с объявленной грузинами автокефалией своей Церкви – по делу о провозглашении грузинами автокефалии своей Церкви.

Некоторые доклады еще не напечатаны.

Скажу еще несколько слов о деятельности Собора и о тех условиях, при каких происходили эти деятельности.

Мешали этой деятельности не только финансовые затруднения и трудность живого взаимного обмена, но и те важные события, свидетелями которых мы были. Эти события как бы врывались в эти тихие стены. На первых же порах Собору пришлось уклониться от непосредственных задач к вопросу о типографиях, который вызвал немало речей. Затем Собор был взволнован известием об опасности, которая угрожала от врагов Киеву. На совещании епископов возбужден был вопрос о том, как поступить со святыми мощами – должны ли быть они заблаговременно изнесены в случае усиления опасности или оставлены на прежнем месте. Большинство высказалось за то, что святыне мощи должны покоиться там, где они пребывали ранее.

Затем все вообще вопросы живой современности находили то или другое стремление на Соборе. Так, на Собор произвели сильное впечатление события на Кавказе, когда Экзарх Грузии оказался беженцем в своей епархии. Затем Собор волновало Учредительное собрание. Признавая, что Собор должен так или иначе высказать свое отношение к нему, Собор обратился с посланием ко всем чадам Православной Церкви, в котором между прочим говорил: „Да совершается избрание лучших людей России с нелицемерной молитвой, с сердечным памятованием о Боге, о небесной Заступнице нашей Матери Божией, о великих угодниках Российских и всех святых. Пусть носители веры призваны будут ухаживать ее болезни“. Собор обратился также с воззванием к воинству и флоту по поводу разрухи во всей народной жизни и

особенно в армии. „Кто изобразит, – говорится между прочим в этом послании, – весь ужас нынешнего нашего положения. Внутри страны разруха, на фронте измена. Сбитые с толку предателями и шпионами, злостно обманываемые врагом, целые полки оставляют позиции, бросают оружие, предаются товарищам, сдают города, дарят врагу огромную добычу, над мирными жителями чинить гнусные насилия. Среди воинов немало таких, что смеются над законом, глумятся над доблестью, издеваются над подвигом, избивают начальников, изменнически братаются с врагом и в то же время злодейски в спину расстреливают идущих в бой своих же героев... Вы, забывшие Бога и совесть, растлители в войнах чистой веры, убийцы их духа, разрушители устоев, на которых доселе крепили и развивались военная мощь и сила, ужаснитесь вашего сатанинского дела. Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих“.

Собор не мог отнестись безучастно к событиям, когда возникло так называемое Корниловское движение. Собор призывал щадить жизнь побежденных, которые хотели блага Родине... Не мог не отозваться Собор и на события, бывшие в конце октября и начале ноября. Он обратился с воззванием с приглашением воздержаться от самосудов. Но не одними словами посланий отзывался Собор на текущие события, а и самим делом.

Так, в ноябрьские дни, когда борьба приняла ожесточенный характер, митрополит Тифлиссский Платон, Преосвященные Димитрий Таврический, Нестор Камчатский, настоятель Макарьевско-Успенского монастыря архимандрит Виссарион, протоиерей Чернявский и крестьянин Юдин отправились в самые недра ведущую ожесточенную борьбу. Высокопреосвященный Платон с крестом в руках и в малом омофоре. Там пришлось им испытать разные издевательства, наконец один митрополит был допущен в Революционный Комитет, где обошлись с ним довольно прилично, приглашали сесть, но Высокопреосвященный предпочел опуститься на колени и умолять прекратить кровопролитную войну. Высокопреосвященный был поднят, и ему сказали, что борьба с этого дня прекращается. Высокопреосвященный просил пропуска и в Кремль, чтобы обратиться со словом примирения и к другой стороне, но в этом ему было отказано.

После прекращения борьбы до Собора дошли потрясающие душу слухи о самосудах, которые чинились над юнкерами, и Собор обратился по этому поводу с посланием. Когда затем юнкера и студенты обратились к членам Собора с просьбой принять участие в отпевании жертв войны, члены Собора охотно согласились на это, и Преосвященные митрополит Тифлиссский Платон, Нестор, епископ Камчатский, и другие члены Собора приняли участие в отпевании, которое происходило в церкви Большого Вознесения, а многие члены Собора присутствовали при отпевании.

Собор не оставил без попечения и тех жертв войны, которые зарыты были на Красной площади без отпевания. Митрополит Тифлиссский Платон говорил в Революционном Комитете по вопросу о христианском отпевании этих жертв войны, но хотя Собор и сделал распоряжение, чтобы было совершено отпевание им, если об этом будут просить, жертвы эти так и остались без отпевания, так как с просьбами об этом не обращались.

Члены Собора были озабочены еще и тем, чтобы охранить Кремль и его святыни от дальнейших посягательств. Как только представилась возможность, отправились туда митрополит, ныне Патриарх Тихон, и Преосвященный Нестор Камчатский, на глазах которого был убит около Кремля один полковник. Для описания повреждений Кремля была затем составлена особая комиссия. Грозные события не останавливали работ Собора. Под грохот пушек и треск пулеметов продолжались заседания Собора, на которых рассматривался тогда вопрос о восстановлении патриаршества. Грозные события способствовали ускорению этого дела. Записалось еще очень много ораторов, но за подписью 79 членов поступило предложение прекратить прения и перейти к решению вопроса по существу, что и было принято Собором. Вопрос о восстановлении патриаршества решен был утвердительно, избраны были три кандидата, а 5 ноября происходило избрание из этих трех кандидатов Патриарха посредством жребия. В поврежденном Успенском соборе невозможно было произвести этого избрания, и оно происходило в Храме Христа Спасителя, но при этом решено было доставить в этот храм из Успенского собора икону Владимирской Божией Матери, пред которой прежде всегда совершалось избрание Патриарха. Много пришлось употребить усилий, чтобы исхлопотать у завладевших Кремлем разрешение на отправление этой иконы в Храм Христа Спасителя. Разрешение было дано, но с тем, чтобы икона была отправлена не при торжественном крестном ходе, а незаметно. Долго затем отыскивали ключ от Успенского собора. И вот наконец икона Божией Матери, спасавшая русских от Тамерлана и поляков, теперь отправлялась в Храм Христа Спасителя как бы крадучись. Между тем, в Храме Христа Спасителя с тревогой ждали икону Владимирской Божией Матери, без которой торжество избрания Патриарха казалось неполным.

Волнение увеличивалось, когда в начале службы приходили недобрые вести о затруднениях, которые испытывали те, которым было поручено озаботиться доставкой иконы. Так прошло время до чтения Апостола. Но вот разнеслась радостная весть, что икона сейчас прибывает в храм, и священный трепет объял присутствующих. Таким образом избрание Святейшего Патриарха Тихона совершалось пред иконой Владимирской Божией Матери, и все видели в этом знак Божия благословения на это дело.

Настолование Святейшего Патриарха в Успенском соборе происходило 21 ноября. Известить об этом посредством печати не представлялось тогда возможным, но Собор употребил все меры, чтобы известить об этом православное население Москвы. Задачу эту взяли на себя члены Собора, которые отправились в разные храмы Москвы и сообщили через настоятелей или сами о предстоящем торжестве. Самое торжество сопровождалось большими затруднениями. Пропускали в Кремль всех, не исключая и митрополитов, через узкую калитку у Троицких ворот, затруднения увеличивались вследствие разных распоряжений: сначала экипажи пропускали до самых ворот, потом останавливались перед мостом, появились зачем-то всадники с оружием и т.п.

Вот при каких трудных обстоятельствах состоялось восстановление патриаршества и пришлось работать Церковному Собору».

¹⁷ Ныне город Умань в Черкасской области.

¹⁸ «12/VI-22 г.

Председатель: Скажите, для приходского священника, который работает в приходе, если он получает такое письмо в приходе, как это письмо, то мнение Ваше было для него обязательно или он мог не соглашаться с Вашим мнением?

Казанский: Мое письмо высказывало не мое мнение, а мнение церковное по этому вопросу.

Председатель: Как церковное?

Казанский: Как взгляд меня – епископа Православной Церкви на это дело.

Председатель: Это был Ваш взгляд? Вы высказывали свой взгляд?

Казанский: Да, это мой взгляд, как епископа Православной Церкви.

Председатель: Для такого священника это Ваше мнение в этом смысле было обязательно или не было обязательно, или мог он не согласиться?

Казанский: Это его было дело. Тут не заключалось никакого распоряжения, чтобы он согласился или нет. Митрополит высказал свое мнение.

Председатель: Вы высказали свое мнение. Это письмо получает приходский священник. Как он будет руководствоваться, как он должен руководствоваться? Он должен руководствоваться письмом в своих поступках и действиях? Там ставятся довольно практические требования к советской власти, насколько Вы помните.

Казанский: Там никаких требований не было.

Председатель: Те требования, которые выставлялись советской власти.

Казанский: Никаких требований не выставлялось. Там выяснялся вопрос: что же такое у нас происходит, изъятие церковных ценностей или пожертвование в пользу голодающих?

Председатель: Как Вы ставите вопрос?

Казанский: Нужно было пояснить, что будет совершаться у нас в Петрограде – изъятие ценностей на голодающих или пожертвование церковных ценностей на голодающих. Это весьма важно было уяснить этот вопрос, потому что я должен был обратиться к верующим, т.к. меня настойчиво просили с особым посланием, и мое заявление зависело от того, как этот вопрос решается: как пожертвование на голодающих или как изъятие церковных ценностей на голодающих.

Председатель: В чем же Вы видите разницу, изъятие для голодающих или пожертвование?

Казанский: Точка зрения разная. Вот изъяли меня, взяли мои документы, ко мне пришли произвести изъятие. Я стоял в стороне. Тут рассматривали и брали то, что хотели. Мое законное отношение к этим действиям заключалось в том, чтобы я не оказывал никакого сопротивления. „Вы это берите, а это не берите“.

Председатель: Вы не говорите о том, как Вас изъяли.

Казанский: Если действительно изъятие ценностей должно было произойти на голодающих, я должен был призвать верующих к тому, чтобы они относились спокойно, но чтобы они показали вещи присутствующим, какие у них есть, чтобы они указали то, что угодно. Если вопрос шел о пожертвовании на голодающих, тогда принимают участие в том сами верующие, буду принимать участие сам я, и это будет священным действием, священным актом. Для меня весьма важно было выяснить этот вопрос, и мне весьма важно было выяснить этот вопрос, потому что он не выяснялся даже до последнего времени.

Председатель: Этот вопрос Вы выяснили? У Вас была известная точка зрения?

Казанский: Для меня он не выяснялся, потому что все время призывали к пожертвованиям, даже когда в Смольный приходили два моих делегата, и тогда не выяснялся вопрос, потому что один из моих делегатов на собрании у нас объяснял, что у нас не будет изъятия, а дело ограничится пожертвованием для голодающих. Для меня это важно было уяснить, потому что я всегда был исполнителем гражданской власти.

<...>

Председатель: Расскажите, в какой плоскости было доложено Вашими представителями и в какой плоскости Вы обсуждали вопрос?

Казанский: Когда я был в Смольном, в конце моего присутствия...

Председатель: Относительно Вашего собрания.

Казанский: Оно было в связи с посещением Смольного.

<... >

Председатель: Что Вам доложили Ваши представители?

Казанский: Они доложили...

Председатель: Кто были представители?

Казанский: Профессор Новицкий и профессор Егоров. Они были вызваны по особой повестке в Комиссию по изъятию, в которой было сказано, что они вызываются на основании тех переговоров, которые были у меня в Смольном. Они явились в Комиссию, и им говорят, что никаких переговоров со мной не велось, этот ответ они мне и принесли.

Председатель: Вы этот ответ обсуждали?

Казанский: Я ответ обсуждал, потому что в этой Комиссии, в которой были мои представители, никого не было из тех, с кем я говорил в Смольном.

Председатель: Так что-то, что доложили представители, обсуждалось?

Казанский: Я сделал заявление, напомнил о том, что было в Смольном, потому что мне приходилось говорить с разными лицами.

Председатель: Результатом которого и появилось второе письмо в Исполком?

Казанский: Да. Выработки тут никакой не было, просто обменивались мнениями.

Председатель: Фактически мы договорились, что Вы обменивались мнениями по поводу этого письма?

Казанский: Нет.

Председатель: Кто редактировал это письмо?

Казанский: Тот, кто редактировал и первое письмо.

Председатель: Вы сами редактировали?

Казанский: Да.

<... >

Председатель: Чем объясняется то, что письмо возбудило такой интерес?

Казанский: Потому что в газетах началась ужасная травля о том, что митрополит не желает давать голодающим ничего, тогда как в письме обратное говорилось, что для голодающих нужно отдавать все церковное достояние и церковные сосуды. А в прессе распространялось о том, что митрополит ничего не дает.

Председатель: Как распространялось это письмо в приходе? Чем возбуждался интерес?

Казанский: Возбуждался вопрос о том, – как же смотрит митрополит на вопрос, нужно ли отдавать церковные ценности. В газетах говорят, что митрополит сидит на церковных ценностях, ничего не желает давать, такая карикатура была в виде царя Кощея...

Председатель: Отвечайте на вопрос, я Вас спрашиваю о том, каким образом письмо, адресованное в Исполком, получило такое широкое распространение и появилось в напечатанном виде по Петрограду?

Казанский: Интерес, который был, и этот интерес возбуждала пресса.

Председатель: Вы давали распоряжения распространить письмо?

Казанский: Не давал.

<... >

Председатель: Теперь скажите, в какой период времени Вы произносили речь в лавре?

Казанский: В лавре я произносил речь в воскресенье перед заговением, вероятно, числа 25-26 февраля, перед моим посещением Смольного.

Председатель: Какую точку зрения Вы развивали в лавре?

Казанский: Это было в тот день, когда совершалось в Петрограде особое покаянное моление.

<... >

Председатель: Какую мысль Вы высказывали в общем положении, как мыслили изъятие церковных ценностей?

Казанский: Я высказал, что для верующих совершается печальное явление, что надо молиться, чтобы этого печального явления не было, а то, что написано в обвинительном акте о том, что я призывал к противодействию верующих, – не было.

Председатель: Каким образом Вы мыслите изъятие церковных ценностей?

Казанский: Я говорил, что последнее время совершаются печальные явления для верующих сердец; закрыты некоторые домовые церкви, идет речь о том, что будет совершено изъятие церковных ценностей. Вспомните такой конкретный факт, что было собрание, на котором этот вопрос решался, – я указывал в своей речи, что в том собрании вопрос рассматривали некомпетентные люди, и может, когда верующие придут в церковь, там могут не оказаться церковные принадлежности, необходимые для совершения богослужения. Поэтому я и молился, чтобы этого не совершилось, чтобы такие печальные явления у нас не совершились.

Председатель: Вы призывали верующих к противодействию?

Казанский: Нет.

Председатель: Вы не говорили о том, что изъятие церковных ценностей есть святотатство?

Казанский: Не говорил.

<... >

Председатель: Скажите, в своем послании и письме в Смольный Вы все время указывали – в первом Вашем письме – на самостоятельность церковных организаций, в смысле помощи. Какими соображениями Вы руководствовались, как Вы мыслили эту организацию?

Казанский: Я указывал, что самостоятельный план организации не был представлен. Я указывал на то, как я и заявлял в Смольном о том, как значится в показании в деле, чтобы было предоставлено верующим право принять в этом участие.

Председатель: Почему понадобилась в Церкви, в благотворительных организациях самостоятельность?

Казанский: Мне нужно было охватить народное настроение, чтобы голодающим была оказана помощь от сердца. Я знаю психологию своих верующих, и я указывал, что надо было привлечь к участию весь народ. Я расположил своих верующих, надо было предоставить им возможность принять участие в деле, а между тем распространили слухи, что дело идет не о голодающих. И вот, чтобы противодействовать этим толкам, я и говорил.

Председатель: Тут вопрос не о верующих, а об оказании помощи голодающим.

Казанский: Я имел дело с верующими.

Председатель: Здесь вопрос об организации. Как Вы мыслите церковную организацию самостоятельной?

Казанский: Мы представили план, который вы рассматривали, где видно было, в каком виде вы могли разрешить участие верующих. Это могло быть и в ограниченном виде. Это у вас напечатано, это имеется в материалах.

Председатель: В 6-м пункте Вы пишете: в случае отказа самостоятельности организации, отказа Церкви в деле помощи голодающим, акт изъятия церковных ценностей Вы считаете кощунственным, святотатственным.

Казанский: У меня сказано: если без ведома верующих, он считается неприемлемым, и тогда верующие принимать участия в этом деле не могут.

<...>

13/VI-22 г. 1 час 20 мин. – 2 час. 20 мин.

<... >

Председатель: Обвиняемый Казанский, сообщите Трибуналу Ваш взгляд на изъятие церковных ценностей.

Казанский: На изъятие церковных ценностей вчера я уже свой взгляд высказал. В настоящее время церковное имущество передано духовенством, и духовенство распорядителем этого имущества не является. В отношении изъятия церковных ценностей – отношение должно быть, по моему взгляду, законное, т.е. мы не должны препятствовать этому изъятию, а должны относиться как к гражданскому распоряжению об изъятии. В подтверждение этого я ссылаюсь на то, что 13 марта мною были даны особые правила духовенству, как ему вести себя в таких случаях, когда совершается изъятие в том или другом храме.

Председатель: Скажите, обвиняемый Казанский, Вам известно письмо за подписью двенадцати священников?

Казанский: Известно.

Председатель: В чем выразилось Ваше официальное расхождение с этой группой священников?

Казанский: Расхождение выразилось в том: что они призывали жертвовать голодающим. Я им не высказывал порицания, а за то, что они в этом письме остальных обвиняют в контрреволюции. Тогда как таковой среди духовенства нет.

<...>

Государственный] обв[инитель]: По вопросу о церк[овных] цен[ностях] произошло ли это расхождение, раскол в Вашей епархии, или нет?

Казанский: Были отдельные действия, выступления.

Гос[ударственный] обв[инитель]: Так. Были. Они, эти выступления, закончились каким-нибудь актом с Вашей стороны, как административным, в смысле отлучения от Церкви?

Казанский: Нет, не было. Никакого отлучения за их выступления по поводу церк[овных] цен[ностей] не было.

Государственный] обв[инитель]: Да, но линия поведения их Вам известна и что Высшее церковное упр[авление] уже не находится в руках Патриарха?

Казанский: Мне это неизвестно. Мне известно только то, как было заявлено протоиереем Введенским, что Святейший Патриарх учредил, открыл новое Высшее церк[овное] управл[ение].

Государственный] обв[инитель]: Это устно или каким-нибудь документом имеется?

Казанский: Он заявил об этом и показал документ за подписью епископа Леонида, но документ без печати.

Гос[ударственный] обв[инитель]: Это не важно, печать.

Казанский: Я просил его, я говорю: представьте мне подтверждение, что действительно с благословения Святейшего Патриарха это делается. Когда переименовывается новое учреждение, то об этом обычно оповещается, что было такое-то учреждение, теперь вступает новое, об этом оповещается, чтобы знали. Потом является представитель...

<... >

Государственный] обв[инитель]: Так вот, возвращаюсь к вопросу о Высшем церковном управлении. Но Вы до сих пор не осведомлены о структуре, Вы не доверяете этому мандату?

Казанский: Не доверяю.

Гос[ударственный] обв[инитель]: А в смысле политического направления этой „Живой церкви“, или новой церкви, как она называется, Вы не осведомлены?

Казанский: Политически я сам ее не знаю, потому что я сам отношусь законно к гражданской власти и я аполитичен вообще.

Гос[ударственный] обв[инитель]: Протоиерей Введенский Вами отлучен от Церкви, скажите, за какие же прегрешения?

Казанский: Это указано в моем послании к Патриарху. Он отлучен за то, что отсюда трое священников, никем не уполномоченных, не взявших на это благословения, как там сказано, без воли своего митрополита поехали в Москву и приняли там на себя Высшее церковное управление, являются и начинают делать распоряжения в моей епархии.

Государственный] обв[инитель]: Если это действительно так есть, если это все подтвердится и Патр[иарх] Тихон действительно их назначил, то как быть с этим отлучением?

Казанский: Ведь там указано, чтобы покаяться, вот и нужно было это...

Государственный] обв[инитель]: Представьте, что Патр[иарх] Тихон согласен и что они представляют доказательства.

Казанский: Они представят – тогда я приму в общение их и тогда выяснится дело.

Государственный] обв[инитель]: А Введенскому, ему прежде чем делать какие-либо распоряжения, нужно было объяснить этот вопрос. У Вас тут некоторый карательный характер. Вы уже отлучили его, но у Вас судебной процедуры как будто не было.

Казанский: Там сказано, что он совершил такие поступки, которые указывают, что он этими поступками – оказывается вне Церкви. Может быть, это было ему не ясно.

Государственный] обв[инитель]: Вы, значит, имеете право любого протоиерея, священника отлучить от общения?

Казанский: Да, на основании церковных правил.

Государственный] обв[инитель]: И никакого суда Вы не обязаны делать?

Казанский: Судят потом.

Государственный] обв[инитель]: Но, может быть, можно сослаться, может быть, есть правила Ваши канонические, что Вы имеете право это сделать до суда?

Казанский: Я указывал протоиерею Введенскому, что он допустил такие нарушения правил, по которым он подлежит отлучению от Церкви. И пусть он покается, потому что иначе он поступает

как непокорный пресвитер и его собрания называются самочинными собраниями.

<...>

Гурович: Разрешите возвратиться для окончательного подведения итога к вопросу о Вашем взгляде на изъятие церковных ценностей. Я буду сейчас говорить против отдачи ценностей, не касаясь форм. Были в Вашей душе или совести какие-нибудь возражения против отдачи ценностей?

Казанский: Возражений против отдачи ценностей голодающим у меня не было, потому что я высказывал определенный взгляд о том, что нужно отдать на голодающих все церковные ценности.

Гурович: Следовательно, Ваши возражения сосредотачиваются на форме отдачи?

Казанский: Совершенно верно.

Гурович: Считали ли Вы с канонической точки зрения, по Вашему религиозному убеждению, возможным отдачу в виде пожертвований или считали возможным по религиозному убеждению ту же отдачу в виде результата активного содействия принудительному изъятию?

Казанский: Вопрос шел не только обо мне, но вопрос шел о привлечении к этим пожертвованиям моей паствы. Я могу только убеждать на это, я не мог ей приказывать, поэтому я по своей совести, по своему епископскому сану, [мог только] призывать их к пожертвованиям.

Гурович: Значит, Вы могли призывать Ваших прихожан к активности лишь в области изъятия, к активности призывать не могли?

Казанский: В области изъятия мог рекомендовать посильные пожертвования.

Гурович: Но по существу при обстоятельствах данного времени, т.е. отдача в виде пожертвования и изъятия, по Вашей мысли, приводило к вопросу о помощи голодающим. Только в одном случае Вы принимали участие, в другом давали своими руками. Скажите, считаете ли Вы, что между Вами и Патриархом Тихоном в этом вопросе, т.е. в вопросе не об отдаче по существу, а в вопросе только о форме самой отдачи, существуют какие-либо разноречия?

(Казанский молчит). Считаете ли Вы, что существуют разноречия, т.е. Вы полагаете, что мнение Патриарха Тихона сводится к тому же?

Казанский: Конечно.

<... >

Гурович: Теперь позвольте обратиться к первому обращению Вашему 6 марта. Вы кому-нибудь до этого обращения передавали о проекте Вашего обращения?

Казанский: Никому не передавал, никто не знал.

Гурович: Вы вели беседу накануне или несколько дней раньше в какой-нибудь церкви? Где вели, при каких обстоятельствах?

Казанский: По поводу обращения беседы нигде не вел.

Гурович: С духовенством не вели ли беседы 5 марта?

Казанский: 5 марта была только беседа в Исаакиевском соборе во время литургии с теми священниками, которые совершали со мной богослужение. В этой своей беседе я призывал сослужащих со мной священников, чтобы они были со мной единомышленны, что как я буду поступать, может быть, мой поступок покажется для некоторых как будто неприемлемым, но чтобы они, несмотря на это, все-таки были вместе со мной.

Гурович: А много лиц при этом было?

Казанский: Насколько я помню, сослужащих было около двадцати священников.

Гурович: В каком месте собора беседовали?

Казанский: В алтаре, после причастия велась беседа.

Гурович: О том, что Ваше обращение должно было быть на следующий день, Вы об этом не сообщали?

Казанский: Нет, только указывал, что сейчас мы переживаем очень серьезный момент и от меня, вероятно, будут просить ответа на поставленный вопрос. Какой я дам ответ, я об этом никому не сообщал, потому что я мог дать такой ответ, который для некоторых мог показаться неприемлемым, они могут удивиться этому ответу.

Гурович: Скажите, пожалуйста, когда Вы огласили Ваше первое заявление в Исполкоме, в котором, как Вам памятно, также имеется 3 пункта, то на Вас произвело впечатление в конце совещания, что все эти 3 пункта будут приняты?

Казанский: Да.

Гурович: В третьем пункте, между прочим, значится о том, что Вы просите или считаете нужным истребовать или испросить предварительно разрешение Патр[иарха] Тихона, его благословения. Этот пункт Вы считали в числе одобренных Исполкомом?

Казанский: Да. От осуществления этого пункта впечатление было такое – я брал на себя.

Гурович: В пределах Вашего впечатления не осталось ли той мысли или той надежды, что принудительного исполнения по форме не будет, или осталось все-таки впечатление, что та форма, которую Вы считали необходимой и полезной в целях религиозных и более успешного хода дела, не будет отвергнута?..

Казанский: Осталось такое впечатление, что принудительного исполнения не будет, и с таким убеждением я ушел. Этим впечатлением я поделился на заседании правления, где сообщил о том, как смотрят в Смольном. Это подействовало на всех присутствовавших. И потом, как я дополнял вчерашнее показание, пошел после этого в церковь.

<... >

Защит[ник Гурович]: Теперь, ввиду того, что обвинение затронуло вопрос об отлучении, я считаю это исключительно подведомственно духовному суду, тем не менее задам несколько вопросов по поводу отлучения Введенского. Прежде всего, вопрос о Введенском. Вы протоиерея Введенского давно знаете?

Казанский: Протоиерея Введенского я знаю приблизительно с 1918 года.

Защит[ник Гурович]: Хорошо знаете? Близко?

Казанский: Да, хорошо его знаю.

Защит[ник Гурович]: Он по характеру своей службы, своей должности находился в приближении к Вам?

Казанский: Одно время он находился в большом приближении, потому что он талантливый проповедник; он участвовал в тех богослужениях, которые я совершал, иногда я брал его в поездки.

<... >

Защит[ник Гурович]: Теперь перейдем к другому вопросу. То, что было названо отлучением, это было отлучение бесповоротное или было констатировано тем фактом, что данное лицо находится вне Церкви?

Казанский: Это отлучение не было бесповоротным, если бы оно было бесповоротным, оно бы сопровождалось лишением сана. Тут он сана не лишился, а ему был указан путь к возвращению – покаяния.

Защит[ник Гурович]: Удовольствовались ли Вы одним постановлением по этому предмету или Вы распорядились о том, чтобы Ваше постановление было сообщено официально в письменной форме?

Казанский: Вот это мое обращение, оно было препровождено Введенскому при моем письме. В этом письме я вспоминал прежнюю его деятельность, обращение его с паствой и все то доброе, что было им тогда пережито, и чтобы он оставил тот путь отречения от Церкви, который он ведет, чтобы он покался и исправился.

Защит[ник Гурович]: Скажите, если бы Введенский представил Вам бесспорное формальное доказательство, что высшее учреждение, в котором он участвует, образовано с разрешения Патриарха Тихона, то эта причина к Вашему постановлению отпала бы и автоматически само постановление также отпало бы?

Казанский: Отпало бы, конечно.

Защит[ник Гурович]: Если бы протоиерей Введенский, скажем, на другой день после Вашего постановления заявил, что он раскаивается в своем образе действия, Ваше постановление потеряло бы силу или нет?

Казанский: Конечно, так и было, там сказано.

Защит[ник] Гурович: Ему возвращается право осуществлять свои обязанности священнослужителя?

Казанский: Да.

<... >

Защит[ник Гурович]: Один последний вопрос: Вас спрашивали со стороны обвинения о Вашем отношении к деятелям заграничного духовенства и в том числе о той части, которая входила в Вашу епархию? Когда она вышла из-под Вашей духовной власти, Вы считали вправе на эту часть заграничной, запредельной епархии налагать какие-либо духовные кары?

Казанский: После того как прервано было с ней общение, я уже не мог, особенно когда там образовалось особое церковное управление, – эта часть была выделена у меня. Что касается отношения моего по Карловицкому собранию, то я уже заявил, этим я не интересуюсь, слышал только так, я всегда был аполитичен, был против участия духовенства в деле гражданском, потому что я был ставленником, отчасти преемником митрополита Антония, который был против участия

в Государственной думе духовных лиц. Это было его заявление на одном из последних заседаний перед смертью, в Синоде. Этот взгляд я усвоил и всегда этот взгляд внушал духовенству и стоял и стою за то, чтобы оно ни в каких политических партиях, политических деяниях участия не принимало.

<... >

Защитник Жижиленко: Позвольте Вам предложить только один вопрос. Когда Вы писали свое обращение – первое, затем второе письмо, – то Вы представляли себе, что в случае, если эти обращения будут распространены среди верующих, они могут возбудить религиозное чувство в таком смысле, что будет оказано сопротивление советской власти, и было ли у Вас при этом представление о том, что Вы подобным путем можете оказать содействие той части международной буржуазии, которая стремится к свержению власти рабоче-крестьянского правительства?

Казанский: Предположения о том, что возможно вызвать какое-нибудь противодействие, у меня не было, наоборот, я тут видел другую мысль: что все церковные ценности должны быть пожертвованы на голодающих. Эта мысль для большинства православных, она казалась новой – о том, что можно жертвовать – священные сосуды и святыни наши на голодающих. Я мог ожидать, что совсем другое в них создастся настроение, что они усвоят эту мысль: действительно ли на голодающих нужно отдавать священные сосуды...

Защит[ник]: Я спрашиваю еще раз: было ли у Вас представление о том, что таким путем Вы можете оказать содействие буржуазии, которая стремится к свержению советской власти?

Казанский: Я не имел никакого отношения к ней.

Защит[ник]: Я спрашиваю потому, что этот пункт является одним из основных пунктов предъявленных Вам обвинений.

Казанский: Я себя виноватым в этом не признаю.

<... >

Обвинитель Драницин: Скажите, пожалуйста, что, по Вашему убеждению, как изъятие ценностей, так и пожертвование церковных ценностей на голодающих вполне допустимы, так я Вас понял?

Казанский: По моим церковным правилам?

Обвинитель: Тут различалось активное участие и пассивное отношение, – то и другое допустимо по церковным правилам?

Казанский: Нет, по церковным правилам там только одно есть – пожертвование.

Обвинитель: А как относительно пассивного отношения, допустимо ли такое изъятие или недопустимо?

Казанский: Церковные правила знают только одно добровольное пожертвование.

Обвинитель: А такое изъятие по церковным правилам допустимо или недопустимо?

Казанский: Правила различаются, по каким правилам: по правилам Собора или вообще по законам церковным?

Обвинитель: Но как Вы смотрели на это, мне важна Ваша точка зрения?

Казанский: Я имел в виду то, что духовенство не совершает никакого преступления церковного, если оно пассивно относится к этому изъятию.

Обвинитель: В результате как же, допустимо или недопустимо?

Казанский: Я считал недопустимым только при принудительном изъятии активным участием.

Обвинитель: Вот к этим-то, которые принимают активное участие, Вы хотели применить пункт относительно отречения от Церкви и к тем, которые принимают участие в активном участии? Но Вы же сами сказали, что Вы подчиняетесь гражданской власти и тем распоряжениям, которые она издает. Декрет о чем говорил – о пожертвовании или об изъятии? Декрет говорил об изъятии. Значит, тут у Вас получилось противоречие?

Казанский: Никакого противоречия не получилось, как я вчера и объяснял. Ведь изъятие совершается без участия тех...

Обвинитель: А те, которые изымают, они же должны быть отлучены от Церкви. Они изымают по распоряжению гражданской власти. И как их нужно различать в отношении к Церкви, они враги или друзья? Терпимы или нет эти люди?

Казанский: Я считаю их не друзьями, не врагами. Я приглашаю всех верующих относиться с любовью, по-христиански.

Обвинитель: Как же?

Казанский: За то, что они изымают, их не бить, не поносить, не ругать, не убивать. У меня это очень определенно в моем обращении к пастве заявлено.

<... >

[Обвинитель] Красиков: Декрет говорил ясно и не оставляет сомнений. Декрет есть определенный приказ, что ценности должны быть изъяты, это есть акт гражданской власти.

Казанский: Раз это был декрет и он был бы сразу объявлен, то мы провели бы его целиком со всей строгостью. Тогда не о чем было бы рассуждать. На самом деле это было не так.

[Обвинитель] Красиков: В чем не так?

Казанский: До последнего времени, когда последние делегаты были в Смольном, они заявляли, что, может быть, никакого изъятия и не будет совершено.

[Обвинитель] Красиков: Выходит так, что декрет не оставляет никакого сомнения, а Ваши переговоры предоставляли Вам возможность как будто изменить декрет.

Казанский: В Смольном гражданином Комаровым было употреблено выражение, что мы изменим декрет, что, может быть, нам будет дано разрешение...

[Обвинитель] Красиков: Вы не отвечаете на вопрос. Вы надеялись на то, что будет изменен декрет и отменят действие декрета в сторону, Вам желательную?

Казанский: Не изменить, мы со своей стороны задумали совершать добровольные пожертвования – цель была бы достигнута одна и та же, и она не считалась бы за принудительное изъятие, а за пожертвование.

[Обвинитель] Красиков: Этим самым, взявши все сосуды по декрету, и в ультиматуме не являлась бы необходимость.

Казанский: Мне нужно было призвать верующих к пожертвованиям.

[Обвинитель] Красиков: Кто мешал призвать верующих, почему это было нужно?

Казанский: Потому что мое обращение к верующим о принятии участия в пожертвованиях...

[Обвинитель] Красиков: Почему? Ведь не Вы слушаете верующих, а Вас верующие?

Казанский. Мне нужно призвать так, чтобы они поняли меня, послушали.

[Обвинитель] Красиков: Вы хотели приноровиться к уровню темных масс?

Казанский: Нет, я к массам не обращался.

[Обвинитель] Красиков: Вы говорили, что Ваша точка зрения, что по декрету нужно отдать.

Казанский: По декрету нужно отдать церковные ценности, я и говорю: мы своими собственными руками берем и вам отдаем.

[Обвинитель] Красиков: Вы говорите, что с христианской точки зрения не запрещено отдавать все сосуды?

Казанский: Декрет ВЦИК говорит о том, что нужно их отдать, а мы своими собственными руками берем и вам их отдаем.

[Обвинитель] Красиков: Чем Вы руководствовались?

Казанский: Церковная история говорила, что нельзя дать.

[Обвинитель] Красиков: Почему?

Казанский: Потому что я читаю самое сильное и яркое место, и я предполагал выдержки напечатать святителя Амвросия Медиоланского, как он это делал.

[Обвинитель] Красиков: Когда это было?

Казанский: В IV веке, как он относился к народу, как он их убеждал.

[Обвинитель] Красиков: В IV веке Амвросий убеждал население той или другой страны в начале христианства.

Казанский: Это был расцвет христианства. Если бы теперь восстановилась христианская жизнь, мы должны бы следовать этому примеру.

[Обвинитель] Красиков: Вы считаете, что уровень понятий 20-го столетия тот же, что и в IV веке?

Казанский: Христианство всегда было, христианство вечно, что было при Христе и что было при апостолах, то и остается для верующих и в настоящее время.

[Обвинитель] Красиков: Так что Вы и руководствуетесь пониманием IV века?

Казанский: Я руководствуюсь евангельским пониманием и заявляю как епископ Православной Церкви.

[Обвинитель] Красиков: Как епископ Православной Церкви Вы говорите: все можно отдать для голодающих, когда они нуждаются.

Казанский: Я прошу разрешить нам отдать голодающим и принять в этом деле участие, потому что по-христиански мы должны и впредь отдавать и творить эту милостыню.

[Обвинитель] Красиков: В чем Вы понимаете христианство?

Казанский: В деятельности, в жизни.

<... >

[Обвинитель] Смирнов: Распоряжение Патриарха Тихона единоличное для всех церковнослужителей обязательно?

Казанский: Святейший Патриарх отдает распоряжения не лично священнослужителям, а отдает через епископа, дает такие распоряжения и каждый епископ своей епархии, рассылает такие распоряжения к обязательному исполнению. Для этого присылают известное распоряжение. Так у нас и было в деле помощи голодающим. Была разослана особая инструкция, я разослал по епархии для исполнения».

¹⁹ «13 июня.

Председатель: Может быть, Вы припомните, что на заседании правления Вы обсуждали-таки вопросы и как раз об изъятии церковных ценностей.

Новицкий: Я припомню, как шло заседание правления, здесь вопрос о церковных ценностях был изложен, – это было заседание 6 марта. До этого дня была Комиссия о помощи голодающим, но 6 марта в заседании правления заслушано сообщение митрополита, причем оно заслушано из его уст. Он пришел в заседание правления, вынул бумагу и огласил ее, сказавши, что это то письмо, которое он сегодня днем передал в Смольный. Митрополит прочел это письмо и сразу же сказал, что в Смольном нашли, что Церкви будет дана возможность самой прийти на помощь голодающим, и что митрополит призывает верующих к тому, чтобы они все церковные ценности передали на голодающих в том порядке, как сказано в воззвании или в обращении. Митрополит сказал, что в Смольном ему не только это обещали, но что мы получим и право благотворительности. Этот вопрос, в частности, интересовал некоторых членов правления, меня, между прочим, и что мы получим право открывать столовые для голодающих, и даже не только на свои собственные средства целиком, но что в Смольном обещали, что половину содержания расходов столовых они возьмут на себя.

Пред[седатель]: Скажите, после доклада митрополита какой обмен мнениями состоялся?

Новицкий: После доклада митрополита, который был прочтен, было предложено пропеть тропарь, какой – я не помню, но что пропели, я помню, после того, когда митрополит прочел.

Пред[седатель]: Нас не интересует пение, а мнение по поводу доклада митрополита какое было.

Новицкий: Член правления Ковшаров сообщил, что был на заседании в Смольном и все слышал, и все подтверждает. Митрополит заявил, что я пойду служить акафист в подворье, и ушел. Виноват, он предложил правлению следующее: я, говорит, посылаю своих представителей в Комиссию, которая будет образована в Смольном по вопросу об участии Церкви в пожертвованиях.

<... >

14 июня.

Председатель: Может быть, Вы скажете так, что духовенство ставило вопрос о самостоятельной организации и с этой точки зрения оно только и собиралось помочь, а если Вы не представите самостоятельной организации, никакой помощи не окажете.

Новицкий: Нет, не только потому. Когда в 1-м городском районе постановили произвести первый денежный сбор в пользу голодающих, я предложил, чтобы это было сделано во всех районах Петрограда. И я должен сказать, это было принято, но чтобы больших пожертвований поступило, я не слышал. Я слышал только об одном пожертвовании Заборовского, а затем о Введенском я читал в газетах. Это было, несомненно, и в других церквях. Я не помню, может быть, забыл, но эти два пожертвования – они очень показательны. Я знаю их суммы.

Председатель: Значит, Ваше личное мнение, что духовенство было инертно?

Новицкий: Я считаю данное объяснение до сих пор правильным, а именно это вот неумение жить в тех новых условиях, которые сейчас создались.

Председатель: Скажите, почему духовенство не могло разрешить вопрос чисто принципиальный? Ведь, когда договаривались с Канатчиковым, тогда вопрос был принципиального характера?

Новицкий: Нет, тогда вопрос не ставился принципиально.

Председатель: Как не ставился – разговор был о воззвании.

Новицкий: Очень расплывчато.

Председатель: Но хорошо бы знать, как Вы думали.

Новицкий: Я Вам правду скажу: это была первая встреча представителей власти с митрополитом. Все духовенство было очень удивлено, что вот разговаривает представитель власти.

<... >

Пред[седатель]: Митрополит давал некоторые указания, когда Вы уезжали в Комиссию?

Нов[ицкий]: Он лично мне не давал указания, но рассказал о том, как он был принят и как был поставлен вопрос.

Пред[седатель]: Как же Вы Гуденкову говорили: „Я пойду, спрошу митрополита“, на что же он уполномочивал?

Нов[ицкий]: Я понял, что какая-то Комиссия, которая устанавливает, какие вещи в первую очередь должны быть, которые во вторую, и тогда для меня был не ясен вопрос, как это сделать, чтобы вещи не вышли из Петрограда. Помню, нам митрополит сказал, что тут же, в Петрограде, эти вещи будут превращены в слитки, а слитки будут тут же в Петрограде превращены [в деньги] на покупку хлеба.

Председатель: Позвольте, как же так, если купят здесь хлеб, то все равно этот хлеб должен быть увезен?

Нов[ицкий]: Комаров такую фразу...

Председатель: Но ведь митрополит, по Вашим словам, говорил, что вещи будут превращены в слитки, и на эти слитки хлеб в Петрограде закупить. А слитки куда же денутся, кто хлеб продаст, тот и увезет? Я хочу узнать, в чем же должно быть разногласие у Вас с этой Комиссией.

Нов[ицкий]: Гуденков сказал не так, слитки эти все увезут в Москву, а не в Петрограде. Иначе мы не можем. Тут произошло недоразумение. Мы совсем не уполномочены, я говорю: нужно спросить у митрополита, как выяснить это недоразумение. После мы оба пошли и заявили митрополиту, что произошло какое-то недоразумение, то-то и то-то произошло. Митрополит говорит: „Странно“. Он был очень смущен и сказал: „Я ничего не понимаю, когда я был в Смольном, мне говорили не так“.

Пред[седатель]: И на этом были прерваны все переговоры?

Нов[ицкий]: Тогда митрополит сказал: „Я не знаю. Нужно будет подумать, что сделать. Я подумаю по этому поводу“. Я сказал митрополиту, что нужно подчиниться декрету. Митрополит сказал: „Я еще подумаю“.

Пред[седатель]: Сколько же времени думал митрополит об этом?

Нов[ицкий]: Тут же митрополит сказал, что нужно будет собрать несколько лиц, и указал: „Вот у Аксенова, может быть, мы соберемся“ – и указал тех лиц, которых было бы ему желательно собрать.

Пред[седатель]: Почему Вы не указали митрополиту: „Мы думаем, а люди мрут, ведь время идет и надо помогать быстрее“?

Нов[ицкий]: Нам Гуденков сказал, чтобы мы пришли во вторник и принесли ответ от митрополита.

<... >

Член суда: Теперь сообщите мне, если бы Вы производили такую экспертизу, как профессор, скажите, если их прочесть, как бы Вы их нашли – носили ли они чисто духовный, пастырский взгляд, чисто духовную пастырскую мысль или были написаны рукою не пастыря, а рукою администратора?

Нов[ицкий]: Позвольте, Вы скажите отдельно – первые два письма и третье...

Член суда: Я спрашиваю Вас, как Вы понимали?

Нов[ицкий]: Я говорю, что первые два письма не есть письма пастыря.

Член суда: Я задам вопрос короче – эти все три письма с протягивающейся сквозь них нитью, что они говорят? Написаны ли они в пастырском духе или это письма администратора?

Нов[ицкий]: Первое письмо – это есть требование, обращенное пастырем-администратором к пастве.

Член суда: Теперь Вы как профессор, председатель правления, там было известно, что Вы являетесь знатоком юридического права, Вы могли предусмотреть, что такие противоречивые воззвания, они неизбежно вызовут в массах эксцессы? Вы могли это предусмотреть или не могли это предусмотреть?

Нов[ицкий]: Я не мог этого предусмотреть, потому что первые два обращения имели характер каких-то переговоров, а третье было категорическое требование вполне подчиниться власти. Я полагал, что никаких эксцессов не произойдет.

<...>

[Обвинитель] Краст[ин]: <...> Вы коснулись вопроса о двенадцати священниках. Был такой случай, что Вы от имени правления сделали выговор свящ. Введенскому, подписавшему это воззвание?

Нов[ицкий]: Не Введенскому, а об этом было в газетах напечатано, что Боярскому. Я об этом

узнал из газет. Там было написано так, что прот. Боярский подписал воззвание, несмотря на то, что правление приходов выразило ему порицание. А на самом деле никогда порицания прот. Боярскому не было высказано и не могло быть высказано. Боярский был член правления и в этой области вместе со мной давно работал, и вынести ему порицание я бы не считал возможным.

[Обвинитель] Краст[ин]: Так что это обстоятельство в показаниях Боярского Вы отрицаете?

Нов[ицкий]: Мне ничье показание не было предъявлено, я получил только обвинительный акт. Вот Введенский там показывает, это да, если Вы хотите по поводу Введенского, это было не на заседании правления, это было на масленой неделе, как есть показание Введенского, но я ему высказал совершенно не порицание, это не было порицание.

[Обвинитель] Краст[ин]: От имени правления?

Нов[ицкий]: никоим образом от имени правления.

[Обвинитель] Краст[ин]: А на каком заседании?

Нов[ицкий]: Это на заседании помощи голодающим, и я ему отнюдь не вынес порицания, а я ему могу текстуально повторить, что я ему сказал, что он мне ответил и чем это кончилось.

[Обвинитель] Краст[ин]: Может быть, Вы это скажете?

Нов[ицкий]: Он говорил о том, что все спят, а нужно оказывать энергичную помощь голодающим и нехорошо все делают, которые сейчас от этой помощи отказываются, а я ему сказал следующее: „От[ец] Александр, мне и другим верующим членам правления это слушать обидно, потому что с июня м-ца мы все принимали все меры к тому, чтобы Церковь Православная пришла на помощь голодающим. И Комиссия была, и я ходил в эту Комиссию, и только впервые Канатчиков заговорил хорошо, а до тех пор говорили – какой разговор может быть о помощи Церкви, это совершенно нас не касается, не нужно никаких воззваний, никаких общих сборов, а если собирают на тарелку, то пусть отдадут в Исполком, а чтобы Церковь помогала, так этого не должно быть“. Вот впервые от Канатчикова я услышал другой оборот. Я буквально слов Канатчикова не помню, но на меня это заседание с Канатчиковым произвело глубокое впечатление, это впервые человек пришел и впервые с нами говорил.

<... >

Защитник: Какие это были комиссии?

Новицкий: Только не административные, вот комиссии помощи голодающ[им].

Защитник: Но Комисс[ия] помощи голод[ающим] – это только обществ[енная] организация или это орган митрополита?

Новицкий: Это орган Петроградского митрополита! Она подчиняется митрополиту.

Защитник: Даже подчиняется митрополиту? Такая комиссия в Петрограде имела место?

Новицкий: Имела.

Защитник: Когда?

Новицкий: Она возникла в июне мес[яце] или в первых числах августа, потом была закрыта.

Защитник: Была закрыта тоже в августе?

Новицкий: Да, в связи с закрытием Комисс[ии] помощи в Москве.

Защитник: А после этого, когда была Комиссия, значит в прошлом году; когда закрылась?

Новицкий: Когда надо было, тогда она и закрылась.

Защитник: Она не возродилась?

Новицкий: Возродилась в январе, в первых числах января.

Защитник: Вы в этой Комиссии принимали участие?

Новицкий: Да, принимал участие.

Защитник: Может быть, Вы припомните, почему она возродилась?

Новицкий: В конце декабря было получено сообщение, я узнал о нем в заседании 1-го гор[одского] района, – о том, что Церковь приглашается принять участие в помощи голодающим, Церковь допускается к этому. И в 1-м гор[одском] районе был поставлен такой вопрос: как же поступить? Заседание было большое.

Защитник: Вы говорите о районном совете?

Новицкий: Да, о районном совете. Вот оттуда я узнал и сообщил митрополиту, что есть такая деятельность, ее можно восстановить. Сначала митрополит сомневался, но потом она возникла.

Защитник: Вы не помните, что 21 января было опубликовано за подписью Винокурова... (не слышно) вопрос об изъятии частичном. Значит, в связи с этим (читает).

Новицкий: Даже до этого.

Защитник: Приблизительно период обнимающий?

Новицкий: Только до этого.

Защитник: В качестве кого Вы там работали?

Новицкий: Была организована инициативная группа помощи голодающим, в нее были привлечены Введенский, Заборовский и я. Нас было трое».

²⁰ Рязанов (Гольдендах Давид Борисович; 1870–1938), основатель и в 1921–1931 гг. директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, академик АН СССР (1929). В 1938 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

²¹ «Красн[ицкий]: Я просил бы Трибунал указать мне точно, по каким вопросам желательно иметь мои показания, потому что я не имел возможности следить по газетам за этим процессом, так как недавно прибыл из Москвы. Я не имею ясного представления, какие вопросы Петроградское епархиальное управление сейчас рассматривает.

Председатель: История послания митрополита Петроградского вам известна в общих чертах, 6 и 11 марта. Затем вы, может быть, сообщите об образовании нового течения в Церкви.

Красн[ицкий]: Слушаюсь. Когда зародилось это течение и его причины в петроградском масштабе или во всероссийском?

Председатель: В петроградском масштабе и во всероссийском масштабе.

Красн[ицкий]: Относительно писем митрополита Вениамина по поводу изъятия церковных ценностей могу сообщить просто, как приходский священник, следующее. Первоначально, вот, последовало послание митрополита Вениамина этого характера запретительного в духе послания Патриарха Тихона, который грозил низвержением сана и отлучением от Церкви православным священникам и мирянам за добровольную сдачу церковных ценностей. Митрополит Вениамин подтвердил это послание и преподал к руководству духовенству. Оно и у нас было в Князь-Владимирском соборе для сведения и руководства, это первое послание. Из каких мотивов митр[ополит] исходил в этом послании, я о нем прямых сведений дать не могу, так как в это время стоял далеко от епархиального управления. Последовало, как известно, 2-е послание на Страстной неделе и в результате целый ряд событий, происшедших в нашей Петрогр[адской] епархии, которые связаны с выступлением нашей группы по поводу опубликования известного письма известного обращения к верующим, подписанного 12 священниками. Дело было таково: послание Патр[иарха] Тихона не основательно, как это вполне доказано, основанное на совершенно не относящихся к делу церковных канонах, было подтверждено преосв[ященным] митр[ополитом] Вениамином и те же самые 73-е правило апостольское и 10-е правило Двукратного Собора были приведены здесь, они совершенно не относились к делу. Это послание стало лозунгом, по которому приходские советы стали готовить противодействие отдаче ценностей, причем мне, как приходск[ому] священнику, по слухам видно было, что центром этого противодействия явилось правление православных приходов и отсюда, собственно говоря, был дан тон о том, что на основе этого послания оказано было противодействие сдаче ценностей и, как общеизвестно, произошло столкновение в Казанском соборе, произошло столкновение в церкви Спаса на Сенной. Пошли слухи, что в некоторых других церквях мобилируются толпы для противодействия сдаче ценностей. И вот тогда по приглашению прот[оиерея] отца Александра Введенского в его квартире собралась наша группа, т.е. группа людей, священников, которые расходились в разных взглядах, но в одном сходились – в решительном противодействии кадетской партии, которая в то время и до настоящего времени влияла решающим образом на церковные дела. Эта партия организовала противодействие сдаче ценностей. Тогда в этой нашей группе определялось, каким образом вообще нам действовать, и мы решили одно – положить другое дело, противодействие посланию митр[ополита] Вениамина, который отрицательно относился к сдаче ценностей, и выступили со своим взглядом сочувствия великому делу спасения умирающих от голода, именно во имя голоса своей совести и веления пастырского долга. Таково было наше послание, и это наше послание, как видите, произвело сильное впечатление в правлении правосл[авных] приходов. Пошли известные колебания, возник целый ряд недоразумений, в результате чего к нашему руководителю председателю Введенскому было обращено предложение митр[ополита] Вениамина явиться в этом случае на помощь. Но имея в виду, что с митр[ополитом] Вениамином нужно быть в достаточной степени осторожным, мы поставили отцу прот[оиерею] Введенскому условие, чтобы без письменного предложения он не ходил и чтобы вместе с тем помнил, что если и много здесь принесет пользы, ему непременно за это будут неприятности. И вот тогда прот[оиерею] Введенскому последовало письмо митр[ополита] Вениамина, которое он начинал с официального приглашения, а потом переходил в обыкновенный дружественный тон – как у них обычно с митр[ополитом] Вениамином было. Митрополит предлагал отцу Алекс[андру] Введенскому явиться к нему для переговоров. И вот, уже приглашенный к митрополиту, он взял с собой прот[оиерея] Боярского и там они сговорились относительно тех положений, на основе которых Введенский и Боярский могут выступить в Смольном перед гражданской властью по

поводу сдачи ценностей, причем, когда пришел отец Александр Введенский на наше собрание, то он нам предъявил собственной рукой написанные пункты и резолюцию за № 592, собственноручно написанную митрополитом, которой он уполномочивал Введенского и Боярского отстаивать вышеизложенное положение, т.е. выразить согласие на передачу ценностей для помощи и спасения голодных. Вот в результате этого обращения Введенского в Смольном и последовало 2-е послание митр[ополита] Вениамина, которым позволялась сдача ценностей гражданской власти. Вот это коротко относительно послания митр[ополита] Вениамина. Теперь видите, относительно нашего нового течения, то первоначально <...> оно имело своим намерением отделиться от того контрреволюционного духовенства, которое ориентиров[алось] в направлении приходов противодействовать сдаче ценностей. Так как для нас было совершенно ясно, что это контрревол[юционное] движение – а мы этому делу не сочувствовали в корне, – мы отделились и мы выступили с этим своим заявлением. Это было наше первоначальное ядро. Дальше история этого самого нового течения. Вследствие неприятностей, которые каждому из нас пришлось терпеть в разной мере, перед нами возникла мысль о том, чтобы войти в сношения с соответствующими группами московскими, и мне пришлось ехать в Москву. Потом другие товарищи поехали в Москву и вошли в сношение с москвичами, и постепенно движение нашего белого духовенства стало всероссийским. В настоящее время оно охватывает более 21 губернии, имеет определенные свои лозунги, имеет свой схематический устав. Вот относительно нашего движения белого духовенства в этом процессе.

Председатель]: Скажите, может быть, вы подробно остановитесь на деятельности общества православных приходов? <...> Вот вы здесь сообщили нам о том, что это послание распространялось. Может быть, вы сообщите, каким образом правление распространяло это воззвание? Затем, может быть, вы укажете, какая инициативная группа этого правления руководила этим движением контрреволюционным.

Красн[ицкий]: Относительно, видите, роли, как распространялось это воззвание с технической стороны, я ответить не могу, потому что я хотя и участвовал в общем собрании как член выборный общим собранием самого правления, но в самом ядре я не участвовал и потому как у них эти дела шли, я не знаю. Но несомненно одно – центром всего являлось Общество православных приходов. Причем я работал по организации братства православных приходов, которое действовало в 17–18 году. Это было гораздо более демократическое движение, и вот, когда я сравнивал только с этим, то видел совершенно особый характер нынешнего правления Общества православных приходов, именно в том смысле, что центральная роль в нем принадлежит кадетской партии, т.е. представителям мирян из адвокатов, профессоров и других чиновников, которые там распоряжались. Я воздержусь назвать имена, опасаясь, что ошибусь в этих именах. Но суть здесь была как

раз не в священстве, там играли главную роль миряне. Характерно было то, что даже речь отца Алекс[андра] Введенского, которую он должен был сказать здесь на митинге, цензурировал проф[ессор] Новицкий. Когда я сказал Введенскому: как же вы могли дать цензурировать свою речь, то оказалось, что таковы были условия в этом Обществе православных приходов, и Введенского как раз миряне тянули к ответу. Так что центральную роль в этом правлении Общества православных приходов играли главным образом члены его из мирян.

Предс[едатель]: У обвинения есть вопросы к свидетелю.

Красиков: Разрешите мне узнать, как обстоит сейчас дело с Высшим церковн[ым] управлением?

Красн[ицкий]: Высшее церковное управление организовано в настоящее время в Москве следующим образом. В основе его лежит резолюция Патр[иарха] Тихона, данная на прошение 3-х священников из той группы, которая явилась к нему в ночь 12 мая и получила от него отречение от управления. Тогда, видите, вот после отречения Патр[иарха] Тихона от Высшего церковного управления он написал, что он передает управление и ставит во главе управления митрополита Агафангела. Прошло несколько дней, оказалось, никто и ниоткуда не обнаружил ник[ак]ого желания ехать к митрополиту. Мы наивно – откровенно говорю – думали, что гражданская власть пригласит Агафангела, потому что письмо Тихона было на имя Калинина. Мы думали, что, верно, Калинин будет заботиться об этом, но прошло время, прошло несколько дней, мы видим, никто не заботится, все осталось так, как было, тогда мы обратились сами к гражданской власти с просьбой, чтобы нам разрешили показать письмо Агафангелу, относительно приезда Агафангела. Тогда мне пришлось ехать к Агафангелу в Ярославль, а три мои собрата Белков, Введенский и Калиновский, они обратились к Патр[иарху] Тихону с просьбой разрешить им принять дела патриаршего управления и пригласить к решению этих дел пребывающих в Москве

преосвященных. Патриарх положил на этом резолюцию: означенным лицам принять это дело до прибытия митрополита Агафангела. Вот эти лица по прибытии моем из Ярославля приняли эти самые дела, но как только открылись двери Троицкого подворья, туда повалила волна народа и требовала, чтобы мы разобрались в делах. Широкой волной откликнулась вся Россия, и мы были завалены грудой телеграмм с приветствием. Значит, самой исторической волной нам предназначено было в полном смысле слова взять на себя высшее управление Российской Православной Церковью. Это вполне определенное указание того обстоятельства, как развилось нынешнее церковное управление. Оно является в этом отношении признанным громадной массой епархий, широкой массой белого духовенства, которое определено на нем ориентировалось. Особенность Высшего церк[овного] управления заключается в следующем, а именно, что в нем руководящую роль играет

белое духовенство, потому что из 8 членов, которые в нем состоят, как-то: преосв[ященный] Антонин, еписк[оп] Леонид, Иоанн Альбинский, Ио[нрзб.] московский и 4 еще священника. Оказывается, 6 лиц, или человек 7–5, представляют из себя белое духовенство и заместителем председателя Высшего церк[овного] управления был выбран я как организатор группы революционного] белого духовенства „Живая церковь“. Вот как развилось наше Высшее церковн[ое] управление. Оно имеет под собой канонический Устав, потому что имеет резолюцию Патриарха Тихона, но волна истории поставила нас во главе всего течения церковных дел. Это не то, чтоб мы добивались его. Я намерен указать, что мы ничего не искали, но волна истории нас поставила, и вот, сколько хватает сил, мы это дело исполняем для всей Российской Церкви.

Красиков: Вы вошли в соприкосновение с высшим духовенством, с высшей иерархией, которая вас признает или не признает.

Красницкий: Конечно, самое реальное было отлучение митрополита Вениамина, потому что, должен опять сказать, в том вот письме на имя председателя ЦК тов. Калинина Патриарх Тихон говорил: нахожу полезным для блага Церкви поставить временно до созыва Собора или Ярославского митр[ополита] Агафангела, или митр[ополита] Петроградского Вениамина. Так что здесь, хотя имя митр[ополита] Вениамина было, Патр[иарх] Тихон послал нас к Агафангелу – его воля была нас послать и к митр[ополиту] Вениамину, и вот в это время, когда мы наладили управление, когда мы ожидали прибытия Агафангела, то для оповещения Петрограда послан был в Петроград личный друг митрополита Вениамина отец Алекс[андр] Введенский, который как раз взял на себя эту миссию ввиду особенно дружественных отношений к митрополиту поставить его в известность об этом событии. Вдруг мы узнаем совершенно невероятную вещь: на основании слухов, дошедших до митрополита, он нас 3 отлучил от Церкви. Это было деяние чрезвычайно удивительное, потому что, если мы даже совершили какое-либо нарушение служебной дисциплины, то нас можно было отрешить от совершения служб, хотя с этой стороны никакого служебного нарушения мы не совершали, потому что митрополия Петроградская входит в Патриархат Всероссийский, и, выехавши из митрополии Петроградской, попали в ведение самого Патриарха, который лично нас всех 3 благословлял и принимал чрезвычайно любезно и потом еще сказал нам: вы знаете, я никогда не искал патриаршества, и когда вы меня освободите от патриаршества, я буду вам чрезвычайно благодарен. Это были его последние слова. Это в то время, когда мы имели перед собой самое благожелательное отношение Патриарха Тихона, вдруг получаем документ, собственноручное послание митр[ополита] Вениамина, в котором он нас 3 отлучает от Церкви. Это был, конечно, самый большой удар, который был нанесен нашему церк[овному] управлению представителями монашеского духовенства. Причем говорю, это был акт совершенно незаконный, потому что, если мы совершили нарушение служебной дисциплины, мы могли бы получить запрещение в службе как священники. Но мы не совершили нарушение ни перед догматами, ни перед канонами нашей веры, ни в чем не нарушили нашего священнического долга, за что подлежали бы отлучению от Церкви. Митроп[олит] Вениамин по одним слухам, не имея документов, не имея нашего объяснения, отлучил нас от Церкви. В данном случае проявил только полноту архиерейского деспотизма, с которым мы решительно вступаем в борьбу. Достаточно натерпелось наше духовенство от неограниченного архиерейского деспотизма.

Красиков: Так что по приезде вы были отлучены?

Красницкий: Нет, я был в Москве, а здесь был один Введенский.

Красиков: Затем, когда вы приехали, представили ли вы какое-нибудь доказательство митрополиту?

Красницкий: Мы не приезжали. Когда это было заслушано в Высшем церковном управлении, то, принимая во внимание, что это, несомненно, политический выпад, потому что он не имел под

собой никакого канонического основания, а если они приведены здесь, то приведены также и в патриаршем послании. Затем, принимая во внимание послание к казакам и крестьянам в 18-м году, принимая во внимание, что он 4 раза менял свое мнение по вопросу о сдаче ценностей, мы доложили в Высшем церк[овном] управлении, где было единогласно постановлено – уволить митрополита от должности, как неспособного к управлению епархией.

Красиков: Когда вы беседовали ночью с Патр[иархом] Тихоном, то вы, очевидно, разъяснили ему, какая позиция создавалась в Церкви. Вот в вашей передовой статье имеется – кажется, в № 2 – вы эти аргументы выставили. Коренной ваш тезис был, что Церковь до сих пор контрреволюционна.

Красницкий: Видите, здесь указано – я должен предупредить вас, – что эта вещь напечатана и в гражданских газетах. Здесь, конечно, отмечена контрреволюционная деятельность церк[овного] управления, но Патр[иарх] Тихон уступил перед нами не только во имя этого, а потому, что ему было указано, что его управление развалило Церковь в корне, примером этого было указано на Киев, где произошел разрыв иерархии, где эта реакционная деятельность патриаршего наместника Михаила привела священников-малороссов к тому, что они вынуждены были сами посвятить себе епископа. Когда мы указали, до чего дошел разрыв, что сами посвящали епископа, то Патр[иарх] Тихон сказал: это ничтожные люди. Я говорю, хотя это ничтожные люди, но они произвели движение в Малороссии. Потом я указал на Пензу, где 2 архиерея друг друга отлучали, и затем еще на ряд соблазнов в целом ряде городо[в], и против этого Патр[иарху] Тихону нечего было сказать. Я указал затем на подбор лиц Высшего церк[овного] управления. Я указывал, что не столько вина падет на вас, сколько на тех лиц, которые окружали вас и проводили свою контрреволюционную политическую деятельность, пользуясь вашим именем, которые не умели ценить его как своего одиннадцатого патриарха, и здесь я свидетельствую, как вообще говорю по свидетельству своих братьев, моя речь была очень почтительна к нему как к человеку благодаря моим личным отношениям...

Красиков: Вы доказывали и доказали, по-видимому, что он является игрищем в руках окружающей его контрреволюционной клики. Красницкий: Я указывал, что его имя стало лозунгом контрреволюции, так что в этом отношении необходимы перемены епархиальной политики.

Красиков: Указывали, что эта линия особенно резко проявилась в политической связи с Антантой всеми контрреволюционерами для того, чтобы задушить Советскую Республику.

Красницкий: Мне пришлось указать на Карловицкий Собор. Хотя он мне указывал, что в Синоде в каком-то секретном собрании было постановлено привлечь их к суду, но это совершенно не было известно. А Карловицкий Собор был открыт с благословения Патриарха, причем особенно замечательно, что там был даже военно-церковный отдел, ведающий юнкерскими училищами, кадетскими корпусами и снабжением корпуса Врангеля».

²² В настоящее время не найдены документы об исполнении приговора, позволившие бы определить день расстрела и место исполнения приговора.

²³ Протоиерей Павел Николаевич Лахостский (1866–1931), настоятель церкви Пресвятой Троицы Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви; редактор «Санкт-Петербургского духовного вестника», «Православно-русского слова» (1906), «Церковного голоса» (1906–1907). 19 марта 1917 г. на собрании петроградского духовенства был избран председателем Исполнительного комитета по организации выборов Петроградского архиерея. Избран от клириков Петроградской епархии в члены Поместного Собора, который поручил ему редактирование «Всероссийского церковно-общественного вестника» (1917–1918) и «Церковных ведомостей» (1917–1918). В 1918 г. был арестован. В 1920–1922 гг. служил в селе Ильинском Угличского уезда Ярославской губернии, в 1922–1931 гг. – в Петроградской епархии.